

НАРОДНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

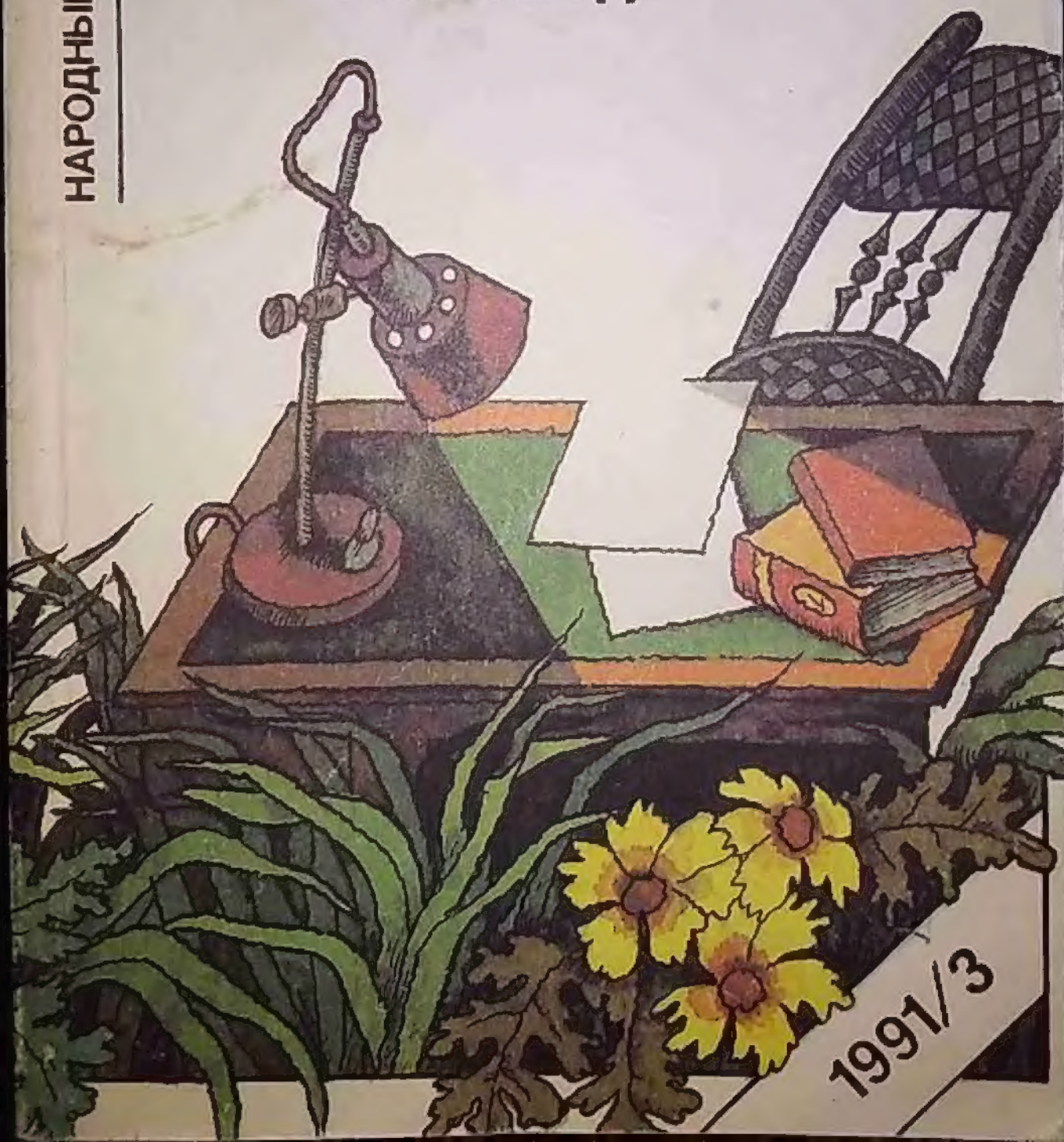

Педагогический

ФАКУЛЬТЕТ

Л. А. Никитина

Исповедь

1991/3

PHOTOS BY ANDREY G AKA DONUT190

НАРОДНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

Педагогический

ФАКУЛЬТЕТ

Издается
с 1964 г.

1991 / 3

Л. А. Никитина

Исповедь

ББК 74.9
Н62

Автор: НИКИТИНА Лена Алексеевна — многодетная мать, известная своими нетрадиционными методами воспитания детей в семье.

Редактор: О. Г. СВЕРДЛОВА.

Никитина Л. А.

Н62 Исповедь. — М.: Знание, 1991. — 192 с. —
(Нар. ун-т. Пед. фак.; № 3).
ISBN 5-07-001912-0
55 к.

Семья Никитиных за четверть века обросла легендами, а теперь еще и ярлыками: «педагоги-новаторы», «авторы системы нетрадиционного воспитания», «родители-профессионалы» и т. д. Новая книга Л. А. Никитиной разрушает этот стереотип. Она — словно отчаянная попытка прорваться к живым людям и показать, что все мы — и «знаменитые», и «простые» — равны и интересны друг другу только «выделыванием себя в человека» (Достоевский). Именно этим, по мнению автора, мы и можем быть близки и нужны нашим детям.

4312000000

ББК 74.9

ISBN 5-07-001912-0

© Никитина Л. А., 1991 г.

...Сделаться человеком нельзя разом, а надо выделаться в человека.

Ф. М. Достоевский

Никогда не думал я упрекать тебя в своей зависимости... Зависимость жизни семейственной делает человека более нравственным. Зависимость, которую налагаем на себя из честолюбия или из нужды, унижает нас.

А. С. Пушкин

Жениться, создать семью, принять всех рождающихся детей, сохранить их в этом неустойчивом мире и даже повести вперед — это, по моему убеждению, самое большое благо, которое дано человеку.

Ф. Кафка

От автора

Обычно книги для родителей не выходят за рамки семейно-педагогических проблем, все их содержание сосредоточено вокруг выхаживания, воспитания и образования детей самых разных возрастов. И от меня, многодетной матери и бабушки, уже написавшей несколько книг о воспитании, конечно же, можно было ждать продолжения начатого разговора: выросли дети, растут внуки, а жизнь не становится легче — есть над чем думать, о чем говорить. А я предлагаю родителям то, что напрямую с воспитанием не связано.

Думаю так: мы, взрослые, неинтересны детям, если заняты только ими и равнодушны к миру, в котором живем. Чем полнее, насыщеннее, многообразнее наша жизнь, чем интенсивнее душевная и духовная работа, тем больше у нас шансов идти с детьми рядом долго-долго, а может быть — если заслужили — и всю жизнь. Главное сейчас — не отдать детей порнухе и чернухе, покушающимся не только на настоящее, но и на будущее наше. Ради этого стоит потрудиться. Как говорил еще Вергилий: «Стойко держитесь, себя для времён сохраняя счастливых».

Перед вами не дневник, хотя тут есть записи и по следам событий. Но таких мало. Больше всего здесь, пожалуй, зафиксированных итогов каких-то моих размышлений, чтобы не забыть, до чего додумалась. Видимо, потребность в этом появляется у людей в какой-то период жизни, особенно если мысли кажутся важными, а поделиться ими не с кем — не часто ведь в нашей суете люди могут слушать друг друга. Публиковать я все это, конечно, и не помышляла, хотя, что греха таить, втайне надеялась на доброго собеседника, который отзовется душой на мою попытку осмыслить мир, в котором живу, и подумает со мною вместе.

По
к этой
дочери
но пр
надеюс
Итак
но был
Но уж
и отвел
«Ну
ты мен
думаеш
Понима
а у меня
Почему?
Но они ф
ня такая
столе на
их как-то
получает
себе: хот
Все эти «
я подума
бы прочи
минозною
для меня
сравниват
мысленно
ника — вс
ей головой
ся?
Есть у
ния пара
перечитыв
но бывает.
заветную,
Мне не на
глаживать.

1. МЫСЛИ ВРАЗБРОС, ИЛИ МОЯ КРАСНАЯ ТЕТРАДЬ

После некоторых колебаний я вместо предисловия к этой НЕ книге решила поместить свое письмо к дочери и ее ответ. И то и другое двухлетней давности, но прямо относится к публикации моих заметок и, надеюсь, объяснит вам, почему я отважилась на это.

Итак, однажды в трудную для меня минуту так нужно было посоветоваться, а рядом никого не оказалось. Но уж коль загорелось — не удержишь в себе, вот я и отвела душу в письме к дочери:

«Ну к кому ж мне еще обратиться, как не к тебе: ты меня и поймешь лучше всех и скажешь то, что думаешь. Это-то мне больше всего сейчас и нужно. Понимаешь, я в тупике: рукопись уже надо сдавать, а у меня ничего не выходит, да чувствую, и не выйдет. Почему? Ведь мыслей много и дельных, по-моему. Но они фрагментарны, не связаны между собой (у меня такая манера записывать) — их целый ворох на столе на отдельных бумажках. Как только я пытаюсь их как-то связать, доказать, «опримерить» и «оживить», получается такое, что руки опускаются. Я представила себе: хотела бы я сама это все читать? Ни боже мой! Все эти «оживляжи» надоели и в других книжках. Тут я подумала: а что бы мне педагогическое хотелось бы прочитать? Не потому, что «нужно, полезно, витаминозно», а просто интересно. А самое интересное для меня — думать, размышлять, со своим опытом сравнивать — как бы разговаривать с кем-то хотя бы мысленно. Ты ведь знаешь, как не хватает мне собеседника — всем то некогда, то неинтересно. Куда со своей головушкой, как с переполненным котлом, сунешься?»

Есть у меня одна заветная тетрадка «для выпуска пара» из моего мыслительного котелка. Иногда перечитываю — разговариваю сама с собой. Интересно бывает. Вот и подумалось: чью-нибудь подобную, заветную, я бы, наверное, с удовольствием прочитала. Мне не надо ничего разжевывать, причесывать, приглаживать. Интересны мысли с пылу, с жару — лишь

бы они по-человечески были выражены. «Следить за мыслями великого человека — самое большое удовольствие», — так, кажется, А. С. сказал. Еще бы! Но следить за мыслями пусть не великого, а просто думающего человека — по-моему, тоже нескучное дело.

И вот тут-то и ударила меня мысль: зачем я берусь не за свое дело с этими книжками? Ну какая из меня писательница? А вот мои мысли вразброс — о чем думаю, что мучает, как к чему отношусь — может, они не только мне интересны? Что, если взять их и опубликовать? Вот как есть, как писались за все эти семь с лишним лет, все-таки большой кусок жизни в этой тетрадке. Очухалась: какое нахальство с моей стороны, да и мое это, личное, зачем так уж... Я же еще не померла. В общем, я заметалась, растерялась: и хочется, и колется. И вот думаю, как быть? Я очень доверяю твоему уму и сердцу, поэтому даю свою тетрадку на твой суд.

Сейчас перечитала ее еще раз, как бы со стороны. Кое-что дописала, где захотелось что-то добавить. И одолели меня опять сомнения.

Понимаешь, если я ее выпущу из рук, она станет как бы уже и не моя. Ощущение очень неприятное. Но с другой стороны, я ведь и писала все это потому, что жаждала собеседника. Это же не дневник, не летопись каких-то там моих переживаний, событий жизни — их публиковать мне бы и в голову не пришло. Это — работа мысли в основном, и она нуждается в том, чтобы кто-то ее продолжил. Как в диалоге, разговоре. Очень же трудно разговаривать самой с собой. Правда?

Я писала, конечно, не рассчитывая на чье-то чтение. И в то же время, честно говоря, подспудно было обидно, что вот никому это все не нужно, кроме меня. Когда придумала опубликовать — обрадовалась, и тут же: «Ой, что-то я не то делаю!» Вот и сомневаюсь.

Мои сомнения разреши.

Быть может, это все пустов?

Всю ночь она читала мою тетрадь, а утром вернула мне ее с написанным ответом. С ее разрешения

вот отрыв
«...Сам
тей, как
представл
ностью е
ную в так
ловеке ег

Мне се
ное, главн
надо их у
субъектив
веческих
полюбить.
ренные на
не любить

Записки
всех твоих
пойти и не
венные...»

А совет
словах — т
Только бы

С тех по
убавилось,
становимся
мои «Мысли
вала под зл
примитив, в
торой я и с
добавляла к
для будущего
продолжаю

Материнство
14.05.80. Н

Сколько о
не убавилось
ется. Матери
ем. И это в то
престижным
скорее, самы

вот отрывки из него:

«...Самое трудное для родителей и выросших детей, как мне сейчас кажется, — преодолеть в себе представления, суженные родственностью, материальностью ежедневных общений (пусть даже проявленную в такой форме и любовь), и увидеть в другом человеке его суть духовную...»

Мне сейчас 20 лет, я вижу, что одинаково конечное, главное в людях — самим **ДЕЛАТЬ СЕБЯ**, потому надо их уважать (по Фазилю Искандеру: уважать их субъективные усилия по преодолению в себе нечеловеческих качеств) и, увидя в них эти усилия, всех полюбить. У тебя в записной книжке есть необговоренные нами мысли, с тоскою сжатые в слова, — как не любить и не считать их бесценными...

Записки твои... — это твой путь, у меня другой и у всех твоих детей другие, каждому нащупать бы свой, пойти и не ослабнуть — тобою на то мы и благословенные...»

А совета никакого в записке не оказалось. И на словах — то же. Все верно: мой путь, мне и выбирать. Только бы не ослабнуть...

С тех пор прошло три года, сомнений у меня не убавилось, но видно, время такое настало — все мы становимся откровенней и смелей — и я решилась: мои «Мысли вразброс» перед вами. Я их не причесывала под злобу дня, не удаляла лишнее, не убрала ни примитив, видный сейчас, ни безапелляционность, которой я и сейчас грешу, а тогда и подавно. Иногда добавляла кое-что, чтобы прояснить мысль, не только для будущего читателя, но и для себя самой. Что ж, продолжаю думать — **ДЕЛАТЬ СЕБЯ**...

Материнство

14.05.80. Ночь

Сколько о нем прекрасных слов сказано, а путаницы не убавилось и уважения к материнству не прибавляется. Материнство становится непрестижным занятием. И это в то время, когда оно должно быть **САМЫМ** престижным (слово — противное, понятие — тоже), скорее, самым благородным, самым главным, самым

притягательным и самым почитаемым делом женщины, ее духовной потребностью. Иначе человечество просто-напросто деградирует, что мы сейчас и наблюдаем...

Бездарно организованная эмансипация — какая-то зловещая социальная ошибка. Иногда даже думаю: преднамеренная дьявольская ловушка для человечества. В самом деле, стоит вдуматься: что на что меняем?

Все нравственные понятия (хорошо и плохо) закладываются в подкорку, в интуицию, в чувства с первых дней жизни, а может быть, и еще раньше. Они составляют нравственный стержень человека, его нравственный эталон — СОВЕСТЬ — с которым он будет интуитивно советоваться всю жизнь. Ломать его потом, переделывать невероятно трудно («по каплям выдавливая»), почти невозможно.

Но обработка человека в этом отношении, формирование его стержня — настолько тонкий и индивидуальный, филигранный процесс, что требуется глубочайшая сосредоточенность, спокойствие, внутренняя тишина. Все мадонны на великих полотнах — воплощенная спокойная сосредоточенность на ребенке. «Служенье муз не терпит суеты, Прекрасное должно быть величаво». А главная из муз — по-моему, материнство. Его-то мы и променяли на суету...

Сколько иметь детей?

12.05.80

Единственный, всегда ли это плохо? А Лермонтов? Королев, Бартини, мой любимый А. К. Толстой? и т. д. и т. п. (вплоть до некоторых наших знакомых)?

Из одного письма в редакцию: «Надо думать не о количестве, а о качестве... лучше вырастить одного, развитого во всех отношениях хорошо (как я у родителей, потому что одна), чем наплодить много, жить в нищете, ничего детям не дать...» Какие жесткие слова. Авторше при всей ее «развитости» сильно не хватает главного — доброты. Она своим письмом, его тоном сама себя опровергает: не получилось из единственной хорошей человека.

Но з
ущербно
мысль Л
Хотелось
шему пр
слониться
что-то, сп
даря ему
радуясь
которые н
тоянно пр

Думаю

Один р

всех отно
дут высоча
себе стану
2. Или взро
это, самым
бенком рас
(«выдавлива
способленца

Эти два
порциях, но
собным на в
цели.

Люди сре
плохо воспит
не вырастят
большинство,
ти — нравст
люди.

Нам, среди
в наших услов
тей, если в се
создает допол
обогащении —
мулировании р
Тогда, може
Еще лет пять
а теперь — пог
треба разжувати

Но значит ли это, что единственный обречен на ущербность? Нет, конечно. Есть и такая интересная мысль Лены Ч. (1990): «Как мне было одиноко одной. Хотелось братьев — и старшего и младшего. К старшему прислониться, младшего — чтоб было кому прислониться ко мне. Но если есть путное во мне хоть что-то, спасибо моему одиночеству. Во многом благодаря ему я создавалась сама, внутренне делалась, радуясь и болея каждой своею мыслью, чувством, которые не требовали сиюминутного выплеска на постоянно присутствующих рядом».

Думаю так.

Один ребенок может быть воспитан достойным во всех отношениях человеком, ЕСЛИ: 1. Рядом с ним будут высочайше нравственные люди, которые сами по себе станут для него эталоном человеческих качеств. 2. Или взрослые, пусть несовершенные, но сознающие это, самым тщательным образом станут вместе с ребенком растить, переделывать, ломать и делать себя («выдавливая из себя по каплям» раба, труса, приспособленца, жмота и т. д.).

Эти два условия могут сочетаться в разных пропорциях, но они под силу людям незаурядным, способным на высокую жизнь и на подвиг во имя большой цели.

Люди средние — затырканые, замотанные, сами плохо воспитанные и не замечающие этого, никогда не вырастят из одного ребенка что-то путное. А таких большинство, поэтому чаще всего единственные дети — нравственные уроды или нежизнеспособные люди.

Нам, средним — большинству! — легче вырастить в наших условиях (суеты и нехваток) нормальных детей, если в семье два-три ребенка. Это само по себе создает дополнительные условия в усложнении — обогащении — отношений, в накоплении опыта, в стимулировании родительской ответственности и мысли.

Тогда, может быть, чем больше детей, тем лучше? Еще лет пять назад я, право, сказала бы «Конечно!», а теперь — погожу. Думаю: оптимум трое, а почему — треба разжуваты, об этом потом как-нибудь...

Зачем нужны дети!

Думала: дети воспитывают взрослых, делают их людьми. Утопия! Сколько угодно кругом: нелюди-взрослые делают нелюдьми детей, а не наоборот! Значит, само по себе это не делается. Должны быть условия, когда дети действительно становятся великим стимулом очеловечивания родителей.

Какие? Надо думать и думать об этом. Одно, мне кажется, я знаю. Надо взять на себя всю ответственность за всю жизнь своего ребенка, никогда не позволяя себе ничего сваливать на природу, школу, детсад, двор, соседей, приятелей и т. д. Но при этом понимать, как влияют все перечисленные факторы и что при этом делать тебе — да, опять-таки тебе, мать, и тебе, отец.

20.05.80

Счастливое родительство — по-моему, творческое родительство — не по рекомендациям, инструкциям, методичкам. В этом суть и нашего опыта, это и надо передавать людям. Сейчас в семьях и в школе развал еще и потому, что нет творчества, нет тяги к творчеству, нет потребности в нем. А потому тяжело, нудно, безрезультатно...

Еще о материнстве и... деньгах

Поговаривают о каких-то дотациях, оплате материнского труда. Для меня это звучит кощунственно. Труд матери может быть вознагражден только детской любовью и благодарностью, но не должен быть оплачиваем государством или кем-нибудь. Нет денежного эквивалента материнской любви и ее великого душевного труда. Высшая и единственная награда ее — выращенный ею хороший человек (в это понятие входят любовь и благодарность к матери) да уважение людей, а не медали за количество.

А если будут платить? Да тогда любой отпрыск может заявить — и формально будет прав! — «А ты, мать, должна... тебе за это деньги платят». Ну, тогда действительно, святых вон выноси!.. Нельзя допустить этого!

Мама и раб

14.05.80

Юлька з

«Что ска

профессор,

Вопрос п

как бы прос

тия как чело

всего оторва

си-пе!), — э

ство, да ещ

опыта и ника

об этом жал

рошо, что дс

пришлось, да

Однако во

сипе первого

хорошие: раб

чески, а по не

ря на то что

и подавно. В

Может бы

побуждают ж

С чем? Если

ся вот в чем:

1. Что в х

работнице как

себя (сейчас п

2. Какие пр

новлению мате

ему, должна ф

ринские — кач

шать их.

20.05.80

Размышляя

Чтобы быть

ма), нужно бы

причем ощущат

в этой деятельн

столько обслуж

Мама и работа

14.05.80

Юлька задала мне ехидный вопрос:

«Что сказала бы Л. А. Никитина, доктор пед. наук, профессор, об опыте воспитания семьи Никитиных?»

Вопрос привел меня в восторг, ведь он побуждает как бы проследить два возможных пути моего развития как человека: 1. Ученая карьера, эрудиция, чаще всего оторванная от реальной жизни и детей (э-манси-пе!), — это, к счастью, не состоялось. 2. Материнство, да еще многодетное, — накопление живого опыта и никакой почти эрудиции (читать-то некогда!) — об этом жалела когда-то, а теперь понимаю, это хорошо, что до книг не добралась сразу, самой думать пришлось, да еще как!

Однако вот парадокс (подумать!). У матерей-эмансипе первого поколения дети выросли, в общем-то, хорошие: работающие, порядочные (сужу не статистически, а по непосредственным впечатлениям), несмотря на то что матери детьми занимались мало, а отцы и подавно. В чем тут дело?

Может быть, производство, общественная работа побуждают женщин расставаться с чем-то бабским? С чем? Если это понять, то тогда можно разобраться вот в чем:

1. Что в характере надо приобретать женщине-работнице как матери, а от чего необходимо оградить себя (сейчас путаница)?

2. Какие профессии, должности способствуют становлению матери, а какие — мешают? Работа, по-моему, должна формировать какие-то ценные — материнские — качества личности, а не разрушать, заглушать их.

20.05.80

Размышляя дальше, пришла к любопытному:

Чтобы быть только матерью (не работать вне дома), нужно быть очень высокоразвитым человеком, причем ощущать свою ценность как личности именно в этой деятельности и заниматься (уметь! хотеть!) не столько обслуживающим трудом, сколько творчест-

вом в области воспитания на уровне высочайшего профессионализма.

Если этого нет, если нет высокой степени культуры, тогда работа вне дома во благо: она помогает самоутвердиться и увидеть себя среди людей, а это необходимо в общении с детьми. Иначе можно стать просто прислужой, потерявшей себя (если добрый человек), или деспотом, давящим всех и вся (если недобрый, сухой, так называемый рассудочный человек) — и то, и другое худо.

Эта тема — одна из самых больных для меня, я возвращаюсь к ней много раз да и всю жизнь буду возвращаться, пока не разберусь.

Надо и хочу

Если свобода есть осознанная необходимость, тогда счастье состоит в удовлетворении потребности (хочу), которая вытекает из необходимости (надо).

Или иначе: счастье есть превращение необходимости в потребность и удовлетворение этой потребности.

Получается что-то злумно. Давай разбираться.

Ход мыслей был приблизительно такой. Сначала я обнаружила такое вот противоречие у Чехова: с одной стороны, «выдавливаю из себя раба» (т. е. преодоление!), с другой: «Делай всегда только то, что хочется» (т. е. не насилуй себя!). Вспомнила суворовское: «Ну что, скелет, дрожишь? Я тебя еще не туда поведу!» Или Горький: «Человека делает сопротивление окружающему». Да все дело в том, что такому человеку нравится преодолевать, сопротивляться, бороться, он хочет этого, эта его потребность — одна из сильнейших. Значит, никакого противоречия у Чехова нет: желай того, что достойно, действительно необходимо в жизни: хочу то, что надо.

Главная трудность здесь — оценить, не подменить истинную необходимость (социальную, биологическую, нравственную) какой-нибудь шелухой, эрзацем, подменным модой, пропагандой или ловким ходом лидера, руководителя, пастыря, использующих знание психологии с какой-нибудь выгодой для себя.

Демагогия
можно и со
вают и чист
ко и за ни
«Дяде Ване
пузырь», под
рые охотно
дываясь, ком
пришло так г

Значит, «д
но хорошим
ление станови
А если «душе
потребу, — э

Кроме тог
тей. Развивая
застревает в
другие, тянет
ше.

Словом, хо
ло, например,

Ученые, практи
Надо опреде
не профаниров
деятелей в люб

практики —
опыт непосред
хлеб для науки;

ученые — об
дят общие зако

Они друг без
другое нужно.

Но есть межд
числа!) — ни то

и тех и других, а

Можно быть п
щениях до науки

практиком. Вооб
надо опасаться бо

Демагогия — всегда бесчестье, а вот интрига возможна и со знаком плюс (Ходжа Насреддин). А бывают и чистосердечные заблуждения, ошибки. Однако и за них приходится расплачиваться сполна. В «Дяде Ване» Чехова Серебряков, этот «мыльный пузырь», подчиняет себе жизни людей хороших, которые охотно (!) служат ему верой и правдой, не догадываясь, кому отдают силы и средства. Прозрение пришло так поздно.

Значит, «душечка» хороша рядом с действительно хорошим человеком, у которого она вызывает желание становиться лучше, стремиться к совершенству. А если «душечку» эксплуатируют, используют себе на потребу, — это страшно.

Кроме того, надо различать два рода потребностей. Развивая одни, человек мельчает, деградирует, застревает в «болоте мещанства» (Герцен); развивая другие, тянется вверх, делается человечнее, лучше.

Словом, хочешь стать человеком — ввяжись в Дело, например, обзаведись детьми.

Ученые, практики, дилетанты

Надо определять трезво свое место в деле, чтобы не профанировать его. По-моему, есть три категории деятелей в любой области знаний:

практики — специалисты, приобретшие большой опыт непосредственно в деле, которым заняты. Это — хлеб для науки;

ученые — обобщают весь имеющийся опыт, находят общие закономерности, создают теорию, освещающую путь практикам.

Они друг без друга не могут существовать. То и другое нужно.

Но есть между ними прослойка людей (несть им числа!) — ни то ни се, дилетанты, которые поучают и тех и других, а мешают всем.

Можно быть практиком, доходящим в своих обобщениях до науки. Можно и ученому самому быть практиком. Вообще, сближение их — прекрасно. Но надо опасаться болота дилетантизма — засосет.

Записывать или нет?

Меня упрекают в том, что я пренебрегаю записями. «Запись глупого лучше памяти умного, — говорит Борис, — все забывается, потом не вспомнишь». А мне и правда вовсе не хочется то и дело хвататься за карандаш. Лень, что ли? Нет, тут другое. Когда пишу или записываю что-то, ловлю себя на ощущении, что как бы отделяюсь от мыслей — не внутрь мозга кладу, чтобы перерабатывалась, варилась с остальными, а выкладываю вовне, куда-то, как бы изымаю из обращения и беднею, утрачиваю что-то при этом. Запись как бы освобождает память и не нагружает топливом мозг. Это во-первых.

Во-вторых, письмо, не поспевая, сковывает, задерживает свободный ход мыслей, сообщает какую-то заданность их направлению, как натянутые вожжи. Мне это мешает на этапе обдумывания, обкатывания, размышления. Но когда появляется какой-то итог, результат, тогда интересно сформулировать и записать — письмо тогда заставляет отточить мысль, сделать ее обоснованней, точней. Это для меня как бы завершающий этап мыслительной деятельности. Может быть, это моя особенность. Ну и что? Почему я должна от нее отказываться?

07.06.80

Игра в жизнь

Плохо, когда игра — подмена жизни, эрзац ее, потому что делать-то ничего не дают. Об этом хорошо писал Корчак: «Сколько в ребячьих играх горького сознания недостатка подлинной жизни, сколько мучительной по ней тоски!»

Хорошо, когда игра — подражание жизни, подготовка к ней, как бы ее преддверие, аккумуляция каких-то реальных жизненных связей и закономерностей.

Наши развивающие игры были продолжены, как бы подкреплены соответствующим укладом жизни. В нем, а не в играх суть, которая может быть выражена — аккумулярована! — и другим образом, не обязательно в играх.

Июль 1980
ускоряемся!

Народ наш
ственный пот
стихийно. Ин
медленно, не
а не в слово
думанное, ос
ное дело, о
щалось в зна
валось неизве

Сейчас, с р
мация контро
ваема), с раз
ной деятельно
ложнилось: се
валась, теперь
лая армия дил
терпится «заб
и получить хо
В этой гонке
жим.

Лето 1980
Шиворот-навыв
иждивенчество

Мы сейчас
иждивенческих
объективно к з
взяло на себя с
учить, лечить, с
связью, транспо
нием, оно взяло
вызывать отдых, до
в семьях. Что
В этом преуспе
что делать можн
мости нет. Оказ
тому же и никак
привыкли получа
И вот мерзос

Июль 1980

Ускоряемся!

Народ накапливал свой интеллектуальный и нравственный потенциал веками, причем неконтролируемо, стихийно. Информация отбиралась как бы сама собой, медленно, но верно. Как? В деле, практике жизни, а не в словопрениях и монографиях. То есть все придуманное, осмысленное тут же превращалось в реальное дело, обкатывалось практикой жизни, превращалось в знание. Причем авторство чаще всего оставалось неизвестным, это никого не заботило.

Сейчас, с развитием средств связи (причем информация контролируется — очищена, подчас навязываемая), с развитием науки как отдельной мыслительной деятельности дело пошло куда быстрее, но и усложнилось: связь между наукой и практикой разорвалась, теперь между ними много посредников и целая армия дилетанствующих «знатоков». И многим не терпится «забить колышки», утвердить свое авторство и получить хоть какой-то навар. И все засуетились... В этой гонке не успеваем разглядеть, туда ли бежим.

Лето 1980

Шиворот-навыворот, или Как рождается иждивенчество

Мы сейчас все стонем от роста потребительства, иждивенческих настроений. Но, если вдуматься, все объективно к этому ведет, потому что государство взяло на себя функции (отобрав их у своих граждан) учить, лечить, обеспечивать работой, жильем, едой, связью, транспортом, защитой, порядком, управлением, оно взялось обеспечивать старость, организовывать отдых, досуг, даже... женить и наводить порядок в семьях. Что остается гражданам? Пользоваться. В этом преуспевать и даже изощряться. Получается, что делать можно, но не нужно, нужды нет, необходимости нет. Оказалось, ни к чему хорошо работать. К тому же и никакой благодарности государству — все привыкли получать все задарма.

И вот мерзость запустения и махровое мещанст-

во подбираются прямо к горлу. За все приходится платить. В данном случае мы расплачиваемся самым драгоценным, что накопила история, — своими нравственными ценностями: трудолюбием, достоинством, материнством и многим-многим другим. Как этому воспрепятствовать?

Как мы пытаемся выкарабкаться (попробую проследить цепочками; от чего к чему).

Итак, государство берет на себя:

учить — пропала тяга к знаниям — реформы, репетиторство, методики интенсивного обучения;

лечить — сами перестали заботиться о здоровье, рост болезней, ослабленность — самолечение, нетрадиционные методики, экстрасенсы и т. д.;

обеспечить работой — потеря качества и мастерства, прогулы, халтура — хобби, шабашники, леваки;

обеспечить жильем — комфорт с его коварством — бег трусой, набеги на природу, дачи и пр.;

воспитывать — семья спихивает с себя ответственность и обязанности на воспитателей, разложение семьи — консультационные пункты, родительские клубы, педагогическая пропаганда и т. д.

Что получается: сначала мы нарушаем естественный порядок вещей, потом, испытав ущерб, начинаем изыскивать какие-то подчас искусственные способы поправить дело. Но надо-то восстанавливать цепь, естественный ход событий.

Конечно, мои рассуждения примитивны, но...

Август 1980

Производительный труд

(к нашим спорам о его соединении с обучением)

Я, разумеется, за то, чтобы каждый работоспособный, начиная с 9-летнего возраста (а может быть, и раньше), участвовал в производительном труде. Это необходимо по многим причинам, особенно нравственного плана. Но что соединение его с обучением является единственным средством всестороннего развития людей — это марксистское положение требует серьезнейшего осмысления и вызывает у меня целый ряд сомнений.

1. Во-пер-
только не
в таком тру
И потом: м
куркулем, б

2. Велики
ше развитые
дом. Я имен
ставителями
зано:

3. Расцвет
Но создавал
производител
Не есть ли э
будут выполн

4. Вся су
время и сколь
от этого и з
Как-то подум
каждого долж
ся человек сво
чество для др
ковое разбазар
(пьянство, заб
Но желание
время на твор
гих, зависят не
нет, а от друго

19.09.80, по
Порядочный че
Должны быт
которое нельзя
рядочность.

Самое досто
тым, непопуляр
общается непос
не на оценку, не
окружающих («н

1. Во-первых, все больше производится вещей не только не необходимых, но даже вредных. Участие в таком труде — во вред обществу. И оно нужно? И потом: можно производительно работать и быть куркулем, буржуа-накопителем.

2. Великие люди земли, всесторонне и высочайше развитые, не занимались производительным трудом. Я имею в виду надстройку с ее лучшими представителями — аристократами духа, про которых сказано:

Не оставляйте надежды, маэстро,
Не отнимайте ладоней со лба.

3. Расцвет эллинской культуры — на рабском труде. Но создавали-то культуру люди, освобожденные от производительного труда, от заботы о куске хлеба. Не есть ли это прообраз будущего, где роль рабов будут выполнять роботы?

4. Вся суть в том, куда расходуется свободное время и сколько его в распоряжении разных людей, — от этого и зависит нравственный уровень человека. Как-то подумала: время на производительный труд каждого должно определяться тем, как распоряжается человек своим свободным временем. Если это творчество для других — максимум свободы. Если бестолковое разбазаривание времени во вред себе и людям (пьянство, забивание козла, балдение) — наоборот.

Но желание, потребность тратить свое свободное время на творчество ради освобождения себя и других, зависят не от того, занят он на производстве или нет, а от другого. От чего? Вот суть проблемы.

19.09.80, поезд Москва — Львов

Порядочный человек

Должны быть у человека границы, грани, табу, за которое нельзя переступать, — это и определяет порядочность.

Самое достойное — быть им, пусть незнаменитым, непопулярным, известным лишь тому, с кем он общается непосредственно. Быть хорошим внутренне, не на оценку, не напоказ труднее, чем под взглядами окружающих («на миру и смерть красна»), — это тре-

бует подлинной незаурядности, мужества. Именно такие люди и становятся в критический, звездный свой час героями, потому что не могут быть иными, не могут изменить себе в самых сложных условиях. Они не покупаются, потому что не продаются. Самые неудобные для всякой нечисти люди — именно эти. Зло против них бессильно: уничтожить их можно, переделать (подчинить, покорить, изменить) — нельзя!

У Даля вместо долгих моих рассуждений всего одна фраза: «Порядочный человек — любитель порядка, или ведущий, держащий себя изрядно, прилично, как должно». Как должно, как подобает человеку — и все! Однако это «должно» тоже надо определить — опять оценка! Она может подняться к максимуму, а может опуститься и до самого края. И максимализм не всегда хорошо. Тетя Евгеша («Бессонница» Крона) прощала грех девчонкам-продащицам, вынужденно обвешивающим покупателей, и лютой ненавистью ненавидела заведующего магазином, вымогателя и взяточника. Оторванная от жизни принципиальность ей была чужда. И правильно. Жизнь схем не выносит, ей нужны опоры, а не путы.

09.09.80

Три ответа на два вопроса

1. Судьба ваших детей. (Обычно отвечаем: то-то, там-то, с тем-то — схематично.)

2. Судьба ваших идей? (Ответ в основном: снизу поддерживают, сверху либо не замечают, либо мешают.)

Третий ответ мой: я чувствую некую (и немалую!) опасность в том, как продолжается наш опыт. «Никитинство» — так я условно называю это явление — развивание ребят будто бы разностороннее, а на самом деле довольно примитивное и ущербное.

Думаю, наш опыт — не столько пример для подражания, сколько повод для размышления.

Вообще, передача опыта оказалась делом ох и не простым. Еще думать и думать об этом.

Октябрь
Женщины и
Интересн
угадывается
увидеть быв
А у мужч
какими мужч
мужчине про
И почему
«впасть в детс
чина легко ст
их ровеснико.

17.10.80

Почему болею

Причина, ка
зическом изне
ном дискомфор
очень недоста
И вот болезнь
рения этой потр
то и приласкаю

Болезнь мо
тягостного оди
ненужности (де
леют — это, п
рующейся психи
ви — норма. К
бенно у взросль

Интересно: л
жающих, не чувс
гость, то уж во в
как правило, несс
не тратя себя на
ними рядом. Тел
жестокосердием,
люди-винтики, лю
будут бегать — о

Ну конечно, я
т. д., заботясь как
гих: ни врачей, ни

Октябрь 1980

Женщины и мужчины

Интересно, почему в девочках сравнительно легко угадывается будущая женщина, а в женщине трудно увидеть бывшую девочку?

А у мужчин наоборот: у мальчишек не разберешь, какими мужчинами они вырастут, а почти в каждом мужчине просвечивает мальчишка.

И почему женщине довольно трудно забыться и «впасть в детство» в игре, в обиходной жизни. А мужчина легко становится в игре с детьми своим, почти их ровесником. Или так кажется только мне?

17.10.80

Почему болеют дети?

Причина, как мне теперь кажется, не только в физическом изнеживании и комфорте, а еще и в душевном дискомфорте. Человеку, особенно маленькому, очень недостает личностной привязанности, любви. И вот болезнь может быть и средством удовлетворения этой потребности во внимании и ласке: больного то и приласкают, и приголубят.

Болезнь может быть и следствием глубокого и тягостного одиночества, грустного ощущения своей ненужности (детский госпитализм). Когда от этого болеют — это, по-моему, признак правильно формирующейся психики, так как сильная потребность в любви — норма. Куда страшнее бесчувственность (особенно у взрослых).

Интересно: люди, не ощущающие антипатии окружающих, не чувствующие, что они всем если не в тягость, то уж во всяком случае не в радость, обладают, как правило, несокрушимым здоровьем и живут долго, не тратя себя на всякие переживания ради тех, кто с ними рядом. Тем-то они и страшны: живучестью и жестокосердием, угнетающим всех. Люди-роботы, люди-винтики, люди-машины. Эти-то по утрам трусцой будут бегать — о себе, любимых, позаботятся.

Ну конечно, я не против бега, многие бегают и т. д., заботясь как раз о том, чтобы не обременять других: ни врачей, ни родных. Это — люди.

10.09.80

Родительское благословение (Даль: соизволение на что-то)

Если отбросить религиозную подоплеку, оно нужно и сейчас, и всегда. Фактически это подключение опыта старших к решению важных вопросов в жизни молодых. Опыта, а не самодурства! Родителю очень надо отвечать в этот момент за то, что подключаешь.

15.12.82

В Петрозаводске (у А. А.) я дошла до понимания проблемы архиважной: мать должна знать, чувствовать, на что благословлять детей, помогая им, а в чем не потакать им, не идти на поводу их прихотей против собственной совести. Очень сложно определить, что есть что, именно для этого матери нравственно всегда надо стоять выше, впереди своих детей, чтобы не ошибиться. Иначе сами дети и упрекнут «улыбкой горькою обманутого сына...»

Конечно, ошибок не избежать — мы живые люди, но главное здесь для матери, по-моему, все переживаемое превращать в опыт, не расплескивать, не транжирить легкомысленно, а извлекать уроки, осмысливать жизнь, определяя меру своего участия в ней — расти не только умом, но и сердцем.

19.10.80

Что влияет на развитие?

Борис Павлович нынче хорошо сказал, выступая в «Созидателе»: «В разные периоды жизни на развитие человека влияют преимущественно:

1. До и сразу после рождения — генетическая программа (наследственность).
2. Влияние среды — социальная программа (до «Я — сам!»).
3. «Я сам» — саморазвитие личности: человек сам себя лепит. И надо ему, по крайней мере, не мешать.

22.08.80

Мастер и ребенок

Алеша Л. в 16 лет рисует очень хорошо, лучше

чем отец в е
лив? Рано на
дожник — с
ально не пр
сировал при
был сам ув
отец как бу
нахрапа (дес
т. е. от легк
пусть даже э
неосознанно
достигнуть —

Видимо, гл
ми (особенно
ниматься свои
пусть будут р

И горькая-г
занимаемся не
их) делом, а.
какая-то уродл
и в родительски
неверное наше
хороводы вокр

19.12.81, Пер

Не вокруг де
жизнь такой, чт
в ней жить. Но д
иметь за душой,

Мысли свои и чу

После разгово
генной трениров
думала: противог
ка, особенно в ре
Это может приве
Он должен сам
тогда она станет

Как-то Е. К. ж
объясняя, рассу
все забывает». Я ж

чем отец в его возрасте. В чем причина? Более талантлив? Рано начал? Нет, по-моему. Просто рядом был хулиган — отец, увлеченный человек, который специально не прихотничивал, не понукал, не учил, не формализовал приобщение сына к своему делу, которым был сам увлечен до самозабвения. Даже больше, отец как будто охранял любимое дело от наскока, нахрапа (дескать, все это легко, только возьми), т. е. от легкого отношения к нему всякого сопляка, пусть даже этот сопляк и его собственный сын. Отец неосознанно как бы понуждал его дорасти, дотянуться, достигнуть — трудом! — и не торопился с этим.

Видимо, главное не в том, чтобы заниматься детьми (особенно отцам) или с детьми, а увлеченно заниматься своим делом, быть мастером в нем, а дети пусть будут рядом.

И горькая-горькая мысль: мы с Борисом в основном занимаемся не каким-то интересным для детей (вне их) делом, а... своими детьми. В этом заключается какая-то уродливость, перекос. А наши последователи, и в родительских клубах в том числе, усугубляют самое неверное наше, самое ошибочное, так как устраивают хороводы вокруг детей.

19.12.81, Пермь

Не вокруг детей надо плясать, а сделать взрослую жизнь такой, чтобы дети рвались в нее сами, хотели в ней жить. Но для этого взрослым ой как много надо иметь за душой, а не в кармане!

Мысли свои и чужие

После разговора с В. С. о готовых формулах аутогенной тренировки для его десятилетнего сына я подумала: противопоказано всовывать в другого человека, особенно в ребенка, готовые итоги чужих мыслей. Это может привести к верхоглядству, даже цинизму. Он должен сам пройти путь рождения этой мысли, тогда она станет его сутью. Но помочь ему надо.

Как-то Е. К. жаловалась на внука: «Говорю ей, объясняю, рассуждаем вместе — и все без толку: все забывает». Я же думаю: от словесного руководст-

ва, разъяснения, предостережения проку мало. Задача воспитателя — организовать жизнь ребенка так, чтобы он сам на практике набирался нужного опыта и делал умозаключения. Тогда это будет прочно, потому что не навязано, а выработано.

22.10.81

Имей же терпение: то, до чего додумалась, не выкладывай сразу кому бы то ни было, подожди, когда собеседник будет к этому готов или... подготовь его, по крайней мере.

22.09.82

Тут, видимо, важно то, что от других скрыт ход рассуждений, приведший к какой-то мысли-итогу, и она остается неубедительной, повисает в воздухе. Наверное, лучше провести мысль слушающих по всей логической цепочке рассуждений. Тогда они станут как бы сотворцами этой мысли-вывода и смогут обогатить ее какими-то своими наблюдениями, примерами. Или опровергнуть ее. Тогда не будет потребительства.

21.11.80

Ум «живой» и «начитанный»

Чтение — опосредованное узнавание жизни. Видишь жизнь глазами кого-то. Это много, потому что кто-то — художник, но этого и мало, мало!

Раннее чтение должно сопровождаться собственным богатым опытом. Скорее, опыт должен как бы предварять чтение, чтобы было с чем сравнивать опыт других, запечатленный в книге.

Когда знание (усвоение) идет впереди опыта, оно неизбежно накладывает на развитие ума какую-то сетку запрограммированности, сковывает непосредственное восприятие событий и людей и (может быть) притупляет чувства. Начитанность в таком случае сушит и может сделать человека нудным педантом, моралистом, резонером, рассудочным и далеким от живого непредсказуемого разнообразия жизни.

Классический образец живого ума — мой любимый Кола Брюньон — уж он-то не растеряется ни в какой

ситуации, сам в справочником не

19.12.80

Без методичек!

В общении с дички почти не по ки ребят, их сло мгновенной, неот Просто некогда в А если и вспом занное извне, не т раз должна выра фальшивки. Тогда думает, как чувств он не обманет. Им стимул для роста, надо, надо станов ния контактов нет.

А ребенок-то р ним только успева

15.12.82

Спасибо за подд да, мудро парадс детей в том, чтоб такими, каковы они А мы? «Мы уст можно меньше ме дывались, что мы ляем и что мы на Этими цитатами фом, открывала каж культета» — капля д

19.01.81

Тон задает взрослый В письме к Ч. я п за то, что он был с В открываются с той св нуты взрослые (или к

ситуации, сам выдюжит да и других вытянет — за справочником не побежит.

19.12.80

Без методичек!

В общении с детьми разные методики и методички почти не помогут, потому что реакция на поступки ребят, их слова, проявления чувств должна быть мгновенной, неотложной, а значит, полуинтуитивной. Просто некогда вспоминать чьи бы то ни было советы. А если и вспомнишь — это будет решение, навязанное извне, не твое. В реакции же взрослого каждый раз должна выражаться суть взрослого характера без фальшивки. Тогда и ребенок отзовется искренне, как думает, как чувствует. По нему и о себе можно судить, он не обманет. Именно поэтому общение с детьми — стимул для роста, развития самого воспитателя, надо, надо, надо становиться лучше. Других путей сохранения контактов нет. Другое — хитрости.

А ребенок-то растет и ежедневно меняется — за ним только успевай!

15.12.82

Спасибо за поддержку Бернарду Шоу, он, как всегда, мудро парадоксален: «Правильное воспитание детей в том, чтобы дети видели своих родителей такими, каковы они в действительности».

А мы? «Мы устроились так, чтобы дети нам как можно меньше мешали и как можно меньше догадывались, что мы на самом деле собой представляем и что мы на самом деле делаем» (Я. Корчак).

Этими цитатами — рядышком! — я бы, как эпиграфом, открывала каждый номер «Педагогического факультета» — капля долбит и камень.

19.01.81

Тон задает взрослый

В письме к Ч. я приписала: «Спасибо Вам за Ваню, за то, что он был с Вами таким хорошим. Ведь ребята открываются с той своей стороны, какой к ним повернуты взрослые (или какие с ними взрослые)».

В общении с детьми тон задает взрослый. Даже когда он подчиняется ребенку, подделывается под него, идет на поводу — он все равно провоцирует развязность и беспардонность вплоть до наглости. Спросо взрослого: как мог допустить!?

14.02.81

Мы и наши дети

Мне надо выступать с лекцией о нашей системе. Мне хочется опровергнуть легенды, во-первых, о нашей с Борисом исключительно удачной совместимости, взаимодополняемости и т. д. при несомненном единомыслии и общих, в основном, нравственных ценностях; а во-вторых, о нашей педагогической (родительской) талантливости. Чего нет, того нет.

Наши действительные отличия:

1. Все взяли на себя (это хорошо).

2. Легли под увеличительное стекло (плохо).

Наши типичность и нетипичность.

Мы рядовые по возможностям (совместимость, материальные условия, время, талантливость и пр.).

Мы нетипичны и по открытости (как в аквариуме), и по устремленности — сосредоточились на детях, они стали для нас главным смыслом жизни. Эта нетипичность не годится для перенимания: у большинства нет возможности и желания так сосредоточиваться на детях. Она и не должна распространяться (это — главное!), потому что такая сосредоточенность принципиально вредна прежде всего для детей.

24.01.81

С кем поведешься!

Надо подумать о значении симпатии и антипатии в налаживании отношений (выбор и т. д.), а главное, об очень ранней воспитуемости (может быть, импринтинге — впечатывании) эталонов будущих симпатий и антипатий.

Май 1982

«Кто раз пришел в соприкосновение с человеком первоклассным, у того духовный масштаб изменен на-

всегда, тот пер-
дать жизнь» (Ге-

Но надо же б
уровне развития
ность, первокла
нужно вообще
во всех людях н
же нюансы, т. е.
наверняка не пр

17.02.81

Дамы литературы

(в Доме творчес

Вечером посл
спустя» (многоде

— Это просто

— «Жду ребе
то кошмар!

— Кошатник!

И т. д., вплот

— Меня бы н

Фильм, при вс

вызывает добрые

ние, осуждение по

доброго лица. И

чьи-то матери? Я

«Арифметика люб

Случилось, что

любви» В. Шугаева

авторам: мужчине

мы сами-то себя

и мужчинам помог

А вот «Жена м

шин) — это нам,

так и теряем мы, з

сытости, и детей, и

После этого рас

думала, думала: не

да не было, кроме

дила. Не стало жиз

века.

всегда, тот пережил самое интересное, что может дать жизнь» (Гельмгольц).

Но надо же быть на определенном — и высоком! — уровне развития, чтобы увидеть при встрече незаурядность, первоклассность человека. Для этого, видимо, нужно вообще развивать в себе способность видеть во всех людях незаурядные их стороны, черточки, даже нюансы, т. е. их своеобразие, самобытность. Тогда наверняка не пройдешь мимо Человека.

17.02.81

Дамы литературные

(в Доме творчества писателей в Малеевке)

Вечером после фильма «Однажды двадцать лет спустя» (многодетная мать — Н. Гундарева) слышу:

— Это просто плохой анекдот!

— «Жду ребенка!» Мало ей! Нет, это просто какой-то кошмар!

— Кошатник!

И т. д., вплоть до:

— Меня бы на худсовет, я бы дала...

Фильм, при всех его явных просчетах и недостатках, вызывает добрые чувства. А тут недоумение, отвращение, осуждение поголовное! Ни одного размягченного, доброго лица. И особенно у женщин! Неужели они чьи-то матери? Я тут долго, наверное, не выдержу...

«Арифметика любви»

Случилось, что прочитала подряд «Арифметику любви» В. Шугаева и «Сапожки» В. Шукшина. Спасибо авторам: мужчины, а поняли нас, женщин, так, как мы сами-то себя не понимаем. Может быть, они и мужчинам помогут нас понять? А?

А вот «Жена мужа в Париж провожала» (В. Шукшин) — это нам, бабам, великое предостережение: так и теряем мы, закопавшись в барахле и отупев от сытости, и детей, и мужей, и самих себя.

После этого рассказа на меня напала тоска. Я все думала, думала: неужели у славного этого парня выхода не было, кроме страшного, губительного. И не находила. Не стало жизни у человека, не стало и человека.

Шукшин и своей жизни не пожалел ради того, чтоб нас вразумить: люди, да будьте же вы, наконец, людьми! Сколько еще жертв потребуется, чтоб дошло? А ведь жертвуем-то лучшими...

05.03.81

**Кондовость народной педагогики,
которая не считается с индивидуальностью**

Суровые условия трудовой жизни простонародья вынуждали жестко, т. е. очень определенно, без отклонений, вести детей к трудовой жизни, в которой кое-как просто не выживешь, пропадешь. Отсюда эта кондовость, консерватизм народных обычаев, не позволяющих выламываться, отличаться — юродствовать, по мнению мира, общины.

Тогда это было не только оправданным, но и единственно верным путем нормального развития каждого и выживания всех. Сильная и своеобразная личность становилась крепче благодаря сопротивлению обстоятельствам и выбивалась в Люди (Ломоносов, Черепановы и т. д.); а слабые подчинялись и как бы усреднялись, нивелировались. Тяжело? Еще бы! Будь, как все, живи, как деды и прадеды, не мытьем, так катаньем, а заставит мир жить как люди. Это было справедливо перед жизнью, ее развитием по восходящей.

Октябрь 1989

А теперь люди цивилизованного общества озабочены разносторонним развитием каждого, и непохожесть на остальных становится ценностью. Конформизм справедливо считается признаком недоразвитости, несвободы, рабства.

Эти тенденции, по-моему, благотворны, но как на этом пути преодолеть «болото мещанства»? В нем уязвимы многие, рванувшиеся из грязи в князи. Как не потерять то безусловно ценное, что сохранил благодаря своей кондовости народ и что является основой и для высшей культуры?

Интересно: мои корни сугубо рабоче-крестьянские, а В. Л. и А. А. — прямые потомки старой (дворянской?) интеллигенции, настоящей духовной элиты. Столкнулся

наш жизнь в О
нию, мы сравни
то глубинные н
общими, хотя
с парижанками

Кстати, о
Разница колосса
ко отдельная с
религия), котор
А теперь тради
ного опыта жи
тательные пробл
и отцу. Старик
не помощники. Э

На воспитате
плохая надежда
вырастишь. Тут р
общественному
Это два.

Наконец, трет
рянства», с его г
представлениями
вует. Вместо них ту
щих время сытых
ростков.

Сумеешь ты, ро
себя!) судьбу кажд
пять — семь — дес
дом их больше тяну
отмерить, прежде ч
говоря уж о больш

01.04.81

Современная больш
(условия сосущество

Вчера долго раз
ются с родителями,
ужиться по-хорошему
мышления стоит запи
рактальные особеннос
1. Авторитарно

наш жизнь в общей работе на ТВ, и к моему удивлению, мы сравнительно легко нашли общий язык: какие-то глубинные нравственные категории у нас оказались общими, хотя внешне я рядом с ними как тетя Мотя с парижанками.

Кстати, о многодетности в прошлом и теперь. Разница колоссальная. Раньше детей растила не столько отдельная семья, сколько традиция (в том числе и религия), которой подчинялись все от мала до велика. А теперь традиций нет, а подчас нет и элементарного опыта жизни даже в малой семье. Все воспитательные проблемы приходится решать самим матери и отцу. Стариков рядом нет, а если и есть, они тоже не помощники. Это раз.

На воспитательные государственные учреждения плохая надежда — в казарме (общаге) Человека не вырастишь. Тут родителям надо скорее противостоять общественному воспитанию, а не подчиняться ему! Это два.

Наконец, третье: прежнего двора, уличного «дворянства», с его грубыми кодексами чести и четкими представлениями о справедливости, теперь не существует. Вместо них тусовки по подъездам и ватаги убивающих время сытых и неприкаянных — ничьих! — подростков.

Сумеешь ты, родитель, взять на себя (и только на себя!) судьбу каждого из своих детей, если их будет пять — семь — десять? Сумеешь сделать так, чтобы в дом их больше тянуло, чем из дому? Семь раз тут надо отмерить, прежде чем четвертого и пятого родить, не говоря уж о большем.

01.04.81

Современная большая семья (условия сосуществования)

Вчера долго разговаривали у О-ых, они съезжают с родителями, и возникает масса проблем: как ужиться по-хорошему? Мне показалось, что наши размышления стоит записать, вдруг пригодится. Итак, характерные особенности современной семьи:

1. Авторитарность — атавизм (эмансипация и т. д.).

2. Скученность (тесное жилье).

3. Материальная независимость и молодых, и старых.

4. Разрушены старые традиции общения в большой семье — нет опыта.

Значит, надо создавать новый уговор. Итак:

1. Никому не давить, не навязывать другим ни своих взглядов, ни своего образа жизни. Помнить: терпимость, т. е. уважение к инакомыслию, принятие другого мира как равноценного своему, — это признак высокой культуры. Надо постоянно вырабатывать ее, начать хотя бы с терпения. У Даля (внимание!): «Терпеть — выносить, переносить, сносить...; крепиться, перемогаться, мужаться, держаться, стоять, не изнемогая, не унывая; ожидать, выжидать, надеяться, быть кротким, смиряться; снисходить, допускать, послаблять, потакать, поноравливать, давать повадку; не спешить, не торопить, не гнать, сноравливать». А еще и пословица: «Лучше самому терпеть, чем других обижать». Да это же целая программа действий!

2. Разделить сферы деятельности и заботы. В каждой сфере кто-то один должен быть полноправным ответственным хозяином. Остальные подчинены. Обсуждение, разумеется, не исключается. Это и для облегчения в делах, и для того, чтобы каждый — и стар, и млад — чувствовал себя при деле, не приживалой, не иждивенцем.

3. Взаимопомощь — на ней растет любовь — главное достояние семьи. По отношению к детям очень важна такая позиция: не «Помоги мне!», а «Давай поможем бабушке или маме». Отстаивание себя, замыкание в себе — признак неблагополучия (это — большое, как-нибудь в другой раз).

4. Каждому — и ребенку, и старику — неприкосновенное время (вспомни «Алешу Бесконвойного» Шукшина, его субботнюю баню — как он мне когда-то помог понять, от чего я так немыслимо устаю и лезу на сцену!). И неприкосновенное место: угол, комната в которую «без стука не входить» и ничего не трогать — пусть это будет всего лишь тумбочка или стол. Без того и другого любому — не житье.

5. Наконец, договоренность, кое здесь зависимость доверительности и от более взрывоопасных денег у

1. Все деньги у общим на расходы.
2. Общий котел определяем, на что чистоты подспудно неравноценен, а чувство зависимос

Один из лучших котел — для общих расходы, ремонт зительно поровну жение индивидуал

08.01.86

И ведь действительно так живем, четыре две бабушки, деду трое малышей, да все получается по у Да еще и с гостями

21.04.81

Гетеры, гейши и т. Почему-то — неение двух функционализация!): — эротико-духовщинам и мужчинам тела, и

— материнской, жертвованию и обсл

Так было издавна когда не оправдыва а средние класс

и ста-
ольшой
ни сво-
терпи-
ие дру-
признак
ивать ее,
е!): «Тер-
репиться,
е изнемо-
ься, быть
е, послаб-
у; не спе-
». А еще
ругих оби-
ий!
оты. В каж-
ноправным
инены. Об-
о и для об-
й — и стар,
приживалой,
бовь — глав-
детям очень
а «Давай по-
себя, замь-
(это — боль-

5. Наконец, деньги: о них должно быть четкая договоренность, чтобы все всё знали. Конечно, многое здесь зависит от характера отношений в семье, доверительности, индивидуальных потребностей и особенностей и от заработков, разумеется. Думаю, наиболее взрывоопасные варианты:

1. Все деньги у кого-то одного, и он выдает остальным на расходы. Здесь обиды неизбежны, вынужденность просить унижительна.

2. Общий котел — все деньги в кучу и вместе распределяем, на что тратить. При видимой демократичности подспудная несправедливость: вклад в котел неравноценен, а распределяют все на равных. Опять чувство зависимости — повод для обид.

Один из лучших вариантов, на мой взгляд: общий котел — для общих расходов (на питание, коммунальные расходы, ремонты, общие покупки), вклад приблизительно поровну от каждого; остальное — в распоряжение индивидуально каждому.

08.01.86

И ведь действительно пригodiлось. Вот уж лет пять так живем, четыре поколения в семье: три прабабушки, две бабушки, дедушка, две молодые семьи, в которых трое малышей, да трое еще неженатых. Конечно, не все получается по уговору, но садимся все за один стол. Да еще и с гостями. Держимся!

21.04.81

Гетеры, гейши и т. д.

Почему-то — не знаю как — произошло разъединение двух функций женщин (своеобразная профессионализация!):

— эротико-духовной, доставляющей и самим женщинам и мужчинам высшее (?) наслаждение души и тела, и

— материнской, сводящейся нередко к самопожертвованию и обслуживанию.

Так было издавна. Причем в простонародье никогда не оправдывалась и презиралась проституция; а средние классы (мещанство, купечество) изобрели

своих гетер — в домах терпимости, где вполне довольствовались телом, а душа в расчет вовсе не принималась.

Теперь (может быть, в результате эмансипации?) многие женщины норовят превратиться в современных гетер и отторгают материнство, мешающее этому.

А задача — синтез этих двух начал!

Кое-кто утверждает, что сама физиология предопределяет, кому кем быть: одним — матерями, другим — совсем наоборот. И ничего, дескать, не попишешь.

А вот серьезные научные исследования обнаружили такую страшную закономерность: если девушка, минув всякую там любовь, начинает сразу с постели, у нее как бы обрываются возможности духовного развития в отношениях с мужчинами. Они так и останутся на уровне сексуальной озабоченности на всю оставшуюся жизнь. К духовному материнству они оказываются неспособны. Вот тебе и предопределенность! Да она же сделана!

Очень меня тревожит, что так называемое половое просвещение не только не предотвращает это бедствие, но наоборот, провоцирует его. Тут еще думать и думать!

Июнь 1981

Разница между дружбой и любовью

Любовь («адвокат»?) — жалеет, щадит и поэтому правды часто не говорит, боясь огорчить. Кто, если не любовь, защитит, утешит?

Дружба («прокурор»?) — беспощадное высветление неправоты, она обязана быть откровенной, даже жесткой до конца. Кто, если не друг, поправит?

А «судья» — только сам!

19.12.81 Пермь

Хорошо бы жене стать для мужа немножко матерью (как бы заменить ему мать), а мужу хоть чуть-чуть заменить жене отца. Мы ведь до самой старости остаемся в чем-то детьми. Сказано ведь: муж жене — пастырь, а жена мужу — пластырь.

Нетрадицион

Если вдумат
ние использовал
уже давным-дав

1. Закалка: х
в снег, в проруб
Даже пушкин

Моро:

И пер

Умыть

2. Физическое

ши-канатоходцы,
раннего возраста

3. Интеллекту

довом обществе

могло переменить

Участие в труд

Раннее чтение

Музыка и инос

ях.

Участие в общ

Воистину ново

19.11.81, Пермь

Опытнее по позво

Надо работать

Это естественный

Толстой, и Маркс,

До меня сегодня

слов, а буквально

венный закон!

Без ручного тр

мозг либо дегради

будет (в детстве).

Работа со слепоглу

схема мозга и инне

Толстой и ручной тр

Петр! и ремесла;

Малыш и предметы

ки!

Нетрадиционная традиционность

Если вдуматься: наше нетрадиционное воспитание использовалось (традиционно!) у разных народов уже давным-давно.

1. Закалка: хождение босиком, в трусиках, из бани в снег, в прорубь — все это было испокон веков.

Даже пушкинская Татьяна любит:

Морозной пылью подышать,
И первым снегом с кровли бани
Умыть лицо, плеча и грудь...

2. Физическое развитие: в разных племенах малыши-канатоходцы, наездники, пловцы и т. д. с очень раннего возраста.

3. Интеллектуальное и социальное развитие. В родовом обществе «по реплике десятилетнего собрания могло переменить решение или принять его».

Участие в труде — в крестьянстве, в ремесле.

Раннее чтение: Петр I, Гоголь, Ульяновы и др.

Музыка и иностранные языки — в дворянских семьях.

Участие в общественной жизни.

Воистину новое — это хорошо забытое старое.

19.11.81, Пермь

Открытие по поводу ручного труда

Надо работать не только головой, но и руками. Это естественный закон природы. Об этом говорил и Толстой, и Маркс, и другие.

До меня сегодня дошел не моральный смысл этих слов, а буквально биологический (вот почему естественный закон!).

Без ручного труда (разнообразного и сложного) мозг либо деградирует, либо вообще развиваться не будет (в детстве). Примеры:

Работа со слепоглохлыми детьми в Загорске;

схема мозга и иннервирующих его частей тела;

Толстой и ручной труд;

Петр I и ремесла;

Малыш и предметы домашнего обихода — не игрушки!

И т. д. и т. п.

Но вопреки этой естественности вся история техники — не просто облегчение тяжелого труда (что прекрасно!), но и замена его, подмена сложного творческого ремесла простыми примитивными движениями (конвейер).

Люди мечтали в сказках заменить тяжелый труд легким, интересным, разнообразным, а заменили для многих и многих просто бездельем рук. По-видимому, надо искать, определять, исследовать, от какого вида ручного труда никак нельзя отказываться ни в интересах дела, ни в интересах человека (особенно ребенка).

09.09.87

Мои пословицы

Лучше устать от работы, чем от заботы. И еще: Лучше устать от дела, чем от безделья.

Может быть, они и есть уже не знаю, но пришли мне в голову на собственном опыте усталости и от заботы, и от безделья. От работы можно отдохнуть, а от заботы отдыха нет (маленькие дети спать не дают, а от больших — сам не уснешь). А где вынужденное безделье (в том числе невозможность делать), там и неприкаянность, неудовлетворенность, хандра, вплоть до депрессии. Редко, но бывало это со мной. Усталость души — не дай бог!

25.12.81

Домашняя каторга

Домашний труд становится каторгой при двух условиях.

Во-первых, если он не оставляет работающему ни минуты свободного времени. У молодых матерей, которые остаются без помощников, один на один со всеми бытовыми проблемами, это бывает нередко — отсюда и усталость, и отупение, и раздражительность.

А во-вторых, если он никем и никак не ценится. Он не оплачивается — это само собой разумеется, но его бесплатность, т. е. бескорыстие, нуждается в самой высокой оплате — душевной благодарности.

на которую способны подарить могут только из нас и здесь благополучные обслуживающие же я, собственно, же

Если исключить эго по отношению к домостать не только средно и источником нис всех живущих в доме

1. Это работа для

2. Это разнообраз

и рук — не с игрушками орудиями.

3. Это преодоление (надо).

4. Это работа рядом доброжелательным и вым помочь и поддепеху.

5. Результаты наглядны по времени: не обязательно важно.

6. Быт — это эстетика гармонии в окружающей дисгармоничного, несправедливая практика кое-качества, хандра.

Декабрь 1989

Нет, неверно относительно обузы и помехе, от которых думаю, что домашний труд для приобщения к главному (уже до 2—3 лет) к главному веческого существования В. Астафьева — он тогда

25.01.82

Почему — когда это Если любознательны

на которую способны лишь люди благородные (благо дарить могут только благо родящие). Большинство из нас и здесь благоприобретатели, потребители, принимающие обслуживание себя как должное («А зачем же я, собственно, женился?»).

Если исключить эти две великие несправедливости по отношению к домашнему труду, тогда он может стать не только средством жизнеобеспечения семьи, но и источником нравственного совершенствования всех живущих в доме:

1. Это работа для других, а не только для себя.
2. Это разнообразнейшая деятельность для головы и рук — не с игрушками, а реальными трудовыми орудиями.

3. Это преодоление себя, напряжение воли и сил (надо).

4. Это работа рядом и вместе с любящим (а значит, доброжелательным и понимающим) старшим, готовым помочь и поддержать, порадоваться твоему успеху.

5. Результаты наглядны, не отодвинуты ни по месту, ни по времени: не было — есть. Для детей это особенно важно.

6. Быт — это эстетика, воспитание вкуса, создание гармонии в окружающем мире, неприятие ничего дисгармоничного, несовершенного. Да это же профилактика кое-какства, халтурного отношения к любому делу.

Декабрь 1989

Нет, неверно отношение к домашнему труду как к обузе и помехе, от которой надо избавляться. Я даже думаю, что домашний труд — это единственное средство для приобщения детей в самом раннем возрасте (уже до 2—3 лет) к главному условию подлинно человеческого существования (блажным — по выражению В. Астафьева — он тогда не вырастет).

25.01.82

Почемучка — когда это плохо!

Если любознательность детей стимулировать в этой

форме (отвечая на вопросы, похваливая), то результат может быть не тот, которого ожидаешь:

1. Ребенок разучится думать сам, искать ответы на вопросы самостоятельно — поощряется интеллектуальное потребительство.

2. Он научится изображать любопытство, ожидая похвалы, будет стараться задать вопрос позакорыстных, поумней, чтобы получить одобрительный взгляд взрослого. В результате — тщеславие.

3. Ребенка легко напичкать информацией, которую он, может быть, и запомнит, но не переварит. Отсюда верхоглядство, всезнайство и зазнайство.

Следует, видимо, не поощрять бесчисленность и бессмысленность вопросов и, прежде чем ответить, предложить малышу подумать самому или поискать ответ в книгах. Именно это и поощрять.

У нас в семье я не припомню возраста почемучек. Но ведь ребята росли (и выросли) очень любознательными.

Лето 1989

Читая Лесгафта «Семейное воспитание ребенка и его значение», порадовалась совпадению моих мыслей с его выводами:

«Развитие ребенка и состоит главным образом в умении сосредоточить внимание над получаемым впечатлением и умственным трудом преодолевать впечатления к пониманию его» (акт сознания: сравнение впечатлений, их соотношение, поиск причинной связи поэтому между впечатлениями должны быть достаточные промежутки; если друг за другом, да еще сильные возбуждения, осознания не происходит. — Л. А.)

«Обыкновенно же это бывает не так: взрослые либо желают вести ребенка на помочах, причем все ему скажут, все объяснят и все покажут, либо не позволяя ему вовсе рассуждать и постоянно твердят только о послушании, или же они без толку восхищаются сомнительными проявлениями его самостоятельности и стараются отличиями и поощрениями возбуждать его к продолжению ее» (все это губит любознательность и не дает развиваться сознанию, оставляет ребен-

ка на растительном уровне.
Снова и снова все та же готовых знаний не развивает его.

Не буду читать Карнеги!
Не переношу всяческих там приемов, тех и методов управления личностью.

Все знания, которые Карнеги, — вредны, если нравственно примитивный по-моему, приобретаются не столько логикой и памятью других людей в процессе. Эта работа души — на м

Преподнести их в готовой (утилитарной целью) — это а дать ему, неумелому, не возможность спекуляции и по тонкой и тонкой сфере человеческого Да это же своеобразно

01.04.81

Мое дополнение к Пушкину (ну, и обнаглела же я!)

Мы все глядя на Дауногих тварей Я, конечно, переврала его мысль, но если здесь

На этой слабости Игруют с черной формула развития получается что-то такое...

И опыт, сын ошибок И гений, парадоксов И случай, бог поэзии. Как сказано! Все же особенно вторую

ка на растительном уровне).

Снова и снова все та же мысль: простое усвоение готовых знаний не развивает человека, не выделяет его.

Не буду читать Карнеги!

Не переносу всяческих манипуляций с людьми, всяких там приемов, технологии общения, способов и методов управления людьми.

Все знания, которые действительно есть в книге Карнеги, — вредны, если ими воспользуется человек, нравственно примитивный, убогий. Эти знания должны, по-моему, приобретаться по крупицам и усваиваться не столько логикой и памятью, сколько чувствованием других людей в процессе общения, пониманием их. Эта работа души — на много лет, на всю жизнь.

Преподнести их в готовом виде (да еще со столь утилитарной целью) — это значит не развить человека, а дать ему, неумелому, недоразвитому, лишнюю возможность спекуляции и потребительства в самой сложной и тонкой сфере человеческого творчества.

Да это же своеобразное растление!

01.04.81

Мое дополнение к Пушкину
(ну, и обнаглела же я!)

Мы все глядим в Наполеоны,
Двуногих тварей миллионы...

Я, конечно, переврала Пушкина, оборвав и исказив его мысль, но если здесь остановиться и продолжить:

На этой слабости всегда
Играют с чернью господа,
получается что-то такое...

Формула развития

И опыт, сын ошибок трудных,
И гений, парадоксов друг,
И случай, бог-изобретатель...

А. С. Пушкин

Как сказано! Всего три строчки, а попробуй объясни, особенно вторую. Я ее понимаю так.

Обычный человек пугается парадоксов, не любит противоречий и несогласия с собой, он отбирает — часто неосознанно — среди многих явлений и фактов только подтверждающие его мысли, выводы, убеждения.

Талант же идет «навстречу бурям», именно противоречие высекает искру мысли, вызывает желание разрешить парадокс — только так и возможен шаг в познании. Поэтому гений и «дружит с парадоксами». Они — пища его уму (все остальное для него пресно), они — двигатель его развития.

Но ведь этот двигатель должен быть запущен очень рано: вопрос «почему?» возникает у ребенка как следствие удивления перед жизненным парадоксом. А подружится ли с ним маленький человек, зависит и от нас: в среднего превратиться куда легче, чем в великого, для этого труда не надо.

13.01.82

Лесенка возрастов

Развитие человека зависит от уровня людей, которые его окружают, — интеллектуального, нравственного — и от роли, которую он играет в общении.

Эта мысль — как бы отголосок классической формулы Энгельса: «Человек есть продукт общественных отношений и собственной деятельности». В этой формуле, по-моему, вся педагогика в прошлом, настоящем и будущем.

Почему лучше разные возрасты для общения?

В группах сверстников всегда есть лидеры, роли остальных определены, чаще всего закреплены надолго. Нередко процветает лидерство силы. Слабый унижен, подчинен, подавлен.

В разновозрастной группе типа семьи каждый из детей выступает в роли и ведущего, и ведомого, и образцом для подражания, и объектом заботы и зашиты.

У старших возникает чувство сострадания, желание помочь, ответственность — есть ради кого становиться лучше.

у младших —
равдать доверие
старших. Им есть
основу для взаи
Впрочем, все
отношениях —
обязательна и
сила, то не по
cal).

29.01.82

«Незаменимых
(разговор с Ан

Думаю, наоб
жен быть таков
каждый должен
индивидуально
ние — для пол
должно быть
его вверх, вл
задачей каждо
утонет в жизн
омещаются.

12.1981, Пе

Стадии внедр
Давно дум
разрешение с
тому компро
еще победы
оторгает их
начинают вне
и профанаци
Как же Пе
в практику
А что, в
1) сп

У младших — чувство защищенности, желание оправдать доверие, стремление участвовать в жизни старших. Им есть «делать жизнь с кого». Это создает основу для взаимной тяги друг к другу — любви.

Впрочем, все может быть и наоборот. Если лидер в отношениях — любовь, приязнь, симпатия, тогда не обязательна и разновозрастность, а если лидер — сила, то не поможет и «лесенка возрастов» (бурса!).

29.01.82

«Незаменимых людей нет»

(разговор с Антоном в электричке)

Думаю, наоборот: каждый человек незаменим, должен быть таковым на работе, в семье, с людьми и т. д., каждый должен найти такое место в жизни, чтобы его индивидуальность нашла себе наилучшее применение — для пользы дела и его самого. При этом дело должно быть куда больше человека, чтобы тянуть его вверх, вперед и выше. Это я называю сверхзадачей каждого. Если она есть, человек никогда не утонет в жизни, не закиснет, и не забуреет, т. е. не омертвит.

12.1981, Пермь

Стадии внедрения передового опыта

Давно думаю о том, что люди, берущиеся за разрешение сложнейших проблем, часто не тянут, а потому компрометируют Дело, за которое взялись. Это еще полбеда, поскольку само Дело рано или поздно отторгает их от себя. Хуже, если эти «старатели» начинают внедрять добытое другими: здесь искажений и профанаций не избежать.

Как же передовой опыт первопроходцев передать в практику всем? Вот проблема.

А что, если по этапам:

- 1) описание опытов: опыт 1, опыт 2, опыт 3 и т. д.;
- 2) обсуждение и создание гипотез;
- 3) их экспериментальная проверка;
- 4) анализ и выявление закономерности;
- 5) разработка методик и программ;

6) опробирование в практике, доводят добровольцы;

7) директива, распоряжение, инструкции всем.

А мы захотели миновать 2-е и 5-е и сразу 6-е — желаям попробовать. Из этого, кроме профанации, почти ничего не получается. Так оно и выходит с нашими «последователями». Правда, встречаются люди творческие, ответственные, любящие детей, у них все толком идет: они многое подхватывают на лету на уроках и не вредят. Спасибо им, но их так мало!

Жаль талантливых!

Прочитав как-то книгу о А. Грине, я расстроилась:

— Мы не бережем талантливых людей. По-прежнему «ленивы и нелюбопытны» (Пушкин). И уходят они от нас очень рано: Лермонтов, сам Пушкин, Грин, Шукшин, Высоцкий — сколько еще! Жаль их невыносимо!

В. возразил:

— Да они же счастливые люди! Их талант, их жизнь состоялись. Они испытали самое прекрасное — радость творчества, а остальное — суета. Нам бы себя пожалеть.

Очень важное: материнство

не мешает состояться профессионально

«...Изучение изменений умственных и психотехнических способностей людей в разном возрасте... показало, что у мужчин наилучшие показатели наблюдаются в возрасте 20—40 лет, после чего способности их постепенно ослабевают; у женщин, наоборот, в возрасте вступления в брак и материнства (20—30 лет) умственные и психотехнические показатели оказываются наиболее низкими; по мере приближения к зрелому возрасту они улучшаются и в возрасте 40—60 лет остаются стабильными» (ЭКО. — 1978. — № 3. — С. 38—39).

Но ведь это великолепно! Сначала женщина может (и должна) состояться как мать, а затем профессионально, обогащенная материнством и не уставшая от

жизни на разрыв, когда
и дети, и дом. И это фи
рмается, одно другому
Печевале вспомнилас
созданная в шутку, а о
могут быть, потому, ч
Я предположила, ч
разные и становится гл
мы свое. Интересно,
какая на время наил
ской деятельности:
для женщин — в 40—60

Время (период)	Жизнь
До встречи с ней (Ним)	Раб пои
От встречи до рождения ребенка	Он
С детства до школы	(Он)
Затем школьники	Он
Затем взрослые	Он
После 60	Он

И снова мучаюсь
за материнство

25.08.87

А может быть, н
онству как бы в к
затем до 60—65
есть, но потеря
же желаний ре
материнства сп
и так

жизни на разрыв, когда на ее плечах и работа, и муж, и дети, и дом. И это физиологией как бы предусматривается, одно другому не мешает. Наоборот!

Поневоле вспомнилась моя «Схема предпочтений», созданная в шутку, а оказалось, в этом что-то есть, может быть, потому, что думала всерьез.

Я предположила, что в разные периоды жизни разное и становится главным: для женщины и мужчины свое. Интересно, что моя схема вполне наложилась на время наилучших показателей для творческой деятельности: для мужчин — в 20—40 лет, для женщин — в 40—60 лет.

Время (период) жизни	I место	II место	III место	IV место
До встречи с Ней (Ним)	Работа, поиск себя	Она (Он), поиск Его (Ее)	Родители	Быт
От встречи до появления ребенка	Он (Она)	Работа	Быт	Родители
С детьми до школы	Он: работа Она: дети	Жена Муж	Дети Работа	Быт
Дети-школьники	Он: работа Она: дети	Дети Работа	Жена Муж	Быт
Дети выросли	Он: работа Она: работа	Жена Муж	Дети, внуки	Быт
Нам за 60	Он (Она)	Дети и внуки	Работа	Быт

И снова мучаюсь: без заработка не прожить, а платить за материнство нельзя (на том стою). Как быть?

25.08.87

А может быть, надо дать матерям пенсию по материнству как бы в кредит, а рабочий ее возраст продлить до 60—65 лет. Тогда она не устанет, не выматывается, не потеряет здоровья до 60 лет и сможет при желании реализовать свои психотехнические возможности сполна. Это можно и материально стимулировать. Выплачивать, например, после нынешних 55 лет пенсионную надбавку к зарплате. Ведь все равно

очень многие женщины, в том числе первоклассные специалисты, которые могли бы еще в своей профессии многое сделать, работают киоскерами, уборщицами, лифтерами и т. д. И это с высшим образованием со знанием двух-трех языков! Их наиболее продуктивное для работы время совсем не реализуется. Какое расточительство для государства, какое унижение для женщины!

А еще лучше семейный кредит (идея!). Государство дает семье кредит (определенную, одинаковую для всех матерей сумму на каждого ребенка — допустим, 150 руб. в месяц) на время (его определяет семья), пока мать не работает. А затем семья (и муж, и дети, и она сама) отдает этот долг государству. Механизм этот можно отработать во всех деталях. Я не вижу пока минусов, одни плюсы: спокойное, обеспеченное, свободное материнство — это здоровье и детей и матерей, это развитие их способностей и нормализация отношений с родней, это обеспечение тыла для мужей и отцов, это повышение их ответственности за семью, это...

Это утопия? Но почему же? А что, если здесь есть рациональное зерно?

Кроме всего прочего, здесь появляется возможность для молодых матерей учиться заочно, не откладывая ни учебу, ни ребенка на потом. Правда, для этого время чистого материнства должно быть приравнено в правах к рабочему времени, т. е. молодая мать должна иметь право учиться и в вечерних и в заочных учебных заведениях. А при поступлении туда матери нужно иметь льготы — она должна пользоваться преимуществами наравне с вернувшимися из армии после срочной службы. Мать всю жизнь на «передовой», а не только 2—3 года. Разве не так?

1982

Мой сон и допинг в воспитании

Сон: я в роскошной огромной квартире многодетной семьи. Множество людей, неестественных, подающих себя, «созерцающая свой извив» (не помню: Северянин? Надсон?). Они важно ведут какие-то мудреные

разговоры на педагогическом языке, и тоже подавая показывающую, встречающуюся, и мне неловко халате, и спасаюсь на кухне. Я попадаю в прихожей, ной «развивающей», с головоломками, с...

и т. д. И тут я вдруг понимаю, родителям было вкладывают в детство, стривать их (свое за родительский труд).

Проснувшись, нять? Примерила без всяких наших с детьми нам бы родительское предложение, преподнесенное мое (жизнь на мпинг для родителей, естественно и).

Помню, во в прекрасный воп на жизнь семьи влиять, но как — пар и думаю. Мдостережение.

Почему на всю семью привязанно

Привязанно к другу к другу, правая, здает, огромной, тут человека, благо (и) Легко (и)...

разговоры на педагогические темы. Тут же между нами и тоже подавая себя, больше десятка детей что-то показывают, встречаются довольно бесцеремонно в разговоры взрослых. Я почему-то в домашнем стареньком халате, и мне неловко среди этой роскоши и показухи. Я спасаюсь на кухне, а затем, пытаюсь незаметно уйти, попадаю в прихожую, которая поражает меня громадной «развивающей» стеной — с буквами, чертежами, головоломками, схемами, строчками каких-то стихов и т. д.

И тут я вдруг почувствовала: а ведь без всего этого родителям было бы скучно возиться с детьми; они вкладывают в детей, чтобы потом показать, продемонстрировать их (свои) успехи. Это своеобразная плата за родительский труд...

Проснувшись, я долго соображала: как же это понять? Примерила это открытие к себе. Ведь и правда, без всяких наших проб, выдумок, записей, просто жить с детьми нам было бы... трудней, пресно, что ли. Это родительское целенаправленное творчество да еще... преподнесенное другим, показываемое и рассказываемое (жизнь на миру!), — не есть ли своеобразный допинг для родителей? Но, как всякий допинг, это противоестественно и не безвредно, особенно для детей.

Помню, во время поездки по Якутии нам задали прекрасный вопрос: «Как ваша известность повлияла на жизнь семьи?» Ответили кратко: «Не могла не повлиять, но как — об этом надо еще подумать». С тех пор и думаю. Мой сон — не подсказка ли нам? Не предостережение ли тем, кто идет следом?

Почему на всю жизнь!

Привязанность детей к родителям, вообще всех в семье друг к другу есть школа любви и верности. Кровная, правовая, психологическая нерасторжимость создает необходимость налаживания отношений, а значит, огромной душевной, духовной работы — это растит человека. Именно поэтому пожизненный брак во благо (не дал слово — крепись, а дал — держись!). Легкая замена партнеров (ничего себе словечко родилось!) плодит мелкое и крупное предательство как

норму жизни. Человек деградирует в этой видимости свободы отношений (вспомним: на самом дне Дантова ада обреталось именно предательство как тягчайшее из всех преступлений человека).

И снова, и снова Пушкин: в двух фразах у него сказано все, над чем я голову ломаю всю жизнь. На четвертый год женатой жизни, хлебнув уже немало трудных, непривычных для него семейных забот, пишет он жене, которая удручена тем, что отрывает его от дел и причиняет много лишних хлопот: «Никогда не думал я упрекать тебя в своей зависимости... Зависимость жизни семейственной делает человека более нравственным. Зависимость, которую налагаем на себя из честолюбия или из нужды, унижает нас».

Как же не становиться нравственной, если отвечаешь за всю судьбу, врученную тебе или рожденную тобой?

22.10.1981

Круги потребностей супругов

(их совпадение и несовпадение)

Духовные потребности человека бесконечно разнообразны, и удовлетворить их один человек (в супружестве) не в состоянии. Нужны другие связи, другие люди для этого. Доверие и свобода в отношениях супругов поэтому крайне необходимы, а ревность невыносима.

Но! В супружестве есть нечто, связанное с детьми, с появлением их на свет и со всей судьбой их. Этому ядру отношений изменить нельзя. Именно поэтому, наверное, изменой стала считаться только супружеская неверность, и именно это осуждают люди. Вроде бы примитивно, зато четко и ясно, нет колебаний. По-моему, это справедливо.

15.03.1982

Сила пословиц

В пословицах, поговорках аккумулирован нравственный опыт многих поколений. Но собранные в книги, они в житейском плане почти бесполезны, так как они изъятые из обращения, из живой речи.

Каждая пословица
бьет, заряжая опытом
века, когда она сказана
стала конкретной силой
Это как бы ориентир
для намерения нрав
Вот почему живы
эпидемии, сказок, пр

кого и т. д.) так нужен
на экране. Это касается
каждое действует ос

А мы сейчас не
теем, вкуса не чувс
На выходе — слова

Драма нынешних ба

У пожилых отве
дят больше, глубже
возможностей на
же родители). Это
кой.

Допустим, вижу
не то, сами нервни
зы и пр.), а с внука
не имею права. С
не сунься — по себ

Как быть? Вот где н
матика любви: кан
всех плюсов?

И тут проявляет
сколько поколений
30—40—50-х годов

семьи, детей и пр
годы они и нажил
терес и обществе

словами, а то и
м, многих домо
собирающих
писки с
дале

Каждая пословица только тогда в полную силу бьет, заряжая опытом человечества конкретного человека, когда она сказана вовремя, мгновенно соответствуя конкретной ситуации и оценке ее человеком. Это как бы ориентир в оценках, гениальный эталон для измерения нравственной сути происходящего.

Вот почему живой знаток пословиц, поговорок, анекдотов, сказок, притч (няня Пушкина, бабушка Горького и т. д.) так нужен ребенку в повседневности, а не на экране. Это касается и произведений искусства — каждое действует особенно остро, когда оно вовремя.

А мы сейчас немые и всеядные: без разбору глотаем, вкуса не чувствуем, не перевариваем толком. На выходе — словарь и эмоции людоедки Элочки.

Драма нынешних бабушек и дедушек

У пожилых ответственности больше (ведь они видят больше, глубже в силу своего опыта), а прав и возможностей намного меньше (распоряжаются все же родители). Это я поняла, когда сама стала бабушкой.

Допустим, вижу: молодые родители делают явно не то, сами нервничают, дети бунтуют (капризы, слезы и пр.), а с внуками поступить по-своему не могу — не имею права. С советами, а тем более указаниями не сунься — по себе помню, что это только обижает. Как быть? Вот где начинается прямо-таки высшая математика любви: как из многих минусов получить для всех плюс?

И тут проявляется еще одна причина драм. Несколько поколений бабушек — бывших комсомолок 30—40—50-х годов знали работу, работу, работу за счет семьи, детей и прочей личной жизни. Вот за долгие годы они и нажили профессиональное мастерство, интерес к общественной жизни, радение о проблемах глобальных, а тонкостей во взаимоотношениях с людьми, многих домашних трудовых навыков и знаний об окружающей жизни приобрести так и не успели. Их общение с внуками поэтому примитивно, неумело, ни песни спеть, ни сказки рассказать, ни поучить что-то делать.

Когда-то я вычитала одну детскую мудрость: «Дедушка — это учебник жизни для внуков». Счастье, если это так, да только из нас, нынешних бабушек и дедушек, получаются уж очень скучные «учебники», к тому же с искореженной информацией и бедным усредненным языком. Ну куда денешься от этого, вот и становимся мы для внуков и скучны, и неинтересны — нудны.

А поскольку мы не набрались кропотливого доброго опыта в семейных взаимоотношениях, то не можем помочь и семьям своих детей, вносим своей бестактностью еще больший разлад в непрочные связи молодых.

В таких условиях и впрямь жить лучше врозь, хотя приходящие бабушки и дедушки, так же, как и приходящие внуки, — это совсем не то, что живущие рядом. Сколько во всем этом грустного!

Бабушки прежде и теперь

Пришло в голову сравнить прежних и нынешних бабушек, и вот что вышло.

Прежде:

Труд

— Давай-ка, внучек, пособи!
Трудиться приучали сизмальства. Для этого изобретали много способов приобщения к труду, в том числе маленькие орудия производства.

Никаких колясок. После люльки — пол, двор, улица, деревня — осваивай сам, своими руками, ногами, боками, головой...

Движение

Коляски, кроватки, манежи. — Не беги, не прыгай, не лезь — ушибешься. Давай поддержи, покачаю...

Теперь:

— Пойди, детка, из кухни поиграй, еще наработаешься, — и в сторонку его, в сторонку — к чистым игрушкам, игрушке-лопатке, игрушке-совочку, готовым и бесполезным.

Конечно, босиком, как же иначе? Эти «башмаки» не износятся, крепче будут. И по снегу по джам. Замерзнешь на печке отогреется!

От одного к другому — починаю, зашто до износу. Не то от нужды — по советам не выбросишь

Уклад жизни: порожой, не казай, просто целосоней: не спится — не точешь — не ешь, можно — спи за прядосып; не надо сам не ложись.

Пес, остина — поле, во всем бабушка ждеи и все знае по называется, и поет, и как не за са, и как не чикону.

Закалка

Конечно, босиком; а как же иначе? Эти-то «башмаки» не изнаются, крепче будут. И по снегу, и по лужам. Замерзнет — на печке отогреется!

Одежда

От одного к другому — почию, заштопаю и до износу. Не только от нужды — по совести: годное не выбросишь.

Режим

Уклад жизни: порядок, но живой, не казарменный, просто целесообразный: не спится — не спи, не хочешь — не ешь. Если можно — спи за прежний недосып; не надо — совсем не ложись.

Природа

Лес, поле, огород, скотина — все рядом. И во всем бабушка свой человек и все знает: и как что называется, и кто как поет, и как не заблудиться, и как не навредить никому.

Колготки, чулочки, туфли, сапоги, валенки — даже летом! Все ответственное на сезон теплее: летом, как осенью, осенью, как зимой, а зимой, уж и слов нет.

— Чинить некогда!

Да и не нищие мы, новое купим! Хотя уж и класть некуда... И скандалы: это не хочу, то не нравится — избаловался.

Все «по науке»: режим, нормы, питание и гуляние.

— Ешь, а то гулять не пойдешь; или — за папу, за маму...

— Спать без разговоров! Или с уговорами, но спать!

Прогулки «на природу»: сквер, парк, дача, редко деревня. Из десятка растений хорошо если одно назову, птицы все на одно лицо, заблужусь в трех соснах (это я про себя). Цветы на окнах, кошка на диване — вот и вся природа.

Песни, сказки

— Хочешь — сказки, хочешь — песни, а пословицы, поговорки (!) да все вовремя, да не торопясь, со вкусом, а главное — рядышком. Вот так из рук в руки, из души в душу и знания, и трудовые навыки, и правила жизни.

Бабушки-наставницы

Понимаю, я пристрастна: прежних слегка идеализирую, нынешних чуть-чуть шаржирую. Но все-таки, все-таки, что же это с нами, бабушками, делается, люди добрые?

14.04.82

Способы воздействия

Проблема поощрения и наказания, по-моему, решалась бы просто, если бы вместо всяких поощрений и наказаний было иное: не похвала, а радость. Похвала снисходит, свысока оценивает, она может быть неадекватной, не в меру большой или, наоборот, мизерной, вообще от нее неловко. А радость за тебя возвышает, окрыляет, вызывает чувство благодарности, приязни к человеку.

Не осуждение, а огорчение. Осуждение, а тем более наказание озлобляет, унижает, вызывает желание оправдаться, возбуждает чувство вражды между людьми. А огорчение из-за тебя вызывает раскаяние, стыд, чувство своей вины, желание исправиться.

Короче, похвала и осуждение ставят одного человека над другими и разъединяют их, а радость и огорчение за другого соединяют людей, увеличивая радость, уменьшая горе.

— Песенки на ночь, баюкать — не положено, рассказывать сказки, истории некогда, да и не знаю я их. Лучше почитаю. Или, детка, посмотри-ка мультки.

Зато провожает внука в разные воспитательные пункты: детсад, школу, секции, студии, кружки, музеи, театры.

Бабушки-проводительницы

Этафета любви
человек без
интереса, добро
не может жить, т
жизнь как бы пер

ребен
Юнош
Мужа
Отца
Дедуш
И все

Если цепочка
новится никому

Один из бы
что зекам хорош

(на их языке «х
дежен и может

человек нравств

И матери тр

дитя в руки Лк

пятся женить, в

Бенюк нелюбим

27.05.1982

Материальное

Добыча зна

жет быть, один

тятся силы и

ме!

у богача н

таться — тоже

с собой не ун

всякого усили

накопленным.

дости — ли

У мудре

ученика

гост

Эстафета любви

Человек без любви, т. е. бесконечного чьего-то интереса, доброжелательства, тяготения, внимания, не может жить, так же как без тепла и света. Он всю жизнь как бы передается с рук на руки Любви:

Ребенка любят родители,
Юношу — любимая,
Мужа — жена,
Отца — дети,
Дедушку — внуки.
И все это взаимно.

Если цепочка прерывается, худо человеку. Он становится никому не нужным, и ничто для него не свято.

Один из бывших уголовников мне рассказывал, что зекам хорошо известно: если человек помнит мать (на их языке «жмет родная»), то он еще не безнадежен и может вернуться к жизни, а если нет — все, человек нравственно погиб, ему не за что держаться.

И матери трудно уйти из жизни, не передав свое дитя в руки Любящему. Может быть, поэтому торопятся женить, выдать замуж, чтоб не остался твой ребенок нелюбимым, одиноким.

27.05.1982

Материальное и духовное наследство

Добыча знаний (опыта) и золота (богатства), может быть, одинакова трудна: и на то и на другое тратятся силы и годы. Но вот они накоплены. И что же?

У богача наследников навалом, охотников поживиться — тоже. Все под замком, под охраной. Однако с собой не унесешь — все останется кому-то. И без всякого усилия и труда возможно обладание всем накопленным. Драки, интриги, убийства и прочие мерзости — лишь бы ухватить. Богатство растлевает душу.

У мудреца с наследниками всегда проблема: «Ищу ученика! Кому передать то, что знаю?» Духовное богатство всегда открыто. Но его не возьмешь без труда. Надо потратить столько же времени и сил, как и

учителю. Если нахватаешься готового, «золото» будет не той пробы — мудрости не приобретешь. А если потрудишься — станешь человеком. Этот труд растит душу и ум.

Вот почему потребительство страшно; оно толкает вниз, в тупик, в пропасть. Курс на повышение материального благосостояния — тупиковый курс.

22.12.83

(поезд из Таловой)

То же и с супружеством: взять тело, в общем-то, легко, отдать — тоже. Всякие придуманные людьми ухищрения в области секса — просто острая приправа, возбуждающая аппетит, потребительство в этой области.

А вот приобщиться и приобщить к другому духовному миру очень трудно! Здесь никакие ухищрения не помогут, нужен великий труд души, который растит духовный потенциал человека, творит его — делает человека более нравственным (Пушкин).

27.05.82

Лень и губит, и спасает

Напряжение, сосредоточенность, направленные на большое дело, могут быть очень сильными, но они не во вред, а на пользу развитию. От него не надо прятаться. Наоборот: только такое напряжение и дает результаты в творчестве и в построении самого себя. Здесь лень как неспособность к сосредоточенной усиленной работе губит.

А вот растаскивание человека на тысячи разных мелких пустяковых забот, далеко не обязательных, иногда противеньких, гаденьких, а чаще всего просто ненужных, короче, суета сует гробит человека. Такой «деятельности» надо избегать всеми силами, уметь расслабляться, отдыхать от нее. Здесь лень-матушка спасает.

Понятней стало, почему человек гнется — и ломается! — «не большой бедой, а соломинкой».

Мне иногда кажется, что пресловутая лень русского народа — это способ защититься от неумных

исторических экспериментов и сохранить жизнь и сохранил когда-то гром грянул битвы или бородинская повседневной жизни это про всех нас, разная». Сначала берности и неорганической. Теперь понижать суматошную нашу

27.05.82

Движение не раз

Кому не хватало его для

Сей афоризм

чему же я не бе

Ведь я давно

организм или с

Ну во-первых

где не болит,

жалко время

все-таки отгов

время бы наш

психологиче

жения, котор

Нет, умом

зан позаботи

и родных не

Но мне к

решения те

как можно

ухоженных

Куда ни гля

сердца. А

себя.

Надо не

не избега

депу, по

Так всег

прег

исторических экспериментов над ним. Это способ выжить и сохранить (накопить!) энергию для случаев, когда «гром грянет» — для очередной Куликовской битвы или Бородина. Это свойство проявляется даже в повседневной жизни (В. Короленко «Река играет» — это про всех нас, россиян). Я и сама всю жизнь «аваральная». Сначала расстраивалась из-за своей безалаберности и неорганизованности, а потом махнула рукой. Теперь понимаю: благодаря этому и выдюжила суматошную нашу жизнь без нервных срывов.

27.05.82

Движение не ради движения

Кому не хватает времени на движение, тому не хватит его для жизни.

Сей афоризм сочинила я сама. Спрашивается, почему же я не бегая трусцой, не делаю зарядку и т. д.? Ведь я давно знаю: движущийся, функционирующий организм или орган живет и не старится долго.

Ну во-первых, лень да и гром еще не грянул — нигде не болит, не колет. Во-вторых, сверхзанятость — жалко время тратить на себя. (Признаюсь, это скорее все-таки отговорка, при желании или необходимости время бы нашлось.) Ну, а в-третьих, пожалуй, главное: я психологически настроена против движения ради движения, которое ради продления жизни.

Нет, умом я, конечно, понимаю, что человек обязан позаботиться о себе, чтобы и работе польза была, и родных не обременять. Конечно.

Но мне кажется, что надо искать другие пути оздоровления тел и душ. Не понимаю, не могу понять, как можно бегать мимо стольких захламленных, неухоженных мест по земле, которая молит о помощи. Куда ни глянь, все ждет приложения наших рук, ума и сердца. А мы мимо, мимо, мимо — стараемся для себя.

Надо искать и создавать условия — по крайней мере, не избегать их, — которые потребуют движения по делу, по какой-то надобности, трудовой или игровой. Так всегда было в народе: смешно представить себе крестьянина, просто так бегающего по дороге.

Т. С. Мальцев: «Да я без работы ни ногой не дрыгну, ни рукой не трягну» — это он на вопрос тележурналиста: «Делаете ли вы, Терентий Семенович, зарядку?» И это на фоне целой поленицы дров, которые нарубил этот 90-летний человек.

Можно, например, не ездить, а ходить, а еще лучше — бегать (как Б. П., который специально выходит за 4—5 минут до отхода электрички, а нужно не менее 7—8 минут).

Или: не мотоцикл, а тем более машина (на которых человеку движения на копейку, а беспокойства на рубль), а велосипед — изобретение во благо человеку.

Или: не лифт, а лестница; не стоять на эскалаторе, а идти и вниз и вверх! И потом: копать, сажать, строить, убирать и т. д. и т. п.

А можно, например, построить... мост, как один человек (в Болгарии, кажется). Он все делал один: и камни издалека возил, и обтесывал, и укладывал, и под мост встал, когда поехали по нему первые машины.

10.07.82

Больные и здоровые

Норма, по-моему, когда заболевший человек первым делом думает (ну может быть, после первого испуга за себя): «Сколько же я хлопот теперь причиню людям: дома от дел оторву, из колеи всех выбью; на работе свою долю на других взвалю» — словом, «помешаю жить» (помнишь, смертельно больной — и знавший это! — А. П. Чехов после бессонной ночи спрашивает спавшего в соседней комнате студента: «Голубчик, я не помешал вам своим кашлем?»). Поэтому нормально, когда болезни стыдятся, пытаются скорее от нее избавиться, даже скрыть ее — преобладают болезни. Так было.

А теперь все чаще болезнь становится, во-первых, средством привлечь к себе внимание (с детства!), вызвать хоть так чувство сострадания, жалости. Хлопоты вокруг себя умиляют и нравятся, в лучшем случае воспринимаются как должное. Вот А. ушибся по неосторожности, слег в постель, но даже не упомянул ни ра-

зу — может, поддел-то вам прибавят. А во-вторых, Бюлле от работы. Бюлле брать не стыдно за снакуют свои хвосты для неблизких никто не винит са недозаботился, н

Осень 1982

Военный гороскоп

И там и там в счастье известны. Получается постановка, а от н

А в деревнях сядьбы, кресты все на улице. А (кроме похоро) а радость дари

10.07.82

О женской

(с точки зрения) Профессии много времени бе, по своему основу матери и восприимчивости новенькую сторону женские поверхностное о влияние ре

В каждой

зу — может, подумал? — сколько, мол, я по дурости дел-то вам прибавил?

А во-вторых, болезнь стала средством увиливания от работы. Бюллетень — вынь да положь, и деньги брать не стыдно за свое безделье. Дошло до того, что смакуют свои хвори, — это предмет разговоров даже для неблизких людей. А главное, в своей болезни никто не винит самого себя — это кто-то недосмотрел, недозаботился, недолечил, но не я сам.

Осень 1982

Военный городок и деревня

И там и там все друг друга знают, но в городке несчастья известны всем, а праздники у каждого свои. Получается постоянно напряженная, угнетающая обстановка, а от нее неврозы, болезни.

А в деревнях были, как правило, общие праздники, свадьбы, крестины, церковные, государственные — все на улице. А горе, болезни, заботы одолевали сами (кроме похорон, видимо). Получалось: горе прятали, а радость дарили всем. Мудро ведь!

10.07.82

О женской и неженской профессии

(с точки зрения психического своеобразия)

Профессиональная деятельность занимает очень много времени и сил, поэтому она должна сама по себе, по своему характеру не разваливать, не разрушать основу материнства — женственность, т. е. способность к восприимчивости, к сопереживанию, пониманию, проникновению в другого (главным образом эмоциональную сторону личности), а укреплять и развивать ее, выводя женщину к людям, общению, углубленным, а не поверхностным отношениям между людьми. Рациональное отношение к жизни (анализ, исследование, принятие решений), мне кажется, угнетают или даже вытесняют чувства, выхолащивают и огрубляют их.

В каждой сфере деятельности, отрасли есть обязанности (профессии) с мужским и женским началом, например, по-моему:

Для мужчин

Руководители, администраторы (принимающие решения)

Врачи-практики, даже педиатры,

Писатели,

Журналисты

Учителя, преподаватели

Тяжелый, громоздкий труд, требующий больших напряжений и мужества

Обслуживание: там, где поток, нет личностных контактов, постоянного контингента — магазины, ремонт

Это первая прикидка. Важна идея. Ведь с этим связана проблема образования женщин, которое не должно быть по мужскому образцу, как сейчас.

15.07.82

Мастерство

Только одно дает право человеку возвыситься над другими, почувствовать себя выше, лучше других и заслуженно принимать восторги, благодарности и похвалы: мастерство — умение что-то делать в совершенстве.

Никакое богатство, чин, звание, должность этого права не дают. Высокие нравственные качества этого ощущения гордости за себя тоже не дадут. И правиль-

Для женщин

Помощники руководителей, секретари, заместители по работе с людьми (они исполняют принятые решения)

Врачи-ассистенты, медсестры, лаборанты

Редакторы — женщине легче почувствовать стиль другого и не искорректировать, не подмять его

Воспитатели в школе, детском саду, яслях

Рабочие профессии, связанные с эстетикой (часы, электроника, шитье и др.) и кропотливым трудом.

Обслуживание ограниченного известного круга лиц: ателье, аптеки, библиотеки, лифт, прачечные самообслуживания и т. д.

но: нравственности противопоказаны самолюбование и самодовольство.

Впрочем, самолюбование и самодовольство противопоказано и мастерству, которое никогда не удовлетворяется достигнутым. В «Печниках» Твардовского, восхищение и мастерством, и гордостью Мастера. Учитель хочет расплатиться за сложенную печь и...

— Я не возьму, — говорит майор-«подмастерье», — потому что я не мастер.

— А я не возьму, потому что мастер, — говорит Печник. Вот это достоинство!

Запомнился один наш разговор с В., его ядовитые слова о классической русской литературе, в которой о человеке-Мастере почти и нет ничего.

— Вот только, может, у Куприна «Царский писарь». Читала?

— Нет, даже не слышала.

— Ну как же — это ведь не «новые люди», не «лишние» и вообще не «герои нашего времени», а так, что-то не стоящее просвещенного внимания. Пи-и-и-сарь — что там может быть интересного, да? Почитай, почитай, может, и дойдет наконец суть жизни.

Нашла, прочитала и правда зауважала и Писаря, и его мастерство, и его благоговейное отношение к своему Делу.

И у Кола Брюньона такое же восторженное уважение к своему Умению, Рукам, творящим чудеса. Жаль, не знаю наизусть, но по ощущению помню: целые страницы там как поэмы в честь мастерства, преображающего и украшающего землю. И такое мы в своей стране трудящихся разбазарили за несколько десятилетий. Теперь принародно хвастаются умением не работая получать рубли. Зарплату превратили в зряплату. И не стыдно!

15.08.82

Внешнее и внутреннее

Был разговор с бабушкой недели две назад: ей с нашими ребятами трудно, особенно с Ваней. Трудность эта в основном из-за резкости, откровенности их реакции, не приглушенных правилами приличия и внешнего

почтения к старшим.

— Они все делают по-своему да еще и назло, хотя говори им, хоть не говори, — жалуется бабушка Дина. Ее, как и дедушку, больше устраивала бы обычная вежливость — понятный и принятый язык общения среди чужих людей.

Я пытаюсь доказать, что если и бывает назло, оно спровоцировано взрослыми, не считающимися с самолюбием детей. Главное в другом: наши ребята действительно не вышколены в смысле этикета, бывают и резки, и дерзки, и даже грубы. Что ж, хорошего тут мало, но они открыты, они не позволяют себе злословить за спиной, притворяться, хитрить с целью какой-то выгоды для себя.

Я очень дорожу в нашем доме искренностью отношений. Это помогает мне ориентироваться и быть самой собой хотя бы здесь, в стенах собственного дома, среди близких людей, любящих друг друга.

И все-таки обида бабушки не без причины. В чем-то у нас идет перекося: ведь искренность не должна исключать щажения, жалости, деликатности, тактичности. Начать оборот! А у нас этого мало. Сказано:ковки — час, а ладки — день. У нас же на ковку день ушел, а ладке и часа не досталось. Тут мы с отцом без вины виноватые, поскольку и сами не отлажены.

Подарки судьбы

15.11.80

Великий нам подарок (признание!) — это сказанные мимоходом, как само собой разумеющиеся, Юлины слова: «Что же здесь хорошего-то?». Это в ответ на мою нечаянно провокационную фразу: «Да без нас с папой вам, наверное, лучше будет». Разговор шел о будущем новогоднем празднике: кого приглашать. И вдруг она с недоумением: «Что же здесь хорошего-то?»

Я готова повторять эти слова тысячу раз: ей ведь не пять лет, а почти пятнадцать!

10.05.82

Но чума же

Мне плохо от свалившихся разных бед и бедок.

Я жалею пр
шал-слушал и
не всерьез с
— Главное

из-за этого (И мне ста

15.08.82

За праздни

За праздни

бе — 11, Але

предлагает: «

нешних героев

стающих. И

— А здес

ственный (и

была тронута

тринадцатиле

И что хор

подстроенно

скакой. Ведь н

ется.

22.01.81

Наши ошибки

1. Сосред

«Любование

2. Перепу

а, функции

3. Дело,

перская, игр

меть).

4. Эстетик

то, что веч

выбраться

5. Оче

6. Жизнь

идет в че

самом

А то

я жалею просто от усталости и бессилия. Ваня слушал-слушал и, ни к кому не обращаясь, не в шутку, и не всерьез с точной мерой доброй иронии:

— Главное, жить можно (Пауза.) Не помирать же из-за этого (Мы все смеемся)... Не чума же... (Хохот.) И мне становится легче.

15.08.82

За праздничным столом

За праздничным столом двое новорожденных (Любе — 11, Алеше Л. — 18). Разные тосты за них. Ю. Б. предлагает: «За всех родителей, родоначальников нынешних героев». Оживление и одобрение всех присутствующих. И вдруг Ванин голос:

— А здесь главная родоначальница есть... — Единственный (и так вовремя) вспомнил о бабушке. Она была тронута до слез. Мне стало приятно и стыдно — тринадцатилетний догадался, а я...

И что хорошо: никакой запрограммированности, подстроенности не было. Вот тебе и грубый, такой-сякой. Ведь на него-то больше всего бабушка и жалуется.

22.01.81

Наши ошибки

1. Сосредоточенность на детях. Они — главное. «Любование детством» (Тынянов. «Пушкин»);
2. Перепутали, поломали в чем-то (в чем?) свои роли, функции матери и отца.
3. Дело, серьезные вещи подменили игрой (мастерская, игры, спорткомплекс — эрзацы, а не истинная жизнь).
4. Эстетика и этика в нашей жизни в загоне (из-за того, что вечно «перегруженные занятостью». Какой? Разобраться бы).
5. Отчасти раннее развитие ради раннего.
6. Жизнь на сцене, в аквариуме, на виду. Это расцветает в чем-то очень серьезно, не поймешь, какой ты на самом деле. И поверхностность общения с людьми («А ходят в праздной суете разнообразные не те». Е. Евтушенко).

7. Легко — это и плохо (в учебе, например); само-
надеянность: я запросто и т. д.
8. «Хочу» и «надо» не сбалансированы: хочется
не всегда то, что надо, но оно всегда сильнее.

Осень 1987.

И все же есть во всем этом и светлая сторона:

1. Сосредоточенность не только на своих детях, а
на проблемах детства вообще.
 2. В основном роли не путали: для отца главным
было дело, занятия; для матери — отношения.
 3. Игра подготавливала к жизни, не была убиванием
времени, пустым развлечением. И был, хоть и мало, на-
стоящий труд.
 4. Нравственность на высоте, несмотря ни на что.
 5. Раннее развитие — сколько открытий!
 6. Открытость для людей не для показухи все-таки,
а для пользы им же, не нам.
 7. Легко, без натуги — это создает ощущение своих
больших возможностей, уверенности в себе: я могу!
 8. В основном, в главном хочется достойного! И ни-
когда — низкого.
- Пожалуй, подождем топиться...

Музыка и народная песня

Есть музыка, подчиняющая себе наше настроение,
как бы создающая его: Моцарт, Чайковский, Глинка,
Верди... (наверное, для кого как).

А есть музыка, которая воспринимается, если твое
настроение звучит ей в тон (Бетховен, Мусоргский).
Для ее восприятия требуется особый душевный на-
строй, своеобразная подготовка, в том числе обстано-
вка. Иначе не тронет она, не дойдет. От чего это зави-
сит и так ли это — не знаю. Для меня так.

Музыка, как и хорошая песня, требует от души
раскованности и сосредоточенности одновременно —
какой-то тишины внутри тебя, тогда и расслабляешь
душу, отпускаешь ее на волю и, отключаясь от всего,
отдаешься только музыке, только ее слышишь. Соче-
тание музыки с разным домашним шумом, детской
возней, посторонними разговорами для меня почти

невыносимо. Я поэтому никогда не включаю на кухне музыкальные передачи (как-то несовместимы они с мытьем посуды и т. д.).

По-моему, русская лирическая народная песня для эстрады не годится. Во-первых, она слишком личная, слишком задушевная для пения на виду. А потом вне естественной, родившей ее обстановки она звучит фальшиво. Душевность ее притворна, потому что выучена, отрепетирована, подготовлена загодя. Она на месте в кругу, а не на подмостках, вполголоса, а не во всю глотку да еще с микрофоном.

Осень 1988

Современная оглушительная музыка, где шумы и ритмы забивают мелодию, — способ не возвысить душу, а разнуздать тело. Это часто и демонстрируют исполнители, непристойно дергаясь на сцене с тупыми или озверевшими лицами. А глаза — ох лучше уж не заглядывать в эти зеркала их душ!

23.09.82

Снова Малеевка — очередная моя «творческая командировка». Пошла вторая неделя моего пребывания здесь. Бабье лето — «очей очарованье», «короткая, но дивная пора» и т. д. Хотя бы одну такую строчку сочинить и помирать можно.

Роняет лес багряный свой убор,
Сребрит мороз увянувшее поле...

Хожу, а в голову все лезут эти чудные, божественные строки. Даже есенинская поется: «Отговорила роща золотая березовым веселым языком» — единственное, что я по-настоящему люблю у Есенина.

А свое в голову никак не лезет — не для нас таких болдинские осени. Не в коня корм.

Кто-то сравнил рождение книги с рождением ребенка. Если продолжить аналогию, то Малеевка — нечто вроде родильного дома для сочинителей. Только мы тут все больше на сохранении, по-моему, находимся, а родим ли — и кого! — неизвестно. Важные такие ходим, себя как матери на сносях несем. В каждом будущее дитя обретается... Правда, закармливают нас

тут едой и заботой — в таких условиях полноценного ребенка не родишь.

Вот хоть у меня: простых, ясных, чистых строк ну ни одной — все отяжелевшие, жирненькие, сладенькие, литературные излишества какие-то, черт бы их побрал!

Мысли-то, костяк всего, есть. И стоящие. Их бы мускулами обрастить, точными образами, примерами. А они заплывают жиром красивых слов и туманных закругленных фраз. Подобных вот этой, последней. Вот проклятье: словечка в простоте не скажешь! Вспомнила опять Гёте: «Усердье не по разуму». Может, это про нас грешных, которые на сохранении?..

Январь 1983

«Э-ман-си-пэ!»

Попалось на глаза в старых газетах «сердитое письмо» А. Кривенко: «...не возьми я все хозяйство на себя, мы бы погибли под натиском рухнувшего быта... Я не видел ее сутками: ее друзья ...работа... хобби... Моя работа, мои проблемы, интересы для нее — ничто... Она все принимала как должное...

Я мечтал о ребенке. Она отрубила раз и навсегда: «Ребенок — это крест на моей диссертации»... Ни ласки не видел я от нее, ни нежности... Люблю, мол, как умею, эмансипированно люблю, ибо я — эмансипированная женщина... Судя по ее подругам — она не была исключением...

Ну что ж, если это и есть эмансипированные женщины, то одно скажу — бежать от них надо, закрыв глаза. Что я и сделал.

Простите за резкость. Накипело».

Понимаю и очень сочувствую. Но! В принципе можно поменять местоимение она на он — это более привычно, менее противно, но тоже ведь не подарочек.

Февраль 1983

«Мужики» и «Бабы» в семье

В семье, видимо, очень нестойки сочетания: «мужик — мужик» или «баба — баба», это противоестественно и нежизнеспособно. Вот и происходят транс-

формации: если муж — «баба», получай жену-«мужика», она волей-неволей, ломая себя, становится такой. Когда жена по характеру «мужик», командирша, муж быстро обабится, если по характеру мягкий, не могущий за себя постоять.

Если же муж — настоящий мужчина, т. е. ответственный, волевой, работающий, умный, никакая жена (даже если она грубовата по натуре) его не переломит, а, наоборот, с удовольствием подчинится, будет ведомой и защищенной. В ней родится и расцветет женщина, а если повезет — мать.

А вариант, самый распространенный нынче: оба ни то ни се. И вот трагедия неустойчивости, неопределенности, униженности, взаимного недовольства, взаимонепонимания, какого-то ежедневного взаимоубивания. А рядом дети!

Хуже всего, когда каждый качает свои права, предъявляя претензии к другому, не имея для этого оснований (кроме принадлежности к полу), т. е. не имея подлинных качеств мужчины и женщины. И вместо того чтобы помогать друг другу приобретать эти качества, гипертрофированное ожидание любви и уважения за то, чего нет. И вот слезы, истерики, неврозы, алкоголь и т. д.

Когда-то нашумела статья Б. Урланиса «Берегите мужчин!» И лавина писем от обиженных женщин. А потом от оскорбленных мужчин. И все это вместо: «Люди, берегите друг друга!» — «тем более, что жизнь короткая такая».

Март 1983

Юля: зачем детям нужна мама!

(по моей просьбе Ю. в 16 лет написала ответ на этот вопрос)

Каждый человек независимо от возраста должен знать, что есть существо, любящее его и принимающее его таким, какой он есть. Вот это принятие таким, какой он есть, — самое главное в матери.

Мать, произносящая: «Я не хочу с тобой говорить», отталкивающая свое дитя, убивает в нем сына или дочь (в себе мать).

Самая главная обязанность матери — понимать. Мать, не понимающая своего ребенка, — трагедия. Должен быть человек, у которого на груди можно плакать и в 5 лет, и в 50.

Должно быть: в раннем детстве мать для ребенка — спасение, защитник, утешение; в более старшем — мать-советчик, наставник, мать-утешение; в зрелости — мать-друг, мать-утешение.

В любом возрасте между ребенком и матерью остается невидимая граница: превосходство матери над своими детьми. Это не должны чувствовать ни тот ни другой. Это быть может и опыт, и вот это умение понять и принять, и эта способность утешить.

Может быть, отношение к матери часто строится так на протяжении всей жизни человека (цепочка составлена наспех, ее нужно разработать): восхищение — сомнение — прозрение — недоверие — осуждение — неприятие — снисхождение — понимание — прощение — раскаяние — преклонение. Не знаю, должно ли так быть? Видимо, это закономерно.

Может быть, мать должна быть разной для мальчиков и девочек. Мать для мальчиков должна быть и женщиной, т. е. слабой, а для девочек — сильной.

Общественное воспитание? Нет! Человек должен знать, что он для кого-то незаменим. А в общественном воспитании все равны. Человек все-таки верит и любит конкретно не тысячу и не сто людей. И потому: общественное воспитание — дома нет, все время на людях, поплакаться некому и негде. («Общага!» — из фильма «Мужики») — это моя добавка.)

02.04.83

Писательское и поварское дело

Мне пришла в голову смешная мысль: писательское и поварское дело схожи вот в чем: и там и там абсолютно необходим правильно сформированный вкус.

Борщ варить часто приходится из того, что есть, а доводить его до кондиции. — по вкусу. Надо только знать вкус хорошего борща.

То же и когда пишешь: надо чувствовать — вышло или не вышло. И доводить до совершенства, тебе,

т. е. твоему вкусу, доступного.
Значит, надо с самого начала и читать не кое-что и
есть не кое-как, чтобы у самого получилось что-то.

10.09.83

Еще раз Малеевка — «приют спокойствия, трудов
и вдохновенья» — только, к сожалению, не для меня.

Вот загадка, я почему-то ни разу так ничего в Ма-
леевке и не написала, все какие-то обрывки, наметки,
попытки, и ничего путного не привожу никогда. Все
приходится делать дома по ночам. Уж, казалось бы,
все условия здесь есть: беззаботность, тишина, уеди-
нение, сосредоточенность, природа и погода — а вот
поди ж ты. В чем дело?

На этот раз я здесь буду 11 дней, сегодня уже вось-
мой идет, а я к обзору писем только приступила.
Лень? Усталость? Апатия? Нет, что-то другое. Я ведь не
бездельничаю, хотя, конечно, и отсыпаюсь, и брожу по
лесу просто так — роскошь, дома мне не доступная.

Надо понять, в чем дело, иначе получается, что
я просто зря просаживаю уйму денег и времени, не
оправдывая затрат.

Первые дни я «отпускаю» себя: наслаждаюсь одино-
чеством, свободой, тишиной, ничто не стучит в спину,
никому ничего не должна, предоставлена сама себе.
Дома все в порядке (знаю — звоню), поэтому душа
не мается, отдыхает. Так проходит два-три дня. Начи-
наешь «собирать» себя, сосредоточиваться, взнузды-
вать мысли, направлять их в нужное русло. Получается?
Да. Ведь ничто не мешает, не отвлекает. Но почему-то
быстро устаешь, посидишь часа два — наваливается,
буквально валит сон. Пытаешься сопротивляться —
идешь на улицу, думаешь на ходу, но голова не варит,
как будто запас мыслительной энергии иссяк. При-
ходишь в комнату, приткнешься полулежа на диван и
проваливаешься в глубочайший сон на полчаса-час.
И снова голова может работать — думать. Но тут встре-
вает очередная еда, надо идти в столовую (четыреж-
ды). Самое лучшее время — вечер и ночь, когда впе-
реди большой кусок времени, но тогда утром встаешь
разбитой.

Я так и думала: не дает мне работать моя безалаберность, неумение переключаться, отдыхать в перерывы — требуется «запой». Может быть, это свойство типично русское? Все то же: гром не грянет — мужик не перекрестится (мне это надо понять не для оправдания, а для того, чтобы себя не ломать, но и не распускать). Все, наверное, во мне есть. Но сегодня я поняла и другое, более важное.

Я уезжаю из дома и лишаюсь какой-то творческой подпитки, что ли. Вот парадокс: спасаюсь от суеты, а без нее — живой, бурлящей вокруг меня родными лицами и голосами — как будто опустошаюсь и начинаю усыхать и чувством и разумом. Отдых кончается, начинается что-то другое, противопоказанное творчеству, — голодание души (да еще и обжирание тела). Так или иначе, но общаешься с людьми, чужими тебе, видишь их лица, слышишь голоса, шарканье ног по коридору, поворот ключа в дверях — гостиничное все, транзитное. Сначала это-то и отпускает, расслабляет — отдыхаешь. А потом накапливается что-то утомляющее, даже раздражающее, может быть, то, что я ведь, в сущности, всем здесь глубоко безразлична, как и мне все. Да, кто-то приятен, симпатичен (Е. И., например), но ведь это крохи человеческих отношений. Этого так мало! Господи, и как это люди живут без семей, без близких?!

Вот оно что! Я, кажется, поняла. Надолго мне сюда приезжать не следует — приюта трудов и вдохновенья у меня из Малеевки не выходит. И вины тут ничьей нету. Это даже утешительно для меня: значит, я не очерстневший человек, я — женщина, а не писательница. Какое счастье!

Но приезжать на чуть-чуть надо. Приводить себя в порядок, просто встряхнуться («распрямись ты, душа, отдохни от забот!») и... соскучиться по дому.

1988

Два дома (Н-ых и С-ых)
Как вывод: всегда приходится выбирать. Даже в собственном доме:

1. Либо уют (ухоженность, эстетика, упорядочен-

ность, материаль-
де, не за преде-
Люблю бывать
2. Либо погл-
ным непосред-
общественным
беспорядок).
И то и дру-

лучше расти д-
опасности:

В первом. о себе, о сво-

общественной

Во втором. ти, эстетическ-

Первое не- что нужно.

1984

Вопросы, кот-

(Сколько их

1. Те, что

(в который р-

и то же. Бол-

таково. И н-

2. Те, что

товых ответ-

проблемы).

3. Вопре-

очень редки-

находить и

удается неча-

диалог, это

существующи-

4. Вопре-

скрытой изд-

ся. Они оск-

даются, а от-

ся редко.

5. З-

ность, материальная обеспеченность) в хорошем смысле, не запредельно, не по-барски, а по-человечески. Люблю бывать в таких домах!

2. Либо поглощенность каким-то делом, не связанным непосредственно с домом: профессиональным, общественным (а в доме уют по возможности, чаще беспорядок).

И то и другое занятым людям не осилить. Но где лучше расти детям? И в том и в другом случае есть опасности:

В первом. Для детей угроза омещанивания (забота о себе, о своем, о своих). Ведь ребенок не видит общественной стороны жизни взрослых.

Во втором. Здесь угроза кое-какства, несобранности, эстетической всеядности, неразвитости, безвкусицы.

Первое неизмеримо страшнее, но и второе — не то, что нужно.

1984

Вопросы, которые нам задают
(Сколько их накопилось!)

1. Те, что заставляют лишь вспоминать и излагать (в который раз!), мне скучны: не могу повторять одно и то же. Большинство вопросов, к сожалению, именно таково. И не иссякают (книг-то не достать).

2. Те, что заставляют думать тут же, на них нет готовых ответов (неожиданный нюанс, аспект, сторона проблемы), редки, но отвечать на них интересно.

3. Вопросы-возражения, вызывающие на спор, очень редки, они самые мои любимые, ибо помогают находить и вскрывать противоречия (самим нам это удается нечасто). Они прерывают монолог, открывают диалог, это всегда интереснее и нужнее людям, присутствующим здесь.

4. Вопросы-подвохи, язвительные провокации со скрытой издевкой, даже злобой, нечасто, но встречаются. Они оскорбительны и вызывают желание не оправдаться, а отстоять, защитить себя. Удачно это получается редко.

5. Записки-благодарности. Их сейчас все больше. Они греют и вдохновляют. Но бывает и неловко, когда

люди всякую меру теряют, сотворяя в очередной раз себе кумира. Тогда раздражаешься и даже злишься.

6. Записки-советы, чаще доброжелательные, иногда наивные, очень редко с обидным подтекстом.

7. Записки-предложения: опыта, помощи, дополнительной информации. Они, как дружеские руки, на которые всегда можно опереться. На них и опираемся всю жизнь.

А еще без всяких записок глаза, которые из настоящих и ожидающих превращаются постепенно в открытые, добрые, благодарные...

1985—1987. Пермь, Малеевка, Гусь Железный
Культура и свободное время

Человек, духовной жаждою томимый, т. е. воспитанный с потребностью приобщения к культуре, нуждается и в условиях, обеспечивающих это. И прежде всего нужно:

- 1) свободное время;
- 2) материальное обеспечение (книги, инструменты, помещения и пр.);
- 3) общение с духовно близкими людьми (сообщающиеся сосуды).

Развивая людей разносторонне (Щетинин и др.), необходимо позаботиться о создании, по крайней мере, этих трех условий в жизни каждого человека. Иначе зачем же это развитие?

Не получается ли ситуация, похожая на судьбу крепостной, воспитанной в барском доме с французским, музыкой, танцами и т. д., а потом отправленной на скотный двор? Не обеспечивается ли этим благим намерением трагедия одиночества, неудовлетворенности, беспомощности, отчаяния?

Конечно, человек и сам не должен дожидаться, пока кто-то что-то для него сделает, но его возможности ограничены, особенно у молодых матерей, у студентов-заочников, т. е. у людей, имеющих двойную, а то и тройную рабочую нагрузку. А в деревне? Там еще сложнее. Вот беда — несовпадение желаний с возможностями. А у кого есть возможность — нет желания. Для кого-то из всех сил организуют досуг,

тебя в самодетель
я театры, даже плат
А кому-то книги
несбыточная мечта
даться в более тяжё

Сказка, для чего
Сказка хороша
жизнь, подготовли
лит от жизни.
Рассказывала м

дому-девятикласс
ней в мире выду
чугу диковинным
жизни. Как она б

Сказка, фанта
необычайности
отношения, чув
подготавливая к
не было ни стр
талии с неба
процерирует бу
для интуитивн
жизни.

А если ска
ней замок то
нам, она вре
морских при
сладкому па
не заметит.
Примитив

01.05.198
Главное про
Оно про
С. Ковалевс
других. Дне
что даже Т
жить своей
тельность
Никто

ташат в самодеятельность, возят в музеи, на экскурсии; в театры, даже платят за них, лишь бы приобщались.

А кому-то книгу почитать — проблема, театр — несбыточная мечта. Получается: более развитые находятся в более тяжелом положении. Где же выход?

Сказка, для чего она!

Сказка хороша тогда, когда она помогает понять жизнь, подготавливает к ней, а не заменяет ее, не уводит от жизни.

Рассказывала мне одна женщина в поезде про свою дочку-девятиклассницу: подруг нет, живет отшельницей в мире выдумок, фантазий, сказок, обставит комнату диковинными зверями и сочиняет истории из их жизни. Как она будет только жить? Трудно сказать.

Сказка, фантастика при всей своей волшебности, необычности всегда моделирует реальные ситуации, отношения, чувства — от ужасных до чудесных, — подготавливая к встрече с трудным и необычным, чтобы не было ни страха перед жизнью, ни тупоумия типа: камни с неба не падают. Кроме того, сказка как бы проецирует будущее, намечает пути к нему — настоящая интуитивная футурология. И это тоже познание жизни.

А если сказка как маниловская мечта, как воздушный замок только туманит голову несбыточным, ложным, она вредна. Напивавшись такими сказками о заморских принцах, девочка не шагнет навстречу нескладному парню с соседней улицы. Она его просто не заметит. А к смазливому подонку шагнет.

Примитивно? Не очень. В жизни бывает.

01.05.1985

Главное противоречие эмансипации женщин

Оно проявляется уже в прошлом веке в судьбе С. Ковалевской, К. Павловой, С. А. Толстой и многих других. Дневники С. А. Толстой — свидетельство того, что даже Толстой не признавал, по сути, права жены жить своей, не зависимой от него жизнью. Самостоятельность жены оскорбляла и отталкивала его.

Никто в моей книжечке «Я учусь быть мамой» моей

мысли по этому поводу и не заметил: видно, так уж
неудачно она выражена. Обидно.

15.07.87

Прочитала у Тургенева (Речь по поводу открытия
памятника А. С. Пушкину в Москве, 1880 год): «В поэте,
как в полном выразителе народной сути, сливаются
два основных ее начала, начало восприимчивости и на-
чало самостоятельности, женское и мужское начала —
осмелились мы бы прибавить». Меня поразили нежн-
данный взгляд на поэта и на женское и мужское на-
чала, которые могут слиться в одном человеке.

Есть о чем думать! И я вспомнила о той своей не-
востребованной мысли, высказанной в книжке и никем
не замеченной. Она мне кажется очень важной, по-
пробую сформулировать ее еще раз.

Итак, благодаря эмансипации женщина стала деяте-
лем в производительной и общественной сфере, т. е.
стала быстро приобретать деятельностные качества.
А всякий деятель нуждается в воспринимающем нача-
ле, т. е. в понимании, проникновении в его интересы
кого-нибудь из близких. Такова, по-видимому, диалек-
тика жизни. Образно говоря, у женщины возникла
острейшая потребность в душечке, а способность ею
быть катастрофически утрачивалась, в этом и заклю-
чается трагический перекося женской Эмансипации:
мы потеряли больше, чем приобрели.

Но это другая тема. Сейчас вот о чем: мы, женщи-
ны, жаждем понимания, а мужчины, естественно (фя-
зиологически, психологически, исторически законо-
мерно), не могут удовлетворить эту потребность, даже
если бы и очень захотели. Тут надо набраться терпения
и вместе очень много потрудиться: через муки и стра-
дания мы должны прийти к тому, чтобы стать душеч-
ками друг для друга. Возможно ли это, не знаю. Смо-
гли же в Пушкине слиться эти два начала. Но он «рус-
ский человек в полном его развитии», человек не-
близкого будущего, к какому мы, надеюсь, придем.
Главное, надо осознать направление пути. Это я пыта-

30.03.82
Мой цветок и икебан
Мой цветок — ко-
гда дел, занятий, заб-
вения жизни, для нача-
ла жизни.

Икебана — таких
же больше и в детском
работе в «парниках» в
«ж» (Л. Толстой), ко-
журналиста, потом «г
жизни реальной, дале

13.01.87

Четко ли быть молс
[после просмотра до
Человек обязател
самым близки
Эксперти), незаме
жизни в трудном и
Люди ничьи стра
— норма суще
форма совести. Для
ет, даже собствен
и-и тоже.

Вот какое пок
идеях, где все

Осень 1987

когда я слышу
протестует, и
нет своих
идеальности ниче
воспитании т
(детские до
и т. д.), влож
не выра
и сто

30.03.82

Кого растим?

(Живой цветок и икебана в воспитании)

Живой цветок — когда ребенок растет в жизни: среди дел, занятий, забот, отношений людей разного пола и возраста. Это требует улучшения, очищения самой жизни, для начала хотя бы семьи, а потом и общества.

Икебана — таких композиций сейчас становится все больше и в детсадах, и в семейных оазисах. Эта работа в «парниках» выгуливает «оранжерейных огурцов» (Л. Толстой), которые, по выражению одного журналиста, потом «просятся в дурдома», не выдерживая реальной, далеко не парниковой жизни.

18.01.87

«Легко ли быть молодым?»

(после просмотра документального фильма)

Человек обязательно должен быть Чьим-то любимым, самым близким («прирученным» — по Сент-Экзюпери), незаменимым. Вот основа устойчивости человека в трудном и пока холодном нашем мире.

Люди ничьи страшны, потому что предательство для них — норма существования, безответственность — норма совести. Для них и в самом деле ничего святого нет, даже собственное Я не дорого, грош себе цена и жизни тоже.

Вот какое поколение мы растим в коллективных условиях, где все равны и взаимозаменяемы, как кирпичи.

Осень 1987

Когда я слышу и читаю: «Нет чужих детей», все во мне протестует, потому что за этой красивой фразой стоит: нет своих детей. Все чохом наши, а каждый в отдельности ничей. В хозяйстве мы на этом погорели и в воспитании тоже. Развивая коллективное воспитание (детские дома, детские сады, интернаты, продленка и т. д.), вложи туда хоть весь государственный бюджет, не вырастишь людей без самого серьезного изъяна, потому что они будут не любимые никем, а значит,

опять ничьи. Они и в семьях-то все больше и больше становятся ничьими, а уж в коллективах-то и подавно. Конечно, есть исключения; иной детский дом теплее многих отчих, но я говорю о тенденции. Она опасна, доказательств полны улицы и городские дворы да и дома тоже: поколения отверженных.

Январь 1989

Еще 2 года спустя

Семейные детские дома — это развязывание еще одной губительной тенденции: начнут сдавать детей туда пачками, продолжится расслоение женщин на роженниц, работниц и воспитательниц, а Материнство придется записывать в позорную «Красную книгу» человечества.

В самом деле, матери уже пишут: «Где же справедливость? Там и жилье, и обеспечение, и воспитание по науке, да еще и платят «матерям» столько! А я... да что там, вот пусть те и воспитывают!» Опять благими намерениями мостим путь в ад! Сказала об этом в Детском фонде — не поняли! Начнем понимать, когда поздно будет?!

Лето 1987

О производительном труде

как средстве всестороннего развития

Лет пять назад в одном споре с Б. П. и А. И. мне пришло в голову доказательство (убедительное для меня) необходимости производительного труда для всех.

Без него вырастить Человека можно (Бартини, Герцен, Маркс и много-много других — лучших! — людей Земли), но эти люди — как бы результат филигранной индивидуальной работы талантливейших любящих воспитателей да еще плюс «случай — бог-изобретатель», да условия материальные, да их собственная громадная работа над собой...

А в люди-то надо выводить миллионы. И механизм этого процесса был давно отлажен в трудовом народе: детей никогда не отлучали от жизни и труда взрослых, наоборот, приобщали к ним очень рано. Освободив, отторгнув наших детей от этого процесса, мы соверши-

ли настоящее прест...
лениями людей и г...
как труд преврати...
на отсутствие труд...
превращают челове...
обязану» (это Ст...
субботу»).

Значит, не обо...
ежедневного, заме...
за результатам) к...
сельном труде. И...
пент, всегда мучи...
гжающий не ест. Св...
чить самому — ос...
боды. Когда Толст...
это не было бла...
блажь»!

15.07.87

Год маминной бол...

Тот год был д...

и переосмыслени...

Я исходилась

таким к постел...

этой, освободив...

важными и не...

ения и т. д.), я п...

чих, какой-то к...

иснулось и неко...

меня со всех сто...

Почва заходи...

переоценив мно...

отращаться к...

хвещственным. У...

и я ждала...

изнают на пре...

изнают и сама...

и давая жить п...

и давая жить п...

ли настоящее преступление перед несколькими поколениями людей и перед человечеством в целом. Ибо «как труд превратил обезьяну в человека, точно так же отсутствие труда в гораздо более короткие сроки превращают человека в обезьяну. Даже хуже, чем в обезьяну» (это Стругацкие «Понедельник начинается в субботу»).

Значит, не обойтись без участия (серьезного, т. е. ежедневного, заметного по затратам сил, времени и по результатам) каждого в современном производственном труде. И главное здесь — нравственный аспект, всегда мучивший всех честных людей; не работающий не ест. Свою жизнедеятельность надо обеспечить самому — основа достоинства и внутренней свободы. Когда Толстой рвался пахать, копать и т. д. — это не было блажью для него. Всем бы нам такую «блажь»!

15.07.87

Год маминой болезни (1985—1986)

Тот год был для меня великим годом осмысления и переосмысления жизни.

Я находилась весь год при маме, прикованной параличом к постели. По необходимости, несомненной и святой, освободившись от разных дел, казавшихся раньше важными и неотложными (встречи, писания, обсуждения и т. д.), я постепенно поняла, сколь много суеты в них, какой-то вздорной надуманной нужности. Это коснулось и некоторых, может быть, важных дел, в чем меня со всех сторон многие пытаются убедить.

Почва заходила у меня под ногами, когда я, уже переоценив многое, после смерти мамы должна была возвращаться к прежним обязанностям, семейным и общественным. Я ко многому стала относиться иначе, а от меня ждали и ждут прежнего образа жизни, затягивают на прежнюю стезю. Я, не умея пока ничего доказать и сама во многом еще не разобравшись, вынуждена жить по-прежнему образцу, но без прежней убежденности. Тошно. Но как быть?

Май—декабрь 1986

Моя душа, как птица в заточенье,
Сначала билась и рвалась из клетки,
Надеясь, негодуя, протестуя;
Потом затосковала и смирилась,
В печали свои песни позабыла,
Но помнила каким-то странным чувством,
Что жизнь есть долг, не только наслаждение.
И в том нашла опору, чтобы жить
И жизнь других не омрачать уныньем.
Но как не быть печали без любви?

15.07.87

Кому ставить памятники?

Это давний наш спор. Б. П. возмущается: «Почему не знают люди тех, кому обязаны многими благами цивилизации. Кто, например, знает изобретателя трехфазного тока? Никто. А это изобретение, на котором держится вся промышленность. А вот писателей, артистов все знают, памятники им ставят. Несправедливо!»

Я пыталась как-то оправдать это явление (оно же действительно есть!), чувствовала, что тут кроется какая-то высшая справедливость, но доказать ничего не могла.

А однажды (смешно вспомнить) меня притиснули в электричке к обширной спине, обтянутой модной, очень красивой искусственной тканью. «Спина» зычным голосом наводила порядок:

— Ну куда, дед, прешь? Лезет, как не знаю кто, дома им не сидится... Кто грубит? Уж молчала бы, нашла заступница! — рывкнула она и на меня.

В этот момент я и подумала: сколько же всего пришлось изобретать, чтобы надеть на эту мадам такое прелестное платье, а под ним так и остался обыкновеннейший крокодил. И я поняла, наконец, почему памятники ставят не тем, кто заботится о теле, а тем, кто сохраняет и укрепляет нам душу.

30.08.87

Главное — спасти человека
сохранить в нем человеческое,
тогда сохраним все

Допустим, мир спасен, земля, природа процвета-
ют, а человек деградировал: продано, растоптано в
нем Человеческое. Тогда зачем все?

Природе все равно («и равнодушная природа кра-
сою вечною блистать»), ей можно начинать и начинать
бесконечно все сначала, а у нас, людей, может быть,
было одно начало и будет один конец, без надежд
на возрождение, если мы вконец промотаем главное
наше богатство — нравственные, духовные ценности.
Вот этого-то и нельзя допустить! Любой ценой, даже
ценой собственной гибели.

Хотя почему даже? Ведь если у человека все люби-
мое, все, чем он живет, вне его и он передает его ко-
му-то в надежные руки, ему умирать не страшно.

И пусть у гробового входа

Младая будет жизнь играть...

А вот если кто-то только самого себя любит и ле-
лает — ужас: ведь со смертью приходит для него конец
всему.

14.04.88

Вместо или — или — и, и, и,

Противоречие: выясняется, что хорошая крепкая
семья имеет громадный изъян — продолжение своего
достоинства: все, что не она, ей чужое, т. е. своеобраз-
ная отстраненность от остальных (как в секте, клане).

Эта клановость семьи имела причину, обоснован-
ность, даже необходимость. Но сейчас она все больше
мешает. Да еще как!

Недаром интеллигентные семьи культивируют тер-
пимость в самом высоком понимании этого слова (зря
заменили это прекрасное русское понятие на неудобо-
варимое «плюрализм»). Живи по-нашему или не живи
с нами — это позиция стаи, стада, корпорации, кото-
рой выгодно единомыслие в своих рядах и невыгодно
инакомыслие (не высывайся!).

«Наша дружная семья» подобную клановость усугубляет.

губила в силу конфронтации со всем белым светом (правы ли мы?). С самого начала получалось: правы и мы, кто-то один, одна сторона. Исключалось: правы и мы, другие: и соседи, и ученые, и бабушки и т. д.

Надо в семье изо всех сил постараться избавиться от этого жесткого (на эмоциональном уровне) неприятия чужого, надо учиться принимать разные стигмы жизни как должное, как общее достояние: разное — это хорошо (основа ограничения — в нравственных критериях, только в них, но их немного). Может быть, семейные клубы — один из путей преодоления клановости семей?

Две стороны подлинной интеллигентности

Неконформизм:

противостояние стадности, неприятие ее, внутренняя свобода (всегда сам собой), отсюда и чувство достоинства!

И то и другое не всегда зависит от образованности, эрудиции, даже наоборот: наше нынешнее образование чаще всего ведет к конформизму и нетерпимости, т. е. неинтеллигентности. Вот так просвещение!

Терпимость:

приятие разного образа жизни — свободы других людей (не вылезание на глаза, т. е. истинная скромность)

26.08.88, Пермь

Для чего же нужно духовное и разностороннее развитие,

если условия явно не предназначены для осуществления, реализации этого развития, даже наоборот, не нуждаются в способностях, которые часто остаются невостребованными обществом?

Кажется, пробивается ответ на этот вопрос: как раз для того, чтобы противостоять бездуховности, в себе самом найти опору для этого противостояния (особенно если оторван от своих, например в армии).

Сегодня до меня дошло важное. Духовно развитый от неразвитого отличается вот чем: он не в состоянии убивать время, бессмысленно и бестолково балдеть, тратить его зря, ни на что, без всякого урока, результата, впустую. Именно неразви-

тый нуждается в организации досуга, т. е. в культурном убивании времени. Таковыми могут быть, а по существу являются: экскурсии и туризм, книгочтение и киносмотрение, спорт и модная аэробика, ярмарка тщеславия любой моды и т. д. и т. п. — все это для сытых брюхом и нищих духом (злюсь — это плохо).

И вот что самое прискорбное во всей этой «культурной революции»: видимость приобщения к культуре, видимость духовного роста создает успокоенность, своеобразное удовлетворение тем, что культурный потенциал народа растет. А он не растет, а падает! Растет информированность, эрудиция, стремление быть на уровне (чисто внешне), именно отсюда вещизм — знаковая культура: при этой вещи и ты выглядишь и чувствуешь себя человеком. Худший вид рабства: человек — придаток престижной вещи!

01.09.88, Пермь

Какую же деятельность можно назвать трудом (где водораздел между трудом и нетрудом)? Убивание времени — вот критерий, признак не труда. Труд имеет положительный результат (материальный, духовный): чего-то прибавилось в жизни.

Свободное время тогда становится богатством общества, когда оно тратится не впустую, когда его не убивают, а используют на благо себе и другим людям. В противном случае оно становится бедствием, ибо идет на отупление, разложение, растление людей, а значит, на их духовное обнищание, деградацию.

Недаром возникла проблема досуга — проблема недоразвитого, скорее больного, общества.

Лето 1987

Талант не продается

(Ваня о причинах талантливости русских)

А. С. Пушкин (в письме к жене 21 сентября 1835 г.): «Писать книги для денег, видит бог, не могу».

Ванюшка нашел неожиданное продолжение этой мысли. Читали мы как-то о том, что один японский бизнесмен стал миллионером, пустив в дело собранные по нашим техническим популярным журналам нигде

не запатентованные «маленькие хитрости». «Русские очень талантливы и беззаботны, они ходят по золоту и не замечают этого», — заявил он нашему корреспонденту.

Некоторое время спустя Ваня удивил и обрадовал меня замечательной (богатой для обдумывания) мыслью. Передам ее своими словами, как понял.

Талант развивается и проявляется, только если он абсолютно свободен от конъюнктуры, от подлаживания под чьи-то вкусы, от намерения нажиться за его счет. Там, где начинается работа на продажу, там начало конца таланта: он вынужден подчиниться заказчику. В России испокон веков не было организованного использования талантов, подкармливание, подкуп их. Наоборот, не замечали, давили («Левша», «Небывальщина»), т. е. ставили в условия, казалось бы, самые неблагоприятные, а получалось, стимулирующие бескорыстие, а значит, и развитие талантливости. Парадоксально, но так.

30.07.89

Жалость унижает!

Пишу под впечатлением книги С. Остроумно, умно и... беспощадно. Вот это последнее настораживает: здесь больше гнева, сарказма, чем боли.

В любой книге больше всего отталкивает и отвращает меня позиция постороннего, которому любопытно наблюдать и исследовать, но которому не жалко «подопытных». Читая это, люди злорадствуют, так не усовестись. И у С. есть что-то подобное. И снова как не вспомнить Пушкина: «Нет убедительности в поношениях и нет истины, где нет любви».

Секрет красивой одежды

Сентябрь 1990

Встретилось в какой-то статье тонкое наблюдение: детей одевают красиво, чтобы они вызывали у окружающих улыбку, любовались собой — как бы добрую ауру, которая благотворно влияет на ребенка, защищает его. Грязный, неухоженный, неприбранный малыш вызывает либо жалость, либо неприязнь. И соответ-

ственно создается неуютная атмосфера недоброжелательства, угнетающая ребенка.

Наверное, это относится не только к детям, но они более чувствительны к отношению окружающих, более чутки к воздействию добра и зла — важная мысль. Захотелось подумать дальше: а слишком изысканная, дорогая или экстравагантная одежда вызывает чаще всего зависть и раздражение — тоже негативный фон.

Вот ведь как важны мера и вкус во всем как средство гармонизировать мир людей и вещей и мир отношений.

Красота как приманка!

Давно уже меня исподволь тревожил такой вот пустячок: разорванные смятые и выброшенные красивые коробки и обертки от конфет, печенья, футляры от вещей и т. д. — в общем, весь тот упаковочный материал, который выбрасывается тотчас после покупки и использования содержимого. Помню, моя матушка собирала фольгу от шоколадок, пестрые конфетные коробки; мы над ней подтрунивали, и она говорила: «Жалко выбрасывать такую красоту». Это крохоборство? Или что-то другое?

Поехали мы с Юлей к Ване в Китц (ГДР), и от первого же посещения магазина у нас «поехала крыша» — столько всего стояло на полках! И какого яркого, соблазнительного: каждая коробочка, каждый пакетик словно просил: купи меня, ну посмотри, какой я красивый, я ярче всех, я симпатичней всех, — купи-и-и! Покупаем, снимаем роскошную блестящую обертку (бездна вкуса и выдумки), и... рука не поднимается смять и выкинуть ее. Это ненормально? Наша азиатская дикость, нецивилизованность? Или...

Я выбираю эту ненормальность — меня коробит, что вся эта красота ради конкурентоспособности, ради рекламы, и только! Это оскорбляет меня. Не принимает душа применение красоты как приманки для продажи. В этом есть что-то растлевающее: не любовование красотой, не сбережение ее, а потребление, потребление, уничтожение просто так, мимоходом. Вспомнилась выставка тортов в кулинарном учи-

лице — произведения искусства! И кромсающий их на части нож. Такую красоту не жалко?..

У «диких, нецивилизованных» народов красоту делали, создавали кропотливо, любовно, надолго и не позволяли над ней так глумиться. У вышитых рушников концы захватаны не были — не могли руки красотой вытираться. А уж выбросить... — ох...

Кому-то все эти мои охи покажутся смешными. А мне не до смеха. Сказано: «красота спасет мир». Спасет — если мы научимся ее боготворить, т. е. со-творим из нее Бога.

Благодарю и спасио

Какое чудо, когда неожиданно раскрывается глубинное истинное значение привычных слов, которые произносишь ежедневно.

В. М. как-то спросил:

— Когда вы принимаете гостя в доме, кто кому делает большее благо: вы ему или он вам? У кого должно быть сильнее чувство благодарности?

— А что, тут разве есть сомнение? Ведь я же его накормила, уложила, приютила, мне он за это и спасибо говорит.

— А если вдуматься? Гость как бы заставляет, побуждает жить не только для себя, сделать что-то и для другого, а значит, спасти свою душу для вечности, оторвать ее от своекорыстных забот. Значит, именно гость дает вам возможность возвыситься духом, дарит куда большее благо, чем вы ему...

Вот так раз! Какой неожиданный поворот. И заработала мысль. Может быть, потому и хочется просить о чем-то близкого человека, а вот с просьбой к неприятному или чужому человеку бывает так трудно обращаться, словно исподволь предпочитаешь спасать душу, тебе родную, а не постороннюю. И может быть, поэтому и оскорбительны деньги, предлагаемые за дружеские услуги: они как бы перекрывают пути спасения, не дают облагородить душу, приблизиться к Богу, т. е. стать Человеком.

Сентябрь 1990
Размышляю о Боге

Отдаю дань времени — размышляю о Боге. Видно, во все смутные времена люди, теряя прежние идеалы, ищут новые опоры в жизни. Богоискательство, богостроительство, молебны на Красной площади, воскресные проповеди, воскресные школы, Библия, Евангелие — ищем путь к Храму.

Я тоже ищу, хотя, как мне кажется, от тех великих Десяти Заповедей, которые вряд ли смогу даже перечислить, я никогда не отступала. А ведь атеистка до мозга костей, и все, связанное с церковью, вызывает у меня недоумение, недоверие, неприязнь. Причина не столько в моем атеистическом воспитании, сколько в неких житейских наблюдениях за пастырями и за паствой Болшевского храма, рядом с которым прошли первые сорок лет моей жизни. Что-то не внушили они мне ни благолепия, ни благочиния. А мордастые (прости мою душу грешную!) батюшки, не очень-то обременяющие себя постом и молитвой, божьей благодати моей душе прибавить уж никак не могли. Однако не может меня, как и всякого человека, обойти трудная и вечная тема Бога и Дьявола, этих двух Начал, противостоящих друг другу, — Начала Добра и Созидания и Начала Зла и разрушения. Надо же определиться, чтобы ориентироваться в хитросплетениях жизни.

Трудно воспроизвести ход моих размышлений, к тому же я, конечно, понимаю их примитивность и наивность. И все же хочется как-то осознать итог и оформить для себя. Вот он. Природа движется от хаоса к упорядочению, созиданию гармоничного согласованного мира. Вот это движение к Бесконечной Общей Гармонии — Любви и есть движение к Богу (я сделала из этого слова аббревиатуру).

Усилия человека, направленные на гармонизацию подвластного ему пространства (начиная от самого себя, своей семьи и кончая страной, планетой — кому что по силам), — это и есть духовная работа. Ее успешность определяет уровень духовности человека.

Стремление к рассогласованности, разрушению, дисгармонии — от лукавого. Я определила для себя

это термином БЕС-нравственность и БЕС-духовность.

Итак, два пути: вверх — самосовершенствование и совершенствование мира; вниз — разложение, преступление, круги ада.

Однако можно топтаться и на месте, ни вверх, ни вниз — болото мещанства, так называл это удобное место Герцен. Оно и взлететь не даст и утопиться не пустит — чтит уголовный кодекс.

Ну вот тебе и система координат, находи свое место в ней и живи.

Из всего этого я уяснила себе вот что: если человек двинулся по пути к Богу, то не мешать ему надо, а помогать, если можешь, и не считать его путь неверным, не тем, не таким и т. д. Можно идти и через Христа или другую религию, и через служение людям, и за Учителем, и совсем особым индивидуальным способом. Пусть каждый изберет свой путь. Главное — ИДИ.

II. ШАГИ СЕБЕ НАВСТРЕЧУ, ИЛИ Я И «Я»

Сказав А, видно, надо говорить и Б. Отважившись открыть вам свою заветную «Красную тетрадь» с разными непричесанными мыслями, решусь и на исповедальную откровенность.

То, что вы прочтете сейчас, было предназначено только одному человеку на свете и пролежало никем больше не читанное около десяти лет. Конечно, трудно отдавать на суд неизвестным людям сокровенное. Через много сомнений и колебаний я прошла, прежде чем решиться на это. Тут не боязнь открыться, а страх вот перед чем: нужна ли кому-нибудь, кроме меня, моя писаная торба? Однако за прошедшие годы я убедилась, что не я одну несу в себе это мучительное противоборство между женским и неженским в своем характере, между игрой в жизнь и самой жизнью, между «хочется» и «надо», между рассудком и чувством, между ложью и правдой в себе. Я поняла: шаги себе навстречу бывают так трудны и так необходимы, что

самосознание — разложение
и на месте, на
так называл это у
не даст и утопиче
екс.
ординат, находи
себе вот что: если
е мешать ему на
итать его путь че
идти и через Хри
ение людям, и за
видуальным спосо
ь. Главное — ид
ь и Б. Отважис
ную тетрадь с
ешусь и на исхо
ло предназна
пролежало ни
ет. Конечно, три
ям сокровен
прошла, прежа
крыться, а стра
роме меня, мо
годы я убед
чительное про
им в своем
изнью, межд
чувством, ме
а: шаги себе
одимы, что

нам всем надо быть откровеннее друг с другом, что-
бы помогать делать эти шаги к Человеческому в себе.

Оно есть в каждом из нас, теперь-то я совершенно
уверена в этом, но сколько же всякого не того несет
в себе каждый! Время, в которое мы живем, требует
Очищения, иначе Возрождения нам не дожидаться.
Вот почему моя исповедь перед вами.

1982, Малеевка. Ночь под
25 сентября. Жду Юльку завтра

Послушай меня!

Сегодня со мной что-то произошло — какой-то
срыв, сдвиг, не знаю как назвать (может быть, это и на-
зывается КАТАРСИС?). Я поняла... я играю, всю жизнь
кого-то изображаю вопреки какой-то тайной сути своей.
Даже сейчас пишу, реву, а сама на себя как будто со
стороны смотрю. Кругом всякие исписанные листы,
не могу их читать, видеть не могу — везде какая-то
фальшь, ложь, выпендривание, лажа какая-то. Взясась
писать о материнстве, а материнство-то и предала. И ни
один человек в мире не сунул меня лицом в грязь за
это дело...

Все эти дни до нынешнего было все прекрасно: на-
строение, погода, шла работа, дома все в порядке —
я блаженствовала. И все-таки почему-то никак не могла
ухватить тона разговора, меры откровенности, что ли.
Все какие-то ужимки и прыжки. Если б писать только об
утилитарных сторонах: кормление, уход и т. д. — это
проще. А я-то взялась изображать духовную сторону
материнства, его значение в жизни женщины и чело-
вечества. И вот все эти дни копалась в самой себе и так
и эдак, вот и докопалась до сути, до того, в чем стыдно,
мучительно даже самой себе признаться. Ощущение
тошноты какой-то не физической, а нравственной, что
ли. Сунуть бы два пальца в рот и... вырвать всю эту
дрянь из себя.

Да, да, да! Я может быть, что-то преувеличиваю,
но вот то, что касается моего отношения к воспитанию,
моя роль в этом деле, моя роль в публикациях, на те-
левидении, выступления и т. д. — это чем-то необы-

чайно отвратная роль. Здоровое мое начало во мне протестовало, как-то бунтовало, нет-нет да и взрывалось, но общими усилиями (с помощью друзей и единомышленников) снова загонялось внутрь, а тут-то сейчас я осталась сама с собой, вот, наверное, некому оказалось совести рот закрыть, она и заговорила.

Трудно продолжать, но раз начала, буду досказывать, а то опять подсунется какое-нибудь оправдание, мерзость эта. Как же осмыслить все и словами изложить, где их найти, чтобы «мысль изреченная» опять ложью не оказалась? Не Толстой же я, в самом деле? А ведь, наверное, и он мучился не потому, что скрыть, словчить хотел, а потому, что не знал, как другим передать правду в том виде, как сам ее понимает и видит. Чтоб именно так и поняли.

Может, эта моя исповедь поможет и самой мне определить, как быть, что делать, какой выход найти. Главная забота у меня, чтоб опять собой любоваться не начать: как сказалось да как выразилось. Ну попробую, может, на полдороге брошу — тяжело, выдохнусь. Ночь еще впереди... Благослови.

С чего начать? Понимаешь, не знаю, как это вышло, но в детстве, видно, перехвалили меня за самобытность — я ведь даже списать никогда не могла, сказку повторить было выше моих сил — гипертрофированная честность, а скорее, гордыня, что ли. Но это своеобразие — не так, как все — обязательно показываемое, проявляемое в подаче себя, редко явной, чаще замаскированной под скромность, даже застенчивость, — это стало моим своеобразным интеллектуальным хобби, как бы жизненной игрой. Причем это свойство, как я сейчас вспоминаю, сформировалось очень давно. Может быть, это был способ самоутвердиться, как-то выделиться? Я действительно изощрялась в этом искусстве мыслить оригинально. И добилась, разумеется, успехов. Газеты, которые я оформляла, всегда отличались ни на что непохожестью. То же в сочинениях, выборе тем, ответах, поступках и т. д. Причем у меня хватало сообразительности (хитрости?), чтобы мое оригинальничанье не выглядело таковым. И меня похваливали, прямо-таки лили масло в этот неправед-

ный огонь. И я играла дальше: в «глас народа» при студентах-архитекторах, которые ценили мою непосредственность, которая не была таковой; в «талантливую студентку», которая на самом деле всерьез никакой наукой не интересовалась; в «передовую учительницу», которая сочиняла и изобретала всякие методы и новшества не ради ребят, их знаний и судеб, а ради опять-таки того, чтоб потешить свою душеньку сознанием: «А я и не такое еще придумаю, и не такое еще смогу». Но поскольку это было основой, постоянным тренажом моей интеллектуальной жизни (как ужасно сейчас это ОСОЗНАТЬ!), то, конечно, я, как говорится, насобачилась, изошрилась и действительно развила свою способность мыслить свежо, незаданно, живо. Научилась размышлять и анализировать, почувствовала вкус к осмыслению жизни — это было безусловно положительным качеством и привлекало людей.

Мне кажется, в О. Т. этого свойства тоже навалом, только в более грубой, назойливой форме и более открытой (это лучше). Ее притязания к жизни грандиозны, и ее самоутверждение идет по тому же руслу, что и у меня. В ней я себя увидела в таком неприглядном свете, что ужаснулась. Но сначала все эмоции были. А теперь настало время осмыслить все: я увидела в О. антипод материнской сути. Женщина, которая сделала детей СРЕДСТВОМ СВОЕГО восхождения «наверх», не может быть матерью. Сутью матери является, по моему, как раз выведение «в Люди» за счет себя детей своих. Мать может быть глупой, может быть размазней и клушей, может быть даже мещанкой или карьеристкой — все это, конечно, нехорошо и детям не подмога, но она не преступница по отношению к детям, потому что она не живет за счет них. Что делаешь, все мы не без изъяна, но каждая из тех, кого можно назвать матерью, по-своему делает для детей все, что может. Объективно она при этом может даже портить детей, но она все равно мать, которая ни в чем перед детьми не виновата.

У Т. (и у меня — да! да! да! — только по-другому проявляется, а по сути, то же — это так страшно!) все шиворот-навыворот: не ради детей она все свои усилия

бешенные прилагает, а ради своего самоутверждения в жизни.

Как мне надо было все это понять, как надо осознать, прочувствовать! Вот уже сейчас, когда пишу это (три часа ночи), мне становится легче, как будто очищаюсь от какой-то скверны. Но ведь я давно это чувствовала, а не понимала.

Итак, почему я считаю, что мы с Т. одного поля ягоды? Давай, Ленка, не трусь, раз в жизни, наверное, такое бывает. А ты меня поймешь и не осудишь, а осудишь — простишь. Помоги мне, мне худо...

Значит, так. Мы встретились с тобой, когда мне было уже 28, когда мое самолюбие (старая дева!) страдало. Страдание доставляло униженное сознание неполноценности своего положения, обидно было и унижительно до крайности. Я готова была, стиснув зубы и зажав сердце, сделать глупость, лишь бы избавиться от этого гнусного состояния. Могла, например, выйти замуж за Р., которому я имела несчастье понравиться и который мне по возрасту в отцы годился.

Моя профессиональная карьера тоже, в общем-то, трещала по всем швам: в школе мне было оставаться совсем не в состоянии. Как я теперь понимаю, мы взаимно не подходили друг другу. Школа — мне (ты знаешь, почему), а я — школе (все по той же причине — играла я в учительницу, а не работала всерьез, хотя если бы кто мне сказал об этом тогда, я возмутилась бы). Вот так: крах личной и общественной жизни, и это при моих-то притязаниях бывшей отличницы, которую еще на студенческой скамье прочили в академики («Ну, Ленка у нас профессором будет» — то же маслице все в тот же огонь). И это при действительной, непритворной жажде полезной деятельности: потенциал тоже был, направленность не на собственное корыто тоже была искренняя, честная. С таким настроением идейные девушки шли в «Народную волю», в революцию, на баррикады, а я... в общем, я прозябала.

И вот — будь благословен этот день! — 10 декабря. Наша Встреча, Начало Начал — видишь, как торжественно я об этом пишу. Сейчас я могу оценить этот день по достоинству. А тогда романтическая встреча с «под-

полным революционером», таинственная «сходка» в частном доме, организация «новых людей» — прямо по Чернышевскому — было от чего закружиться моей бедной голове и раскрыться моему сердцу. И еще: это удивительное, никогда раньше не испытанное мною доверие к тебе, совсем ненаигранное (никакой игры в доверие;), как это окрылило и покорило меня.

Господи, я начинаю вспоминать всю свою жизнь — так мне и ночи не хватит (уже четверть пятого), а надо обязательно кончить. На второй раз я не решусь...

Так вот, в «любимую» я с тобой не играла. Тут все шло по-человечески. Трудно, не сразу, не гладко, но по-человечески честно, без игры — я тебе очень благодарна за эту свою открытость, я была с тобой тогда сама собой. Вот видишь: я написала тогда, а потом? Потом врала, что ли? Нет, тебе врать-то нельзя было. Погоди, что-то я начинаю путать. Всего сейчас не скажешь. Надо поскорей к детям переходить. Это сейчас главное для меня.

Ну вот, родился сын. Я помню, очень отчетливо помню: никаких тщеславных помыслов не вызвало во мне его появление на свет. Было умиление, чистая радость и еще — тоже хорошо помню! — радость из-за того, что рад ты. Помнишь, ты первый раз через окно заглянул ко мне в палату, мы с тобой встретились лицо к лицу, оно у тебя дрожало. Я испытала такое же потрясение, как от первого кормления Алешки.

Все начиналось свято. Свято и продолжалось у тебя. Ты взял и честно (опять же как думал, как чувствовал) вывел на первом Алешином дневнике: «Жизнеописание... который призван опровергнуть...», ну и так далее, я плохо помню эту покоробившую меня надпись. Покоробившую?

Вот тут-то и начинается то, из-за чего вся эта моя писанина. Ты понимаешь, эта надпись и, видимо, какие-то соответствующие разговоры наши всколыхнули во мне снова какое-то подспудно живущее тщеславное чувство. Как его выразить? Ну если применить прежнюю терминологию, то можно сказать так: для меня началась многолетняя игра в «необыкновенную, передовую, сверхпередовую маму», маму «не как все». Если ты

откровенно пробовал, изучал, то я стеснялась не самих этих проб, а той откровенности, с какой это делалось. Название Алешиного дневника покорило не сутью, а неприличием признания, самораздевания какого-то. Для тебя-то никакого стриптиза тут не было, ты не кокетничал скромностью, не прикрывался всякими фиговыми листочками — вот он, весь я тут. А меня коржило всю, когда этот дневник читали посторонние — как будто в замочную скважину подсматривали. По мне, так ни за что не написала бы так, хотя думала уже так, как было написано, и чувствовала так: мой ребенок и должен быть необыкновенным! Свою необыкновенность я теперь утверждала через своего сына, а потом и через остальных детей, даже через количество их (опять же «не как у всех»). Так и пошло-поехало.

Конечно, было не только это (еще бы!), была чистая материнская радость, и жизнь ради них, наших ребятшек, и слезы, и мучения, и все самое прекрасное, что знакомо каждой матери. Но было и другое — с нашей известностью оно только расцветало во мне: упоение своей исключительностью. Я дошла до того, что стала преподносить сотням людей свою откровенность, кокетничать ею. Умница Ванюшка первый вылил на меня ушат воды: «Что-то ты, мама, не поскромничаешь...»

А все эти статьи, книги и похвалы за них, и овации в аудиториях, и фильмы, и телевидение — будь все это проклято!

Я боюсь, ты меня не поймешь. Все это так трудно объяснить. Да ведь и намешано всего, и хорошего, и плохого, попробуй тут разобраться!

9.30 утра. По-моему, я так и не заснула, проворочалась. А может, немного и спала, не знаю, не пойму. Сейчас поеду встречать Юльку...

Тошно, что так. Я ведь еще не все написала. Перечитала — тошно, хотя все правда и даже почти без этого самого «преподнесения себя», но, наверное, очень невразумительно. Я продолжу сегодня вечером. И с Юленькой все это отправлю (вместо книги — ирония судьбы) тебе.

26.09.82 Снова ночь

Сегодня я проводила Юльку, чистое мое сердечко. Она меня спасла от самой себя — я увидела, что она меня любит. Значит, все-таки есть за что. Я уцепилась за это, как за соломинку: я наговорила с нею всласть. Всего, конечно, не рассказала (хватило ума, а может, и струсил), но мы много говорили обо всех в семье, и обо мне, и о нашем положении в семье. Она сказала удивительные вещи. Главное попытаюсь передать, потому что оно относится к этому моему «саморазоблачению».

— Ты знаешь, мам, когда-то я с удовольствием бежала домой. Мне дома было лучше, чем где угодно. А вот последние года три-четыре стало трудно дома. Может быть, мы выросли и стали больше понимать и чувствовать? Понимаешь, мы дома какие-то не сами собой, как будто кого-то изображаем, должны изображать (я прямо похолодела от этих ее слов) приветливых, вежливых, работающих и т. д. Кто-нибудь приезжает, думаешь: «Господи, опять кто-то чужой...», а выходишь, мило улыбаешься: «Проходите, пожалуйста, мы вам так рады» (тут она спародировала неискренний тон), прямо противно (Припчка Б. П. на полях: «Кто ее заставляет врать? Почему не оставаться человеком?»). Мы даже друг с другом стали неискренними какими-то, неоткрытыми, чужими немножко, каждый замыкается на каком-то своем деле, словно уходит в него, как в скорлупу. Дома чувствуешь себя, как на улице или где-то у чужих. Все время такое ощущение, что мы будто обязаны такими быть, какими нас в разных статьях изображают, — ужасное это состояние (я снова и снова дрожала от ее слов).

И потом, вот приезжают к нам даже хорошо знакомые люди, вроде ближайшие друзья всей семьи, а чувствуешь какую-то фальшь в отношениях. Ну не нравятся они мне, допустим, да и многим у нас, а мы обязаны быть не просто вежливыми, но и прямо-таки «своими в доску», противно! Ведь в дружеских отношениях не должно быть навязанности, принуждения — иначе лож получается...

После этого разговора я еще больше (весь нынеш-

ний день) начала себя казнить. Додумалась вообще до чудовищных вещей. Вспомнила, например, Я. И., свое резкое неприятие его, жуткую антипатию и поняла: отталкиваются-то опять же одноименные заряды — в данном случае со знаком минус. Я и суть-то его смогла понять именно потому, что сама такая в чем-то, что меня оттолкнуло. Я его определила как спекулянта на нравственном дефиците. Не хватает в обществе каких-нибудь заграничных новомодных порток — находится отечественный их производитель или доставщик — спекулянт. Цель — нажива на дефиците, обогащение материальное. Кроме того, участие в азартной игре, щекотание нервов — «деятельность» на грани допустимого. Но это для людей «низшего сорта» — тряпичников, наживал и т. д. Для «высших» подавай не звонкую монету, а моральную — славу, почет, уважение, даже любовь благодетельствованных «масс». И вот эти «высшие» начинают играть в «альтруистические» игры, разводя демагогию и вводя людей в заблуждение. Они, эти «благодетели человечества», действительно развивают бурную деятельность: изобретают, организовывают, заботятся, жертвуют собой, а точнее, продают себя за жирный кусок от этого заманчивого сволочного пирога СЛАВЫ. Он хуже, чем материальный, потому что здесь торгуют не шмотками, а самыми святыми человеческими свойствами и проявлениями.

На этой ярмарке ТЩЕславия (вот когда я поняла это название) торгуют всем оптом и в розницу:

Ах, не хватает общения — пожалуйста, клубы; здорovia — извольте, вот панацея от всех хворей; острых ощущений — полустриптиз на экранах телевидения; информации — всякие «встречи» и действия типа «Твои возможности, человек!»; умения контактировать — Карнеги и т. д. и т. п. В том числе самое дорогое и немейного счастья, воспитательских возможностей родителей — появляются новаторы. Многие из них следом за Никитиными, которым — как первым! — перепала завидная доля СЛАВЫ, этой возделенной награды за труды.

Цена всей подобной деятельности одна — популяр-

ность, известность, право на автограф еще тоньше — протанков до десяти о затирании, неп

Телевидение с эзники этой купли-эзватить куш на ко-у, и мне дайтное: крупным пла-ще, почаще! Прза то, что выгоспорт, искусство, [да? Когда?] и исо своими выста-нием — показ-жес какой-то!

Так вот, тебе, потому что у теб... в Я. И. увиде... естше ничего! В... тебе чего-то, св... то не сможешь... настроен. ...одозреть в к...

Так, значит, м... ствовала, уви... диозных биз... (эном) попр...

Я стала скру... самoopра... Я как раз хс... рация происх... обессиля... убитая. Но э... ей-богу, я ру...

ность, известность, оvation и восторженное почитание, право на автографы и портреты со всех газет. А если еще тоньше — право на любовь и признательность потомков до десятого поколения. Если этого нет — вопрежь о затираании, непризнании, несправедливости и т. д. Телевидение сыграло пагубнейшую роль в развязывании этой купли-продажи; всем показалось доступным отхватить куш на этом базаре. И все поддались: «И я хочу, и мне дайте!» Заработали локтями вовсю. Главное: крупным планом, титры покрупнее и почаще, почаще, почаще! Пробился — почет и уважение. ЗА ЧТО?! За то, что выгодно себя продал. Проституировали спорт, искусство, телеигры («А ну-ка, девушки!», «Кто? Где? Когда?» и им подобные). Даже детишек втянули со своими выставками детского рисунка и подначиванием — показом всяких поделок перед сказкой. Ужас какой-то!

Так вот, тебе, наверное, и в голову это не придет, потому что у тебя-то этого нет (по-моему, нет!). Ты даже в Я. И. увидел только старание помочь людям и больше ничего! Воистину мы судим всегда по себе. Если в тебе чего-то, свойства какого-то нет, так ты и в другом его не сможешь обнаружить: твой камертон на другие волны настроен. Допустим, ты не можешь украсть, так заподозрить в краже человека ты просто не в состоянии.

Так, значит, мой-то камертон сработал, если я почувствовала, увидела в этих названных мной людях грандиозных бизнесменов на моральном (вернее, аморальном) поприще. Значит, и у меня эта червоточина есть?!

Я стала скрупулезно и беспощадно (не пытаюсь найти самооправдание) себя прямо-таки анатомировать. Я как раз ходила в Дорохово звонить домой, и вся операция происходила на ходу. Я едва шла, прямо физически обессилев, оглушенная всем этим, уничтоженная, убитая. Но это было мужественное, честное поведение, ей-богу, осознание этого меня как-то поддерживало. Я ругала себя последними словами, но это от огромного потрясения. Вечером, когда я стала все это писать, я поняла, что сволочь тот, кто осознает, что де-

лает и пользуется всякими запрещенными приемами для отпихивания и дискредитации соперников. Я вспоминала «борьбу за приоритет» некоторых наших знакомых, в общем-то, порядочных людей. И они этого не избежали — какого-то (хоть исподволь!) очернения друзей и «последователей».

У нас, у меня — видит бог! — этого не было: желания утопить, отпихнуть, замарать соперника. Даже наоборот, ты знаешь ведь, как я неприязненно относилась к самой идее поставить столбики, застолбить (патентом, свидетельством, авторством, званием и т. д.) наши изобретения и открытия (успеть раньше других!). Эта неприязнь не напоказ, она глубинная, истинная. Так же, как неприятие гонораров за выступления, за повторные издания. Тут я в самом деле без всякой игры и притворства, так чувствую, на том стою. Это у меня, видимо, от отца, человека в этом отношении в высочайшей степени бескорыстного и истинно скромного: для него главным было дело сделать, а имя свое на титульном листе поставить он, по-моему, никогда не стремился, не в смысле ухода от ответственности, разумеется, а в смысле ухода от почета.

А что же у меня было? А вот что. Как в своих «интеллектуальных» играх (думать «не как все», не просто по-своему, а именно «не как все» — оригинально, неожиданно, чтобы удивить, озадачить и т. д.), так и в своем поведении, в своих нравственных устоях, чувствах я тоже исподволь стала стремиться быть «не как все» — какой-то воинствующий неконформизм. Все красятся — я не буду! Все курят — не попробую! Все пьянеют — ни за что не опьянею! Все гипнозу поддаются — со мной это не выйдет! Сидела во мне какая-то поперечность, желание сделать наоборот, не по общепринятому.

Наша война с окружающими из-за воспитания да и само по себе воспитание «не как у всех» доставляли мне то же тщеславное удовлетворение. Даже пробы голодания: все не могут, а я могу. В общем, война со всем белым светом была мне не только не тяжела, как я сейчас понимаю, а очень даже импонировала, удовлетворяла эту мою потребность выделиться, само-

утвердиться, возвыситься в собственных глазах, это мне придавало какую-то остроту в жизни, как будто стимулирующую приправу к постным будням.

На работе я конфликтовала с начальством, не боялась его не столько для пользы дела, а потому, что все перед ним тряслось. С подчиненными была демократична, проста и снисходительна (даже полы вон в клубе БМЗ мыла, чем вызвала молчаливое презрение уборщиц, наверное, справедливое, потому что они чутьем поняли, что я играю в простоту) не потому опять же, что этого требовали обстоятельства дела (делу-то это во вред шло), а потому, что с подчиненными не принято так обращаться, а я играла «в демократию». Ну и так далее. Тут многое можно было бы вспомнить. При чем чувствуя, что хорошо и что плохо, что приятно, а что неприятно, что одобряется окружающими, а что нет, я исподволь начала «покупать» их расположение. Конечно, это было неосознанно (иначе я действительно была бы сволочью), просто я интуитивно выбирала такую РОЛЬ в общении, в поведении, какую от меня хотели видеть, какую ожидали (разговор с Юлькой мне помог это определить сейчас). Например, чувствуя, что нескромность не приветствуется, не одобряется, я стараюсь не лезть на глаза, в первые ряды в президиуме и на собраниях, но при этом четко ощущаю, что я замечена, меня знают и за моим поведением следят. Так и на всевозможных встречах, и у нас в доме, когда есть чужие. «Скромность» в сочетании с «оригинальностью» суждений — неотразимо обаятельное сочетание. Если бы без кавычек! Помнишь:

Она была нетороплива,
Не холодна, не говорлива,
Без взора наглого для всех
БЕЗ ПРИТЯЗАНИЙ НА УСПЕХ.
...Все тихо, просто было в ней.

Она была
сама собой!

Было, а не выглядело! А у меня выглядело больше, чем было. Я не была, очень редко бываю где-нибудь вне дома сама собой. А последнее время и в доме (Юлька тысячу раз права!) не бываю сама собой — «без этих маленьких ужимок и подражательных затей».

А при всем том очень хочу быть сама собой! Играть

роль мне уже удовольствия не доставляет. Вот БЫТЬ «не как все» — это приятно, это вызывает гордость, удовлетворение, если это на самом деле. Но играть роль — унинительно! В том числе и роль радушной хозяйки, например.

Видишь, как тут все намешано, не разберешься. Когда «играешь роль», а когда «поперечничаешь» — наверное, не всегда и определить можно. Хватает и того и другого. Хуже всего (я возвращаюсь к ребятам, к своему материнству, которое я в себе предала), что все это вторглось, точнее, тихой сапой проникло в святая святых — мои материнские чувства, материнскую суть. В чем это проявилось? Боже ты мой, дай мне силы продолжать! Уже три часа ночи и голова как котел. Но пока я все это не напишу, не вылью, не вытряхну из себя, я ничего не смогу писать о материнстве. А осталось всего четыре дня! Безумие какое-то.

Я уже, кажется, третий раз написала это страшное слово — предательство. Но что же тут поделаешь, если это так. Мое оправдание лишь в том, что я не ведала, что творила. Повторю: суть материнства заключается в том, чтобы, отдав себя, дать жизнь детям (помнишь, ты рассказывал о зеленом горошке, который оставили без воды надолго: все материнское растение высохло, а стручок жил!). Если мать за счет ущемления, обездоливания (в каком-то отношении, с какой-то стороны) детей или путем их использования как средства сама расцветает, получает какую-то выгоду, чего-то достигает — вот здесь-то и происходит предательство.

Такая мать — антипод настоящей матери, у которой весь интерес жизни — в пользе для детей. Даже ее профессиональная судьба так или иначе подчиняется этой главной цели — дать жизнь следующему поколению. Если хоть что-то мешает этому главному смыслу ее существования, значит, она должна отказаться от помехи, сделать ВЫБОР. Не жертва нужна, а выбор. Правда, очень трудно определить, что нужно детям, что пойдет им на пользу, а не во вред. Тут уж и голова нужна, и сердце, и наблюдение, и... в общем, труд души, а не тела.

Иногда надо остаться дома и не работать, а иногда

наоборот. Иногда уйти от мужа, а иногда все сделать, чтоб удержать его в семье. Иногда уехать, даже когда особой нужды нет, а иногда наиважнейшее дело отложить и остаться дома. Иногда даже копейки не дать, хотя в кармане десятка, а иногда залезть в долги, дом продать (как мать Шукшина), и все, не спрашивая, не упрекая, отдать сыну или дочери. Вся сложность заключается в том, чтоб определить, когда что надо. И ошибки тут возможны, и трагедии, и мучения — все это жизнь и нет тут материнской вины, а есть ее беда. Не осудить, а пожалеть ее надо в случае ошибки да помочь, если можешь.

Предательство начинается там, где на первое место главным мотивом матери (может быть, даже не вполне осознанным, как у меня, например) становится какая бы то ни была выгода для матери: от удовлетворения ее тщеславных устремлений (мой — первый, мой — лучший, мой — поступил, а ваш...) до прямой материальной (квартирной, денежной) выгоды, до продвижения по служебной лестнице. К., например (мать 10 детей), по-моему, из таких, хоть отчасти. Эта удовлетворяла свои притязания на успех в деле успевающего во всем. К тому же «рожать-то для здоровья полезно». Это ее слова. Вот тебе и цель.

О. Т., насколько я наблюдала, ребята часто просто раздражают, она их терпит, ибо на них поставлена жизненная карта: либо пан (открытие в науке, опять же признание и слава, право лидерствовать и упиваться этим — иначе связалась бы она с этой каторгой, как же!) либо пропал: ковыряйся с этой оравой, и никакого тебе за это навару — ни материального, ни морального...

Хватит про других. Давай про себя. Честное слово, ребят своих люблю до боли, и рожала их не ради здоровья своего, и возилась с ними без чувства какого бы то ни было раздражения и ощущения вкладывания капитала для процентов, нет! Тут я чиста и перед ними, и перед совестью: до донышка себя проглядела — чего нет, того нет.

Есть другое. Помнишь, я тебе рассказывала про свой сон и допинг в воспитании. Сейчас я не буду его описывать подробно. Суть в этом термине — допинг. Я его

понимаю как искусственную стимуляцию, подстегивание извне. Не нужда, не по необходимости, а из каких-то престижных, соревновательных, наварных соображений. В данном случае признаком допинга оказалась мне (во сне) развивающаяся стена в одном респектабельном семействе, где воспитывают 10 детей. Я подумала (во сне же), что без этой стены, без возни с развитием детей, без игры в педагогический поиск, а может, не игры, а действительно интереса к исследованию в области воспитания — этим родителям скучно, невыносимо трудно было бы воспитывать своих десятерых детей, потому что по их ощущению огромный труд их должен и оплачиваться необычно высоко. Иначе зачем такие усилия? Если уж отдать силы и жизнь, так чтобы проект памятника своего при жизни увидеть — ради этого можно и пострадать.

Меня поразила эта мысль еще во сне, а потом долго не давала покоя наяву. Я почувствовала, что этот сон — камушек в мой огород. Я тогда думала — в наш, теперь понимаю, что твой исследовательский интерес в этом отношении совсем бескорыстен. Вот парадокс: ты постоянно бахвалишься результатами своей работы, с упоением можешь повторять (лишь бы слушали!) много раз одно и то же, ничтоже сумняшеся демонстрируешь ребят и все наши достижения и устройства и тем не менее заботы о собственном самоутверждении посредством ребят во всем этом нет. А у меня наоборот! Я бегу от всяких показательных выступлений, мне неловко говорить о достоинствах ребят, меня ужасает сама мысль о том, что материнский труд надо деньгами оплачивать, как любой другой; я считаю, что этот труд оплачивается только любовью детей. И при всем этом чувствую, что просто так жить с детьми, так сказать, традиционно, как все, мне неинтересно. Жизнь ребят, наблюдения за ними стали для меня как бы своеобразным полигоном для размышлений, тренажером в новой области применения моих умственных и иных способностей. Неудовлетворенная, неосуществившаяся профессионально, я переключилась на детей. Я даже где-то в статье написала (не подозревая, в чем признаюсь!), что «моя аспирантура, мое хобби — дети». Как это объ-

яснить точнее, что в этом-то и заключалось уродство: получалось, что не ради детей, их действительного благополучия возилась я со всеми этими новшествами, а ради удовлетворения все той же своей уродливой потребности «не как у всех». Первые фотографии Алеши на снегу и все прочие фото- и кинофиксации наших и ребячьих достижений для тебя были просто документами, доказывающими что-то (ты так и говорил: «Жаль, уйдет все — ничего не докажешь»), а для меня это было средством сделать своих детей (и себя) бессмертными.

Очень отчетливо помню, как меня мучила мысль, наверное, понятная любой матери: неужели моим ребятам предстоит умереть, невозможно было с этим примириться. Предложение о киносъемках (первых) обрадовало именно возможностью обессмертить детей. Это-то еще простительно, по-человечески понятно. Но второй фильм с его показушностью и тенденциозностью тогда-то не покоробил! Мы сами сочиняли и произносили закадровый текст — как он бессовестно хвастлив; с каким самодовольством я произношу там: «Что ж, мы покажем вам сейчас нашу маленькую семейную ЛАБОРАТОРИЮ (!!!)». Сейчас слушаю — провалиться бы! А тогда я воспринимала как должное право вот так вальяжно поучать людей, я чувствовала, что это я заслужила, заработала, отчасти ради этого и старалась. И в голову не пришло, как подействовала вся эта показуха на ребят. Помнишь, братья у турников что-то мудреное считают (вроде бы). Сейчас-то вижу: Алешку аж корежит это действо, а тогда-то не видела! Вот когда проявилось мое предательство, т. е. подчинение интересов ребят, их судьбы, их характеров каким-то моим престижным соображениям, удовлетворению моих притязаний на успех.

А дальше пошли выступления, статьи, книги — все это, конечно, на пользу обществу и людям. Это со всех сторон подогревалось и подогревается всеми нашими доброжелателями (из благих намерений, разумеется) и опять-таки за счет ребячьего благополучия не в смысле спокойствия, а в смысле судьбы (вспомни хотя бы заброшенность их в школе). В сущности, я удовлетво-

ряла свои эгоистические потребности и гордилась: вот, мол, меня и в «Комсомолке» печатают, мое почти не правят, не редактируют.

Я тогда тешила себя (искренне думала так), что мои журналистские успехи послужат предметом гордости для ребят. Да так оно отчасти и было. Но ведь я выдавала (и продавала тем самым) ИХ жизнь, получая взамен славу мудрой матери и талантливой журналистки. Господи боже мой, да куда же от этого денешься-то! Ведь и с телевидением такая же история. Правда, и своей чести, могу сказать, что это противоречие давно мучило меня. Не понимала, куда качусь.

Теперь мне остается только остановить поезд над пропастью. Я это сделаю, теперь меня никто не собьет. Все.

5 часов 30 минут утра

То, что вы прочитали сейчас, было написано за две ночи и перевернуло мою жизнь: я отучилась врать раз и навсегда самой себе. С другими я еще продолжала играть роль (бывает это и сейчас — долг и труден путь внутреннего освобождения), но в себя начала смотреть без страха, без прежних самооправдания и самолюбования, без лжи. Насколько же легче стало дышать, как распрямилась душа! Стало жить не легче, но свободнее — ощущение драгоценное. После него назад дороги нет.

Когда я решилась на публикацию моей исповеди, я не переделывала ее, убрала только сугубо личные моменты и чужие фамилии. Теперь-то, спустя 10 лет, конечно, вижу и свою несправедливость, резкость по отношению к «спасателям» человечества, и некоторый перебор в критике самой себя, и категоричность в суждениях о предательстве матери. Тем не менее ни от одного слова не откажусь: тогда я чувствовала себя именно так.

Однако жизнь продолжалась и жестко держала меня в условиях игры, которые я когда-то приняла. Ох и нелегко оказалось освободиться от множества накопленных внешних несвобод. Однажды, когда никак не клеилась очередная книжка по заказу, стало невозможно

...выпилось на бу
в котором я, пыта
раздалась уже... сам
решилась искать от
дынная душа сдела

Долги наши...

Что за участь
должно, которое
человек. Все время
сейчас опутана и
свободна. Ни в че
и т. (причем КА
тежных процеду
в субсидий, ибо
лет), я шалею от
кстати, лечь, ес
читать, думать —
состояние по гл
душу, что это
опять буду дол
от внучек и кон
мущают, что я
участвовать, пр
зачу! Почти не
рассказать? Заяв
треть века наз
не знает да и
днее, когда я
внешнего, г
и так нело
растрепаннос
Сижу на ст
истому что в
то новой мод
раны тошно,
издо, в сам
и-тиса в
и-тиса в

и... вылилось на бумагу новое исповедальное письмо, в котором я, пытаюсь разобраться в своих цепях, обращаюсь уже... сама к себе. Четыре года назад я бы не решилась искать опору в себе. А тут моя неостребованная душа сделала еще шаг себе навстречу.

Октябрь 1986 г.

Долги наши...

Что за участь у меня: всю жизнь делать то, что должно, которое далеко не всегда совпадает с «хочется». Все время принуждаю себя, залезаю в долги и сейчас опутана ими, как муха в паутине. Я ни в чем не свободна. Ни в чем! Когда я оказываюсь в Малеевке или у Т. (причем КАК оказываюсь: после довольно унижительных процедур отпрашивания, утрясания, договоров и субсидий, ибо собственных денег у меня ни на что нет), я шалею от одного того, что я могу когда угодно встать, лечь, есть, куда хочу идти, сколько угодно читать, думать — просто быть самой собой. Я пью это состояние по глотку, смакую его, и отравляет только душу, что это все скоро, скоро, скоро кончится, и я опять буду должна, должна, должна — всем, начиная от внушек и кончая человечеством. Мне со всех сторон внушают, что я обязана («кто, если не ты» и пр.) писать, участвовать, принимать, консультировать и т. д. А я не хочу! Почти не могу уже. Но как это объяснить?! Чем доказать? Заявки были сделаны, векселя выданы четверть века назад. Плати! А я банкрот, хотя никто этого не знает да и знать не хочет. Что делается у меня на душе, когда я сижу на каких-нибудь заседаниях вроде вчерашнего, представить кому-нибудь невозможно, а мне так неловко и за свою внешнюю и внутреннюю растрепанность.

Сижу на стуле и стесняюсь снять с колен свою сумку, потому что вся на виду и руки некуда девать — столик по новой моде где-то у колен. Смотреть на себя со стороны тошно, хотя я сижу с умным видом, как будто так и надо, а сама почти безразлична ко всему, о чем говорится в моем присутствии. На нас с Борисом смотрят как на корифеев, каждому слову внимают как откоро-

вению. Борис свое дело знает — говорит как по писанному, и все с азартом и вдохновением. А мне то рассмеяться хочется, то расплакаться от несоответствия ожидаемого от меня с тем, что у меня есть за душой на самом деле. А на самом деле растерянный, неприкаянный человек, мечтающий только об одном: оставьте меня, дайте мне пожить безотчетно, так, как хочется, никому не быть обязанной против моей совести. Свои нравственные долги я знаю, и они мне не в тягость. Но почему я должна делать то, с чем не согласна душа, с чем я не в гаду? Я не могу логически доказать все это, т. е. объяснить словами, но я не могу и носить все это в себе.

Когда мы шли к метро после заседания, я сказала Борису, что я в последнее время все больше теряюсь, мечусь, состояние растерянности и потерянности растет во мне, растет и неудовлетворенность собой, своей несостоятельностью во многом. А он очень весело ответил: «А у меня наоборот! Я все больше и больше уверен в своем деле, в своих находках, в том, что это нужно людям!» Я в первый момент даже обрадовалась: «Ты у меня молодец, позавидуешь тебе». А потом, когда мы разошлись в метро, я вдруг почувствовала такое одиночество: ведь у него (как почти всегда) даже мало-мальской тревоги не возникло из-за того, что рядом человеку плохо, никакого желания узнать, вникнуть, помочь разобраться. Сиди Ленка, со своей «черной стороной», как он называет все мои сомнения и несогласия, и не суйся с ней, не отравляй существование.

Сколько же будет повторяться эта история: пока ты помощница, обеспечиваешь потребности и не фордыбачишь (как в солдафонском анекдоте об идеальной жене: «проста в управлении и безотказна в работе») — ты хороша и даже, в общем-то, любима. Когда же ты проявляешь самостоятельные хотения и желания, а в особенности духовные и душевные потребности, ты вызываешь недоумение и осуждение, сопротивление и неумению принять в себя душу другого человека. Недавно слушала «Крейцерову сонату» по радио. Снова поразила психологическому проникновению Толсто-

го в глубь человеческой души. Ведь понял же муж, когда убил, что он сделал это гораздо раньше, чем физически убил ее, сделал это, отказав жене в человеческой свободе отношений и проявлений. А в жизни у Толстого то же самое происходило с собственной женой и окончилось тоже трагедией. Да неужели мы, все нынешние мужчины и женщины, еще долго обречены на такое вот «взаимопонимание»? Ведь сил нет выносить это. И самое ужасное, что в этой бесконечной борьбе, противостоянии, нелюбви находятся дети, внуки, вообще дети, которым этот холод душевный, как подвал для растений: тянутся бледные, с голыми глазами, растут дичками, непонятными и нежелающими понять, отстаивающими себя, так и не научившимися любить, т. е. отдавать себя.

Ой как худо мне. Я и в самом деле не знаю, как быть. Все, что я написала и (о, стыд!) читала дома, невероятно плохо и никому не нужно. Я не преувеличиваю, я это знаю! Я, когда писала, мучилась, потеряла ориентир совершенно. А когда прочла, вернее, вслух читала всем, я почувствовала такую пустоту внутри, поняла, что это так плохо, что мне об этом даже сказать никто не сможет. А лучше бы сказали! Впрочем, не знаю, как лучше.

Боже мой, мне создали все условия для этого ненужного дела. Зачем? А дома разор, неухоженность его после перерыва бросается в глаза. Когда живешь, к этому привыкаешь. А вот после перерыва приедешь и делается так больно: неустроенность, неприбранность, какое-то запустение. И неприкаянные ребята.

Для чего я все это пишу? Шут его знает. Ну хоть кому-то, может быть, интересно будет знать, что я на самом деле испытываю в жизни. Не могу все это носить в себе, а человека, которому я могла бы сказать об этом, нет. Я даже хотела завести такую исповедальную тетрадь «Другу, которого нет», чтобы плакаться в ней самой себе.

Честно: когда-то меня приятно щекотало все, что связано с популярностью и известностью. Сейчас меня то же самое угнетает и отталкивает, заставляет внут-

ренне содрогаться от отвращения от этих уважительных взглядов, подобострастия не по делу, а по имени. «А-а, это те самые, которые...» От тебя ждут мудрости и знания, жизнерадостности, уверенности, доброты и вообще всех мыслимых и немыслимых добродетелей. А ты пыжься, изображай, не подведи ожидания. Тыфу!

Мне как-то Юлька сказала:

— А зачем? Будь сама собой! Почему нельзя быть собой? Маразм какой-то!

Маразм, верно! Но как из этого выбраться? Вот предстоит последнее воскресенье месяца. Зачем идут люди — ясно. Если мне быть самой собой, я должна бы выйти перед всеми и сказать:

— Товарищи дорогие! Вот вам книжки, игры и т. д. Смотрите все сами. Я же ничего, кроме путаницы и неразберихи, в ваши головы сейчас не внесу.

Вот уже лет 6—7 у меня происходит очень серьезная переоценка или, скорее, осмысление всего, что с нами, с нашей семьей произошло и происходит. Я от этой внутренней работы крайне устала, поскольку валяюсь в собственном соку и ничем еще не готова делиться с людьми. Думаю, что и никогда готова не буду — так я сейчас это ощущаю, не знаю, как будет дальше. Не обессудьте, если даже на вопросы я отвечаю только на самые простые...

Хотя, что я. Это-то я сказать смогу, но я обязана скрыть, что при этом я испытываю почти отвращение к самой встрече, к ним, к вопросам, которые зададут, к наглядным пособиям, которые я разложу на столе, к собственным книгам на всех языках. Как я скажу об этом? И зачем?

Но я же испытываю это! Дохожу до какой-то тяжелой глухой апатии ко всему, даже к самой жизни. Как с этим-то жить? И выступать.

Я пыталась разобраться в причинах моей мерехлониции, может, что-то и поняла, но легче от этого не стало: я же не имею права разорвать паутину, опутавшую меня!

Иногда, в минуты более или менее светлые, когда думаешь: ничего еще, подождем топиться, рассуждаешь так: ну чего ты мечешься, посмотри, как люди

живут, сколько подлинного горя вокруг, сколько, например, у нас хорошего, счастливого, доброго и в семье, и между нами с Борисом — с жиру бесишься, хочешь невозможного и т. д. и т. п. И упрекаю себя, и понимаю, что все так, а душа все равно рвется на части, и усталость такая, что никак не получается распрямиться, вздохнуть полной грудью — освободиться, я уж не говорю вполне, а хоть немножко.

Вот попробую хотя бы определить все свои веревки — путы — долги.

Есть долги, против которых совесть не протестует, жертвой себя не чувствуешь, но времени и сил они, конечно, требуют (тут ощущается просто, без натяга — надо, как пить, есть, работать и т. д.). Какие это?

По отношению к родителям: уход за мамой, тетей Шурой и т. д., жизнь с ними в одном доме. К детям: помощь всем, чем могу, кроме, пожалуй, денежной помощи (тут не знаю, да и не приходится решать; поскольку все равно у меня денег нет). Здесь, конечно, уходит много времени, потому что детей-то много. Тут физическая усталость неизбежна, потому что своего личного времени почти не остается: так было, начиная с первого ребенка и до конца, наверное. Но тут еще можно, осознав, выцарапать это личное время, что я сейчас и делаю, уезжая в Гусь Железный, к Т., в Астрахань, в Малеевку и т. д., чтобы просто отдохнуть, отоспаться, начитаться и т. д., т. е. немного поделать, что хочется. Здесь трудность в том, что, для того чтобы выцарапать, необходимо согласовать много концов — от денежных до временных. Это бывает и унижительно иногда. Но все это вполне терпимо. Оно оправдано большим количеством народа, живущего вместе, и общей взаимосвязанностью, куда денешься. Тут, видимо, нужно изобретать, находить какие-то новые формы связи, зависимости, более гибкие, менее традиционные (кондовые), но ведь это тоже требует своего времени и сил.

По качеству, сути своей эта работа по мне, тут даже совпадают долг и желание, интерес — охота этим заниматься. Но количество для меня, видно, оказа-

лось запредельным. Я давно почувствовала (особенно когда появились зятья и невестки), что все как бы расползается у меня под руками. И дело тут не в управлении и власти (дескать, не все по-твоему выходит, как упрекнул бы меня Борис), не в желании подчинить и даже не в желании все знать или держать руку на пульсе. Нет, тут было и остается желание, потребность сделать жизнь в доме максимально доброй, ласковой, свободной, уютной — притягательной для всех живущих. И вот это мне оказалось не очень под силу. Я не знаю, как, не знала и раньше. Все приходится делать на ощупь.

Первые трещины появились (скорее, не трещины, поскольку монолита никогда не было, а препятствия к консолидации), когда у нас в семье возникла, поселилась первая нелюбовь — дедушка. Под Нелюбовью я подразумеваю нечто чужеродное, не обязательно неприятное, враждебное и т. д., а просто чужое, не свое, холодновато-постороннее, со взглядом не изнутри семьи, а как бы со стороны, больше наблюдателя, чем участника. Помню отчетливо, как сразу многое усложнилось в нашем доме. Я не виню здесь никого, просто характеры разные: с этим дедушкой эта семья оказалась плохо совместимой. Все было в пределах внешней вежливости и благопристойности, хотя ребята по своей открытости и бесцеремонности все же взрывали эту оболочку и проявляли свои чувства. А чувства-то были далекие от расположения и приязни. Мы терпели это сочетание. И как же разрушительно оно подействовало и на наши внутренние связи в нашей собственной семье.

Дальше появлялись новые Нелюбови — бабушки, нуждающиеся в заботе и любви, как и все люди на свете, но не могущие принять нас такими, какие мы были и есть, и полюбить нас. Та же позиция стороннего наблюдателя, да еще и неодобряющего, осуждающего, к тому же вынужденного подчиняться чужому монастырю. Снова терпение и разрушение. Я чувствовала это остро, я впадала в отчаяние, не зная, как быть, а в доме становилось все напряженнее и холоднее.

Потом по
приглашали ж
мат — Нелюб
дом. И вот ве
дом, инородн
жизнь! Я прост
наладить норм
предпринять ч
ная себя, раза
поры, которые
соединить), и
Но все это
это несоглас
принимаю ее
лчий, лишней
ство для мен
ей Нелюбовью
их столько!
Теперь о сло
Итого была ко
ча и идеи его,
еда многое кор
но в чем-т
тазалась от ка
тебностей. Глав
жжется ЭСТЕТИ
туры — они по
голу постоянно
известно скажу:
силу равноду
и вторых, все
тяжело дост
идами, вечное,
НАС и ИХ, у к
мои традици
родственные
Бориса на

Потом пошли наши «эксперименты» — когда мы приглашали жить с нами подолгу родных и знакомых — Нелюбови эти просто одолели, пронизали наш дом. И вот ведь: люди-то все хорошие, но чужие, не свои, инородные. Как же все это усложнило нашу жизнь! Я просто изнемогла и от невозможности как-то наладить нормальную жизнь в семье, и от бессилия предпринять что-то решительное (хотя пришлось, ломая себя, раза три все-таки решаться на крупные разговоры, которые могли что-то остановить, но никогда соединить), и от того, что в одиночку все решала.

Но все это я не воспринимаю как неволю, как что-то несогласное с моей совестью. В этом — жизнь, я принимаю ее, я не боюсь этих сложностей отношений, лишней работы и т. д. Тут другое: опять количество для меня тоже оказалось запредельно. С одной Нелюбовью я и то не справилась толком, а когда их столько!

Теперь о сложностях наших отношений с Борисом. Я готова была ко второй роли в семье, я легко восприняла и идеи его, и практику жизни (хотя с самого начала многое коробило меня на эмоциональном уровне), но в чем-то я подчинилась, зажалась, вернее, отказалась от каких-то своих внутренних глубоких потребностей. Главные из них две: во-первых, все, что касается ЭСТЕТИКИ, искусства, художественной литературы — они почти изгнаны были из нашей жизни и в силу постоянной перегрузки обязательными делами (я честно скажу: не понимаю, как нас на все хватило), и в силу равнодушия к этой стороне жизни у Бориса. А во-вторых, все, что касается ОБЩЕНИЯ с людьми: мне тяжело доставалась постоянная конфронтация с людьми, вечное, подчас нарочитое, противопоставление НАС и ИХ, у которых все не так, которые не правы.

Мои традиционные установки на добрососедские и родственные отношения постоянно подвергались испытанию на прочность. Я, конечно, принимала сторону Бориса, но при этом что-то теряла, рвала связи с близкими, которые тоже, в общем-то, не скупилась на осуждения, упреки, прогнозы. Даже если не высказывались сразу и вслух, зато в «том» доме мы бы-

ли основательной притчей во языцех, и я никогда не могла рассчитывать на то, что меня там поймут и мне помогут. Там довольствовались информацией, поступающей от предвзятых окружающих, и долго сохраняли к нам снисходительно-осуждающе-постороннее отношение. Постороннее — вот что меня больше всего режет без ножа. С мамой мы никогда не были душевно близки. Подруг очень близких не было. Родня осталась в стороне, т. е., вернее, я отошла от них всех, по уши влезшая в свою новую жизнь. Вот и получилась я одна со своими внутренними переживаниями, поскольку Борису было всегда не до них. А я поначалу и в претензии не была, и сама считала, что мы заняты Большим Делом, а личное должно быть подчинено общественному — это нам вбили с детства — безотносительно к какому общественному.

Потом пошли знакомые и посетители. Я опять-таки восприняла сначала это как норму — у меня и в отчем доме двери не закрывались от гостей и знакомых. Но там я привыкла к дружеским связям и к ограниченному, хотя и большому, кругу лиц. Здесь же сразу мы были поставлены в условия полуучрежденческие: приходили не для общения и поддержания дружеских связей, а для получения информации: поглядеть, послушать, пощупать, а потом и записать, и сфотографировать, и описать это где-то и т. д. Даже если посетители были чем-то неприятны (редко, но было это), я не имела права не впускать их в дом.

Сначала это меня возбуждало и даже нравилось (тщеславная отличническая натура брала свое, она мне много перекорежила в жизни), потом постепенно превратилось в своеобразную тягостную обязанность, которая воспринималась опять-таки как долг перед людьми, то самое общественное, во имя которого личное должно в тебе и не пищать и не высываться. Но оно же оставалось!

Каждое посещение «гостей» (а их прибавлялось и прибавлялось, фактически дня не проходило, чтобы кто-нибудь не был) было хоть маленьким, но испытанием для меня: моей стеснительности (заставали лю-ди, в чем есть и как есть); моей выдержки (каков ни

будь настроение — улыбайся, будь гостеприимной);
моей памяти (калейдоскоп лиц угнетал меня); моей
выносливости и, наконец, моей свободы — я все боль-
ше становилась обязанной принимать, показывать,
отвечать на письма, а потом и выступать, сниматься.
Потом фильмы, ТВ, газеты и т. д.

И все это накладывалось на нелегкую, в общем-то,
бытовую жизнь, на сложные внутрисемейные отноше-
ния. Конечно, с одной стороны, на миру и смерть
красна, но с другой стороны, жизнь-то на миру еще
никто красной не называл.

Когда нас затянуло под колесо общественной на-
добности и поплыли на нас не только хулы, но и вос-
торги да благодарности, волей-неволей мы еще боль-
ше уверовали в крайнюю необходимость нашей дея-
тельности. Борис укрепляется в этой вере до сих пор.
А меня, кроме обычной выматывающей усталости
(ведь без выходных и отпусков десятилетия), начали
одолевать и кое-какие сомнения. Сейчас я не могу
остановиться на них (хотя если бы Борис читал эти
строчки, он бы сказал: «Ну вот, раз нет примера хоть
одного, значит, ты все выдумываешь, записывай»),
но они накапливались, превращались в возражения.
А времени у нас на личные разговоры почти не оста-
валось, к тому же я, видимо, не находила верного тона
или подходящего к случаю разговора. Все мои попыт-
ки рассказать Борису о личном разбивались об отсут-
ствие интереса ко всему, что касается моих пережи-
ваний (он просто начинал зевать, иногда в самый па-
тетический момент). Даже моя «малеевская испо-
ведь» не нашла продолжения в разговоре и удосто-
илась лишь одним замечанием на полях. Раздражало
меня и стремление Бориса фиксировать споры (сте-
нография, магнитофон и пр.), которое убивает вся-
кое желание исповедоваться: что за исповедь у микро-
фона?! Но Борис воспринимал это так: раз не хочешь
записать, значит, дело нечисто: я, мол, не боюсь за-
писывать и записываю!

Сколько раз я пыталась доказать очевидное для
меня, что «мысль изреченная есть ложь», а записан-
ная — вдвойне, если даже она записана под диктов-

ку, что общение близких людей не выдерживает протоколирования и т. д. Ничего не доказала. Добилась только того, что после нескольких крупных разговоров мы просто перестали выяснять отношения. Говорят, что сие к лучшему, но мне не стало от этого легче: итог оказался плачевен — та самая апатия, в которую я ввалилась еще до болезни матушки. Видимо, мозг сработал так во спасение. Ощущение было, конечно, тягостным, в особенности еще потому, что я прекрасно понимала, что дом, его благополучие, его климат в очень многом зависит от меня. А я просто выдохлась, до того, что сама жизнь мне показалась ненужной. Это было такое непривычное (чудовищное!) ощущение, что я впала в своеобразную панику: как же я такая буду с детьми, с людьми. Наревевшись в очередной раз (поводом мог быть какой-нибудь пустяк), обессиленная физически до невозможности встать, я врала что-то о том, что мне надо выспаться, плохо себя чувствую, а сама лежала два-три часа без сна и думала, думала, думала. Возможно, приди в этот момент Борис, сядь на кровать, скажи: «Что с тобой, расскажи, я постараюсь понять...», я бы много могла сказать ему и многое показалось бы не столь уж страшным. Но он приходил с таким приблизительно вопросом: «Тебе что-нибудь принести?» или «Давай пульс, давление померяем» и т. д.

Здесь надо добавить, что во время маминой болезни (весь год, пока она лежала в постели) я, отодвинув все «общественные» дела и занявшись только «личным», многое осмыслила и поняла, многое перед лицом смерти мне показалось в истинном своем свете суеты и ненужности по большому счету. Умерли бабушки — и вот снова о долгах.

Сегодня я, вместо того чтобы писать «по заказу», отвела душу. А то думала, что лопну от всех этих (а сколько еще!) мыслей. Хоть выговорилась, а решать — как? Итак, о цепях нравственных я сказала, о сомнительных — попыталась.

А еще буквальные цепи — долги: поездка в Т. книга в «Знание» (убийственно не идет); встречи-беседы (и в доме и

не его); встреча
и негзя); буд
тралке); дене
платать).
КАК РАЗО
СВОБОДА?

III. ПИСЬМО К
БРОСЛОМУ

Прошло еще
и перестрое
и становится
хоть что-то
суетливом суде
куда-то без
иногда ст
иногда, ино
уже до боли,
и водитесь, не
очередь и д
верга в сча
дурацкой, не
внутренней, сво
идет в
на глав
не
к тому добро
пересмотрю
на всем
считак
иногда по

вне его); встреча с Б. (хоть бы провалиться на это время, а нельзя); будущие альянсы с ТВ (я там явно не в своей тарелке); денежные долги (250 руб.) (не умею хозяйничать).

КАК РАЗОБРАТЬСЯ, ГДЕ ОПРАВДАНА МОЯ НЕ-
СВОБОДА?

III. ПИСЬМО КАЖДОМУ ВЗРОСЛОМУ

Воспитание как заговор взрослых. Разными обманами, в которые мы сами, правда, в другом смысле, верим, мы увлекаем играющих на свободе детей в наш тесный дом.

Ф. К а ф к а. Дневники

Прошло еще четыре года... Шальные ветры перемен и перестроек со всех сторон. И общественная жизнь становится все запутанней и бестолковее. Пытаюсь хоть что-то понять, разобраться — все тонет в суетливом судорожном потоке жизни, которая несется куда-то без руля и без ветрил. Опасное, тревожное, иногда страшное время, которое многих кусает уже до боли, до крови, до смерти.

Как водится, невозможно представить, что может дойти очередь и до нашего дома. Неистребимая дурацкая вера в счастливое будущее. Дурацкая? Но без нее, дурацкой, невозможно было бы жить, в том числе и внутренней, своей, жизнью. А она-то у меня, как ни странно, не идет вразнос, а наоборот, как бы сосредоточивается на главном, отсекает шелуху, возвращает меня к тому доброму, вечному, которое несомненно и пересмотру не подлежит. Прямо по Петrarке: «...ничего на себя не беру, ничего не утверждаю, сомневаюсь во всем и каждом, кроме вещей, в которых сомневаться считаю кощунством» (Старческие письма).

Иногда по-прежнему накатывает усталость — немудрено в такой круговерти. Бывает и апатия — все от той же невозможности объять необъятное и соединить несоединимое. Но теперь это не рвет душу на час-

ти: видишь глубже, выбираешь спокойнее и многие невзгоды воспринимаешь как вполне терпимые неприятности. В общем, я почувствовала, кажется, прелесть возраста «не бурь, а размышлений».

Вполне возможно, что вошла бы моя жизнь теперь в спокойное русло, даже обеспеченность замаячила (гонорары за книги). Однако стало с некоторых пор сильно «припекать» — я почувствовала опасность, да еще какую!

Все началось с того, что на меня вновь надели общественный хомут — выбрали в Центральный совет творческого союза учителей. И вот заседания, комиссии, конференции, поездки. И везде от меня ждут какого-то толка. Я участвую во всем этом без особой охоты, но стараюсь не подводить: вникаю, обсуждаю, выступаю и т. д. И через некоторое время чувствую: батюшки, да мне на всех этих действиях приятнее, чем дома. Как-то после очередного выступления в большой аудитории у меня заботливо спросили: «Столько было встреч, вы, наверное, устали?» А мне стало смешно: от этого да устать? От эйфории взаимной симпатии и уважения, атмосферы значительности происходящего? Да это все только бодрит!

А возвращаясь домой — обступают совсем другие дела и люди, среди которых ты обыкновенный человек, и я быстро выдыхаюсь, снижаю, даже болею.

Что же это? Ведь меня не так уж давно очень мучила необходимость общаться с чужими людьми, а теперь мне трудно с родными дома: сложно с ребятами, с внуками, с хозяйством, у меня нет сил заниматься всей этой — зависящей от меня! — жизнью. Опять получается шиворот-навыворот!

Раньше мы жили и об этом рассказывали и писали, а теперь рассказываем и пишем, не успевая жить и теряя вкус к жизни как таковой. Фактически поменяли трудное и безусловно важное на куда более легкое и не столь уж нужное, зато приятное. Лучше бы продолжать жить и попытаться осмыслить и обобщить нажитое, наработанное, ведь никто за нас это не сделает. Неужели нам это не светит? Неужели не смогу снова повернуть себя к жизни лицом?

И я принялась подвергать себя пересмотру. Ну-ка, вспомни, говорила я себе, когда ты чему-нибудь учила внучек: например, шить, вышивать, пироги печь? И когда ты с ними последний раз вместе рисовала, играла, сочиняла сказки? Куда ушли наши домашние концерты и веселые детские праздники? Да знаешь ли ты, как дела у ребят в школе?.. Эх, бабушка, бабушка, как часто тебе некогда просто выслушать малышей, а уж вникнуть в их кипучую изобретательность и сложнейшие переживания и вовсе невозможно. Что уж говорить о старших! Скажешь, некогда? Отговорочка! Находится же время на какие-то пошлые радиопередачи, телевизионные парламентские марафоны, газетное чтиво. Да ведь как это втягивает, ни к чему не обязывая, забивая голову чепухой.

Вспомнила я давнишний разговор с Ваней, ох и удивил он меня тогда:

— А чтение тоже может быть наркотиком, да еще каким — самым коварным. Как же, читать полезно, приобщение к культуре и т. д., а на самом деле навалом непереваренной поверхностной информации — и все без толку, одна трата времени...

И вот теперь я сама на себе испытала этот наркотик. Без ежедневных доз информации уже чего-то не хватает, а ведь никаких усилий они не требуют и никуда не продвигают. К ним относишься как к продолжающемуся детективу, когда ты не участник событий, а посторонний зритель. И переживания какие-то зрительские: будоражащие, но неглубокие, не требующие поиска, напряжения. Может быть, это и способ защититься от жизни. Стоп, опять самооправдание! Давай разбираться всерьез: что на что меняешь?

Пишу все это, а дом бурлит своей жизнью, иногда прибегают внучка и прижимается к моему плечу лицом: «Бабушка, а ты скоро кончишь? Я жду-жду... а тебя нет и нет...»

И вот в разгар грустных моих размышлений попала в руки мне маленькая книжечка... Да нет, не просто попала, а специально вложила мне ее в сумку перед какой-то очередной дальней поездкой дочка. И как

это она угадала, что мне дать на дорожку! А она и не угадывала — знала.

Помню, я открыла книжку с некоторым недоумением: Ф. Кафка, «Из дневников». Зачем мне какой-то Кафка? Я о нем ничего не знала, кроме фамилии. Мне стыдно в этом признаться, хотя мое высшее литературное образование позволяет не знать почти всю современную зарубежную литературу, ибо «это мы не проходили, это нам не задавали...» Ну ладно, Кафка так Кафка, все равно больше читать было нечего, и я полистала книжку, читая наугад, где придется — старая библиотечная привычка, помогающая мне быстро определить мой интерес к книге. Фразы застревали в мозгу, стесняли сердце...

«Я часто думаю об этом и каждый раз прихожу к выводу, что мое воспитание во многом очень повредило мне. Этот упрек относится ко множеству людей...» (с. 12); «...в самих семейных чувствах мне раскрылся весь холод нашего мира, я должен согреть его пламенем, на поиск которого я еще только собирался отправиться» (с. 19).

«...Она уверена, что я высокий, здоровый господин в прекрасном возрасте, двадцати восьми лет, охотно вспоминаю свою юность и вообще знаю, что с собой делать. А я лежу здесь на диване, одним пинком вышвырнутый из мира... мои суставы болят от усталости, мое худое тело изматывает дрожь волнений...» (с. 43).

«...Я сказал лишь несколько слов, но при этом впервые отчетливо понял, какое неверное и наивное представление имеет обо мне мать. Она считает меня здоровым молодым человеком, который страдает оттого, что вообразил себя больным» (с. 49).

Как грустно все это. Что это за странные суждения о нем близких людей и его о близких людях? А вот и портрет: добрая улыбка, ясный, открытый взгляд, в нем нет даже печали. И тот же человек почти двадцать лет спустя: те же глаза, но сколько в них какой-то затравленности и муки. «Дай покой моим ночам — детская жалоба».

И среди многих безысходных записей вдруг такое: «Бесконечное, глубокое, теплое, спасительное счастье — сидеть возле колыбели своего ребенка, напротив матери» (с. 175) — счастье, которого он так никогда и не изведal. Это я узнала уже потом, когда прочитала все.

Как несправедлива была судьба к этому человеку! Нет, не судьба, а люди — вот что ужаснее всего — люди, от которых зависела его жизнь.

И главный человек, искореживший его детство, его Начало, был... любивший его отец! Драма, разыгравшаяся между этими двумя людьми, продолжалась всю жизнь — какой же это урок всем нам, взрослым, в руках которых находятся судьбы наших детей!

«Письмо отцу», которое взрослый сын написал за несколько лет до своей ранней смерти, я прочитала не отрываясь, а потом перечитала еще и еще, с каждым разом все больше принимая сказанное в нем и на свой счет, хотя, казалось бы, что может быть общего между мной и самоуверенным коммерсантом, умершим, когда мне и года не было. Во вступительной статье это «Письмо отцу» названо знаменитым, а я о нем даже и не слыхала — «спасибо» высшему, педагогическому. Сколько же еще такого не читано, не осмыслено, не прожито? Хотя что я! Такого — по беззащитной откровенности, страстному желанию понять и быть понятым, прорваться к душе другого человека — такого я вообще больше нигде не встречала. И ужаснулась тому, что тот, кому оно адресовано, его... не получил: Кафка послал это письмо матери с просьбой, чтобы она сама передала его отцу, но мать не сделала этого, а вернула письмо сыну «с несколькими успокаивающими словами». Действительно, «...какое неверное и наивное представление имеет обо мне мать» (с. 49). «Письмо отцу» было написано восемь лет спустя после этой дневниковой записи, и никакого продвижения, по-прежнему никакого понимания: мать, вечно стремясь к сглаживанию отношений и умиротворению (благое намерение!), разъединяет сына и отца, по-видимому, уже навсегда.

Поначалу неловко и больно было читать это пись-

мо-исповедь, ведь не мне оно предназначено, такое личное, такое обнаженное. Но чем дальше, тем острее чувствовала: оно обращено и ко мне, и вообще к любой матери, к любому отцу, потому что заставляет пережить горечь непонимания и понять его страшное разрушительное свойство — ИСКАЖАТЬ ПУТЬ начинающего жить человека.

Пересказать этот потрясающий человеческий документ невозможно, представить в отрывках — ущербно, комментировать по ходу — кощунственно. В книге оно приведено полностью, и его надо, НАДО читать целиком с начала и до конца, и пережить и передумать, и помучиться над ним, как над письмом собственного сына.

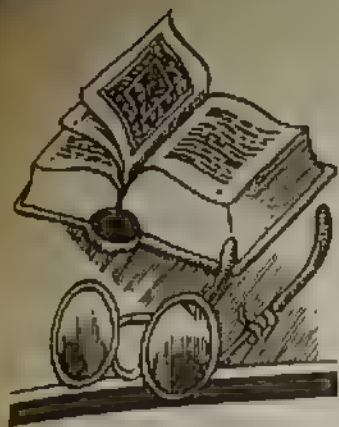
Это непростое чтение, дорогой мой читатель, это тяжелый труд, который облагораживает и закаляет душу, помогает держаться и выстоять в жизни — той самой, которая стоит сейчас у порога нашего общего дома и куда мы ведем наших детей. Прежде чем вы войдете в эту распахнутую перед вами жизнь, я прошу остановиться у порога и проникнуться мыслью, которая звучит в самом начале: «Ты совершенно не повинен в нашем отчуждении. Но так же совершенно не повинен в нем и я».

Казалось бы, нормальная человеческая позиция: не винить, не каяться, а просто разобраться и помочь друг другу преодолеть отчуждение, взаимную неприязнь. Но многие ли из нас готовы к этой нормальной внутренней работе? Охотнее всего мы виним других, редко чувствуем вину сами и почти никогда не берем на себя огромный труд постижения души другого человека, чтобы понять и принять его таким, каков он есть. Сын, который имел столько оснований и обижаться и обвинять, не хочет даже упрекнуть отца за изуродованную жизнь. Он хочет объяснить ему свою старайся понять, отец! — так и слышится в каждой фразе, в каждой новой и новой попытке достучаться до отцовского сердца и до нашего с вами сердца, читатель. Постараемся же услышать в этой мольбе о помощи голос своего ребенка.

дорогой отец,
Ты недавно
боюсь Тебя
зажить, отчаст
сти потому, ч
ется слишком
до привести
хоть ответить Т
лишь очень
тешу, мне ме
тил и потому ч
сидит возможно
тебе дело во
крайней мере
бора — мно
мерно так; я
жертвовал д
я и жил пр
той изучать чт
нии, а значи
не благодарн
ности детей
понимания и
прятался от
масбродные
говорил с Тоб
ранценсба
да не

ПРИЛОЖЕНИЕ 1

Франц Кафка ПИСЬМО ОТЦУ

Дорогой отец,

Ты недавно спросил меня, почему я утверждаю, что боюсь Тебя. Как обычно, я ничего не смог Тебе ответить, отчасти именно из страха перед Тобой, отчасти потому, что для объяснения этого страха требуется слишком много подробностей, чтобы можно было привести их в разговоре. И если я сейчас пытаюсь ответить Тебе письменно, то ответ все равно будет лишь очень неполным, потому что и тогда, когда я пишу, мне мешает страх перед Тобой и его последствия и потому что объем материала намного превосходит возможности моей памяти и моего рассудка.

Тебе дело всегда представлялось очень простым, по крайней мере так Ты говорил об этом мне и — без разбора — многим другим. Тебе все представлялось примерно так; всю свою жизнь Ты тяжело трудился, все жертвовал детям, и прежде всего мне, благодаря чему я «жил припеваючи», располагал полной свободой изучать что хотел, не имел никаких забот о пропитании, а значит, и вообще забот; Ты требовал за это не благодарности — Ты хорошо знаешь цену «благодарности детей», — но по крайней мере хоть признака понимания и сочувствия; вместо этого я с давних пор прятался от Тебя — в свою комнату, в книги, в сумасбродные идеи, у полоумных друзей; я никогда не говорил с Тобой откровенно, в храм к Тебе не ходил, в Франценсбаде никогда Тебя не навещал и вообще никогда не проявлял родственных чувств, не интересовался магазином и остальными Твоими делами, навязал Тебе фабрику и потом покинул Тебя, поддержи-

ван Оттлу* в ее упрямстве, и в то время как для Тебя я и пальцем не пошевелинул (даже ни разу не принес Тебе билета в театр), я для друзей делаю все. Если Ты подытожишь свои суждения обо мне, то окажется, что Ты упрекаешь меня не в прямой непорядочности или зле (за исключением, может быть, моего последнего плана женитьбы), но в холодности, отчужденности, неблагодарности. Причем упрекаешь Ты меня таким образом, словно во всем этом виноват я, словно одним поворотом руля я мог бы все направить по другому пути, в то время как за Тобой нет ни малейшей вины, разве только та, что Ты был слишком добр ко мне.

Это Твое обычное изображение я считаю верным лишь постольку, поскольку тоже думаю, что Ты совершенно неповинен в нашем отчуждении. Но так же совершенно неповинен в нем и я. Сумей я убедить Тебя в этом, тогда возникла бы возможность — нет, не новой жизни, для этого мы оба слишком стары — хоть какого-то мира, и пусть Твои беспрестанные упреки не прекратились бы, но стали бы мягче.

Как ни странно, Ты в какой-то мере предчувствуешь, что я хочу тебе сказать. Так, например, Ты недавно сказал мне: «Я всегда любил тебя, хотя внешне не обращался с тобой так, как другие отцы, но это потому, что я не умею притворяться, как другие». Ну, в общем-то, отец, я никогда не сомневался в Твоем добром ко мне отношении, но эти Твои слова я считаю неверными. Ты не умеешь притворяться, что другие но лишь на этом основании утверждать, что другие отцы притворяются, значит, или проявить не вменяющую никаким доводам нетерпимость, или — что, по моему мнению, соответствует действительности — косвенно признать, что между нами что-то не в порядке и повинен в этом не только я, но и Ты, хотя и невольно. Если Ты действительно так считаешь, тогда мы единодушны.

Я, разумеется, не говорю, что стал таким, какой я есть, только из-за Твоего воздействия. Это было бы

* Оттилия — младшая, любимая сестра Кафки.

сильным преувеличением (и у меня даже есть склонность к такому преувеличению). Вполне возможно, что вырасти я совершенно свободным от Твоего влияния, я тем не менее не смог бы стать человеком, который был бы Тебе по нраву. Я, наверное, все равно был бы слабым, робким, нерешительным, беспокойным человеком, не похожим ни на Роберта Кафку, ни на Карла Германна, но все же другим, не таким, какой я есть, и мы могли бы отлично ладить друг с другом. Я был бы счастлив, если бы Ты был моим другом, шестом, дядей, дедушкой, даже (но тут уже я несколько колеблюсь) тестем. Но именно как отец Ты был слишком сильным для меня, в особенности потому, что мои братья умерли маленькими, сестры родились намного позже меня, и, таким образом, мне пришлось выдержать первый натиск одному, а для этого я был слишком слабым.

Сравни нас обоих: я, говоря очень кратко, — Леви* с определенной кафковской закваской, но движимый не кафковской волей к жизни, деятельности, завоеванию, а присущими всем Леви побуждениями, проявляющимися украдкой, робко, в другом направлении и часто вообще пропадающими. Ты же, напротив, истинный Кафка по силе, здоровью, аппетиту, громко-голосию, красноречию, самодовольству, чувству превосходства над всеми, выносливости, присутствию духа, знанию людей, известной широте натуры — разумеется, со всеми свойственными этим достоинствам ошибками и слабостями, к которым Тебя приводит Твой темперамент и иной раз яростная вспыльчивость. Может быть, Ты не совсем Кафка в своем общем миропонимании, насколько я могу сравнить тебя с дядей Филиппом, Людвигом, Генрихом. Это странно, и мне не совсем ясно, в чем тут дело. Ведь все они были более жизнерадостными, бодрыми, непринужденными, беззаботными, менее строгими, чем Ты. (Между прочим, тут я многое унаследовал от Тебя и слишком уж хорошо распорядился этим наследством, тем более что в моем характере не было тех необхо-

* Леви — девичья фамилия матери Кафки.

димых противовесов, какими обладаешь Ты.) Но, с другой стороны, Ты в этом смысле тоже прошел через разные стадии, был, наверное, жизнерадостнее до того, как Твои дети, в особенности я, разочаровали Тебя и стали тяготить дома (когда приходили чужие, Ты становился другим). Ты и теперь, наверное, стал снова более жизнерадостным — ведь внуки и зять дали Тебе немного того тепла, которого не смогли дать дети, за исключением, может быть, Валли. Во всяком случае, мы были столь разными и из-за этого различия столь опасными друг для друга, что, если бы возможно было заранее рассчитать, как я, медленно развивающийся ребенок, и Ты, сложившийся человек, станем относиться друг к другу, можно было бы предположить, что Ты меня просто раздавишь, что от меня ничего не останется. Ну этого-то не случилось, живое нельзя рассчитать наперед, зато произошло, может быть, худшее. Но я снова прошу Тебя не забывать, что я никогда не числил за Тобой никакой вины. Ты воздействовал на меня так, как Ты и должен был воздействовать, только перестань считать особой злонамеренностью то, что я поддался этому воздействию.

Я был робким ребенком, тем не менее я, конечно, был и упрямым, как всякий ребенок; конечно, мать меня баловала, но я не могу поверить, что был особенно неподатливым, не могу поверить, что приветливым словом, ласковым прикосновением, добрым взглядом нельзя было бы добиться от меня чего угодно. По сути своей Ты добрый и мягкий человек (последующее этому не противоречит, я ведь говорю лишь о форме, в какой Ты воздействовал на ребенка), но не каждый ребенок способен терпеливо и бесстрашно доискиваться скрытой доброты. Ты воспитываешь ребенка только в соответствии с Твоим собственным характером — силой, криком, вспыльчивостью, а в данном случае все это представлялось Тебе еще и потому, как нельзя более подходящим, что Ты стремился воспитать во мне сильного и смелого юношу.

Твои средства воспитания в самые первые годы я сейчас, разумеется, не могу точно описать, но я могу их себе приблизительно представить, судя по дальней-

шим годам и по Твоему обращению с Феликсом*. Причем тогда все было значительно острее, Ты был моложе и потому энергичнее, необузданнее, непосредственнее, беспечнее, чем теперь, и кроме того, целиком занят своим магазином, так что я едва мог видеть Тебя один раз в день, и поэтому ты производил на меня тем более сильное впечатление, которое вряд ли когда-нибудь могло стать обыденным и привычным.

Непосредственно мне вспоминается лишь одно происшествие из ранних лет. Может быть, Ты тоже помнишь его. Однажды ночью я все время скулил, просился воды, наверняка не потому, что хотел пить, а, вероятно, отчасти чтобы позлить вас, а отчасти чтобы развлечься. После того как сильные угрозы не помогли, Ты вынул меня из постели, вынес на балкон и оставил там на некоторое время одного, в рубашке, перед запертой дверью. Я не хочу сказать, что это было неправильно, возможно, другим путем тогда среди ночи нельзя было добиться покоя — я только хочу этим охарактеризовать Твои средства воспитания и их действие на меня. Тогда я, конечно, сразу стал послушным, но мне был нанесен внутренний ущерб. По своему складу я никогда не мог установить правильной связи между совершенно понятной для меня бессмысленной просьбой о воде и неопишуемым ужасом, испытанным при выдворении из комнаты. Спустя годы я все еще страдал от мучительного представления, что огромный мужчина, мой отец, высшая инстанция, может почти без всякой причины ночью подойти ко мне, вытащить из постели и вынести на балкон — вот, значит, каким ничтожеством я был для него.

Тогда это было только незаметным началом, но это часто овладевающее мною сознание собственного ничтожества (сознание, в другом отношении благородное и плодотворное) в значительной мере является результатом Твоего влияния. Мне бы немножко одобрения, немножко дружелюбия, немножко возможности идти своим путем; а Ты вместо этого загородил

* Феликс — племянник Кафки (сын его сестры Элли).

мне его — разумеется, с самыми добрыми намерениями, полагая, что я должен пойти другим путем. Но для этого я не годился. Ты, например, подбадривал меня, когда я хорошо салютовал и маршировал, но я не был будущим солдатом; или же Ты подбадривал меня, когда я был в состоянии плотно поесть, а то и пива выпить, или когда я подпевал за другими непонятные мне песни, или бессмысленно повторял Твои излюбленные выражения, но ничто из этого не имело отношения к моему будущему. И характерно, что даже и теперь Ты, в сущности, подбадриваешь меня лишь в том случае, когда дело затрагивает и Тебя, касается Твоего самолюбия, задетого мною (например, моим намерением жениться) или из-за меня (например, когда Пепя ругает меня). Тогда Ты подбадриваешь меня или напоминаешь о моей значительности, указываешь на партии, на которые я вправе рассчитывать, и безоговорочно осуждаешь Пепу. Не говоря уж о том, что в мои годы я почти уже глух к подбадриваниям, какой может быть толк от них, если они раздаются только в том случае, когда речь идет не обо мне в первую очередь.

А ведь тогда, именно тогда мне во всем необходимо было подбадривание. Меня подавляла сама Твоя телесность. Я вспоминаю, например, как мы иногда раздевались в одной кабине. Я — худой, слабый, узкогрудый, Ты — сильный, большой, широкоплечий. Уже в кабине я казался себе жалким, причем не только в сравнении с Тобой, но в сравнении со всем миром, ибо Ты был для меня мерой всех вещей. Когда же мы выходили из кабины к людям, я — держась за Твою руку, маленький скелет, неуверенный, стоял босиком на досках, боясь воды, неспособный перенять Твои приемы плавания, которые Ты с добрым намерением, но на самом деле к моему глубокому посрамлению все время показывал мне, — тогда я впадал в полное отчаяние и весь мой горький опыт во всех областях великолепно подтверждался этими минутами. Более сносно я чувствовал себя, когда Ты иной раз раздевался первым и мне удавалось остаться одному в кабине и до тех пор оттянуть позор публич-

Ты не возвращался наконец
появления, пока Ты не возвращался наконец
взглянуть, в чем дело, и не выгонял меня из кабины.
Я был благодарен Тебе за то, что Ты, казалось, не за-
мечал моих мучений, к тому же я был горд, что у мое-
го отца такое тело. Кстати, это различие между на-
ми и сейчас примерно такое же.

Этому соответствовало и Твое духовное превос-
ходство. Ты сам, собственными силами достиг так мно-
го, что испытывал безграничное доверие к собствен-
ным суждениям. В детстве меня это тоже не так по-
ражало, как впоследствии, в юности. Сидя в своем
кресле, Ты управлял миром. Твои суждения были вер-
ными, суждения всякого другого — безумными, су-
масбродными..., ненормальными. При этом Твоя само-
уверенность была столь велика, что для Тебя необяза-
тельно было быть последовательным, — Ты все равно
не переставал считать себя правым. Случалось, что
Ты не имел мнения по какому-нибудь вопросу, но это
значило, что все возможные мнения касательно это-
го вопроса должны быть — все без исключения — не-
верными. Ты мог, например, ругать чехов, немцев, за-
тем евреев, причем не только за что-нибудь одно,
на за все, и в конце концов никого больше не оста-
валось, кроме Тебя. Ты приобретал в моих глазах ту
загадочность, которой обладают все тираны, чье пра-
во основано на их личности, а не на разуме. По край-
ней мере, мне так казалось.

Однако Ты и в самом деле поразительно часто
оказывался правым по отношению ко мне — в разго-
воре это было само собою разумеющимся, ибо раз-
говоров между нами почти не происходило, но и в дей-
ствительности. Однако и в этом не было ничего осо-
бенно непостижимого: во всем своем мышлении я
находился под Твоим тяжелым гнетом, в том числе и
в мыслях, не совпадающих с Твоими, и в первую оче-
редь именно в них. На всех этих мнимо независимых
от Тебя мыслях с самого начала тяготело Твое неодоб-
рение; выдержать его до полного и последователь-
ного осуществления замысла было почти невозмож-
но. Я говорю здесь не о каких-то высоких мыслях,
а о любой маленькой детской затее. Стоило только

увлечься каким-нибудь делом, загореться им, прийти домой и сказать о нем — и ответом были иронический вздох, покачивание головой, постукивание пальцами по столу: «А лучше ты ничего не мог придумать?», «Мне бы твои заботы», «Не до того мне», «Ломаного гроша не стоит», «Тоже мне событие!». Конечно, нельзя было от Тебя требовать восторга по поводу каждой детской выдумки, когда Ты жил в хлопотах и заботах. Но не в этом дело. Дело, скорее, в том, что из-за противоположности наших характеров и исходя из своих принципов Ты постоянно должен был доставлять такие разочарования ребенку, что эта противоположность по мере накопления материала непрерывно усиливалась, так что в конце концов она по привычке давала себя знать даже тогда, когда Ты бывал одинакового со мною мнения, и в конечном счете эти разочарования ребенка не оставались обычными разочарованиями, а поскольку дело было связано с Твоей всеопределяющей личностью, они задевали самую основу его души. Я не мог сохранить смелость, решительность, уверенность, радость по тому или иному поводу, если Ты был против или если можно было просто предположить Твое неодобрение; а предположить его можно было по отношению, пожалуй, почти ко всему, что бы я ни делал.

Это касалось как мыслей, так и людей. Достаточно было мне проявить хоть сколько-нибудь интерес к человеку — а из-за моего характера это случалось не очень-то часто, — как Ты, нисколько не щадя моих чувств и не уважая моих суждений, тотчас вмешивался и начинал поносить, чернить, унижать этого человека. Невинные, по-детски чистые люди, как, например, еврейский актер Лёви, должны были платить за это. Не зная его, Ты сравнивал его с каким-то отвратительным паразитом, не помню уже с каким; а как часто Ты без всякого стеснения пускал в ход поговорку о собаках и блохах по адресу дорогих мне людей. Об актере я вспомнил здесь потому, что по поводу Твоих высказываний о нем я тогда записал: «Так говорит отец о моем друге (которого он совсем не знает) только потому, что он мой друг. Это я всегда

...что напомнить ему, но
...недостатком сыновней
...я всегда была непоня
...способность к тому, какук
...вызвать у меня свои
...Ты не имел мо
...Конечно, мо
...но в таких
...однако не мог
...едва выговорив
...Ты же беспощадн
...от не жалел ни тогда
...издачным.

И таким было все
...есть талант вос
...воспитание н
...онимал бы разум
...и о чем больше
...соответствии с э
...Ты выкрикивал
...жизнью, я никогд
...для меня важ
...всего оценк
...мажя совершенно
...е встречался с
...Твои уроки бы
...манер за стол
...быть съедено, с
...однако Ты са
...ее «жрат
...испоганила
...аппетит и Ты
...кусками
...за столом
...сталениями:
...быстры
...Кости гр
...нельзя, Теб
...и не отлам
...и в со

смогу припомнить ему, когда он будет попрекать меня недостатком сыновней любви и благодарности». Мне всегда была непонятна Твоя полнейшая бесчувственность к тому, какую боль и стыд Ты был способен вызвать у меня своими словами и суждениями, — казалось, Ты не имел представления о своей власти надо мной. Конечно, мои слова тоже нередко Тебя оскорбляли, но в таких случаях я всегда сознавал это, страдал, однако не мог совладать с собой, сдержаться и, едва выговорив слово, уже сожалел о сказанном. Ты же беспощадно бил своими словами. Ты никого не жалел ни тогда, ни потом, я был перед Тобой беззащитным.

И таким было все Твое воспитание. Мне кажется, у Тебя есть талант воспитателя; человеку Твоего склада Твое воспитание наверняка пошло бы на пользу; он понимал бы разумность того, что Ты говорил бы ему, ни о чем больше не беспокоился бы и поступал бы в соответствии с этим. Для меня же в детстве все, что Ты выкрикивал мне, было прямо-таки небесной заповедью, я никогда не забывал этого, это оставалось для меня важнейшим мерилom оценки мира, прежде всего оценки Тебя самого, и вот тут Ты оказывался совершенно несостоятельным. Так как в детстве я встречался с Тобой главным образом во время еды, Твои уроки были большей частью уроками хороших манер за столом. Все, что ставится на стол, должно быть съедено, о качестве еды говорить не полагается, однако Ты сам часто находил ее несъедобной, называл ее «жратвой», говорил, что «скотина» (кухарка) испоганила ее. Поскольку у Тебя был прекрасный аппетит и Ты любил все есть быстро, горячим, большими кусками, то и ребенок должен был торопиться, за столом была угрюмая тишина, прерываемая наставлениями: «Сначала съешь, потом говори», «Быстрее, быстрее, быстрее», «Видишь, я давно уже съел». Кости грызть нельзя, а Тебе — можно. Чавкать нельзя, Тебе — можно. Главное, чтобы хлеб отрезали, а не отламывали; а то, что Ты отрезал его измазанным в соусе ножом, было неважно. Надо следить, чтобы на пол не падали крошки, — под Тобой же их

оказывалось больше всего. За столом следует заниматься только едой — Ты же чистил и обрезап ногти, точил карандаши, ковырял зубочисткой в ушах. Отец, пойми меня, пожалуйста, правильно, само по себе все это совершенно незначительные мелочи, угнетающими для меня они стали лишь потому, что Ты, человек для меня необычайно авторитетный, сам не придерживался заповедей, исполнения которых требовал от меня. Тем самым мир делится для меня на три части: один мир, где я, раб, жил, подчиняясь законам, которые придуманы только для меня и которые я, неведомо почему, никогда не сумею полностью соблюсти; в другом мире, бесконечно далеко от меня, жил Ты, повелевая, приказывая, негодуя по поводу того, что Твои приказы не выполняются; и наконец, третий мир, где жили остальные люди, счастливые и свободные от приказов и повиновения. Я все время испытывал стыд: мне было стыдно и тогда, когда я выполнял Твои приказы, ибо они касались только меня; мне было стыдно и тогда, когда я упрямился, ибо как смел я упрячиться по отношению к Тебе, или был не в состоянии выполнить их, потому что не обладал, например, ни Твоей силой, ни Твоим аппетитом, ни Твоей ловкостью, а Ты требовал всего этого от меня как чего-то само собою разумеющегося — это, конечно, вызывало у меня наибольший стыд. Так складывались не мысли, но чувства ребенка.

Мое тогдашнее положение станет, может быть, понятнее, если я сравню его с положением Феликса. К нему Ты тоже относишься так же, более того, Ты даже применяешь к нему особенно ужасное средство воспитания: если во время еды он, по Твоему мнению, делает что-то неопрятно, Ты не довольствуешься тем, что говоришь, как мне: «Ну и свинья же ты», а еще добавляешь: «Сразу видно, что из Германнов» или: «Точь-в-точь, как твой отец». Ну возможно — более определенного слова, чем «возможно», тут сказать нельзя, — это в самом деле не причинит Феликсу большого вреда, ибо хоть Ты для него как дедушка и особенно много значишь, все же не все на свете, как для меня, кроме того, у Феликса спокойный, в известной мере

как мужской характер, вероятно, можно смутить, в свое время; кроме того, вероятно, он под другим углом зрения можно выбирать, я не был забавным, я был серьезным, я должен был быть таким, я не имел права с самого начала жизни, с чем Ты не от Тебя, — в последнем из этого. В последнем из сердца, я не знаю, через сердца у Тебя, что осуществления с нем должна подавляться. Это, разумеется, факта. Возникновение невозможно разговаривать, — говоришь, она она вовсе не хотела и человека: дедушка решается, что удастся потом, но никогда не должно лишь услышать, ты вольна делай, разве я могу быть хриплой нотой, которой я тебе не в детстве, что частично замечено. Невозможность другого, в результате: я рада, без того не могу быть. Но Ты не раз: «

уже мужской характер, — громовым голосом его, вероятно, можно смутить, но не подчинить на длительное время; кроме того, он бывает с Тобой редко, да и находится он под другими влияниями, Ты для него, скорее, соединение неких милых и забавных черт, из которых можно выбирать те, что хочется. Для меня Ты не был забавным, я не мог выбирать из Твоих особенностей, я должен был принимать все.

Притом я не имел возможности высказаться, так как Ты с самого начала не можешь спокойно говорить о чем-нибудь, с чем Ты не согласен или что просто исходит не от Тебя, — Твой властный темперамент не терпит этого. В последние годы Ты объясняешь это неврозом сердца, я не знаю, был ли Ты когда-либо иным, невроз сердца у Тебя лишь средство для более строгого осуществления своего господства, так как мысль о нем должна подавить в окружающих последние возражения. Это, разумеется, не упрек, а только констатация факта. Возьмем, к примеру, Оттлу. «С ней невозможно разговаривать, она сразу сбивает тебя с толку», — говоришь Ты обычно, но в действительности она вовсе не хочет сбить Тебя с толку; Ты путаешь дело и человека: дело сбивает Тебя с толку, и Ты немедленно решаешь его, не выслушав человека; Все, что удастся потом сказать, лишь еще больше раздражает, но никогда не переубеждает Тебя. Затем от Тебя можно лишь услышать: «Поступай как знаешь; по мне, ты вольна делать что хочешь; ты совершеннолетняя; разве я могу тебе советовать», — и все это с ужасной хриплой нотой гнева и полнейшего осуждения, от которой я теперь только потому дрожу меньше, чем в детстве, что безграничное чувство детской вины частично заменилось пониманием нашей обоюдной беспомощности.

Невозможность спокойного общения имела еще и другое, в сущности, совершенно естественное последствие: я разучился разговаривать. Я бы, конечно, и без того не стал великим оратором, однако обычным беглым человеческим разговором я все же овладел бы. Но Ты очень рано запретил мне слово. Твоя угроза: «Не возражать!» — и поднятая при этом рука

сопровождают меня с незапамятных времен. Когда речь идет о Твоих собственных делах, Ты отличный оратор, а меня Ты наделил запинаящейся, заикающейся манерой разговаривать, но и это было для Тебя слишком, в конце концов я замолчал, сперва, возможно, из упрямства, а затем потому, что при Тебе я не мог ни думать, ни говорить. И так как Ты был моим главным воспитателем, это сказывалось в дальнейшем на всей моей жизни. Вообще же Ты странным образом заблуждаешься, если думаешь, что я никогда не подчинялся Тебе. «Вечно все contra» — на самом деле не было моим жизненным принципом по отношению к Тебе, как Ты думаешь и в чем упрекаешь меня. Напротив, если бы я меньше слушался Тебя, Ты наверняка был бы мною более доволен. Но все Твои воспитательные меры точно достигли цели, мне ни на миг не удалось уклониться от Твоей хватки. И я — такой, как ков я есть (отвлекаюсь, конечно, от основ и влияния жизни), — я результат Твоего воспитания и моей покорности. То, что результат этот тем не менее Тебя оскорбляет, что произвольно Ты даже отказываешься признать его результатом Твоего воспитания, объясняется именно тем, что Твоя рука и мой материал так чужды друг другу. Ты говорил: «Не возражать!» — и хотел этим заставить замолчать во мне неприятные Тебе силы сопротивления, но Твое воздействие было для меня сильным, я был слишком послушным, я полностью умолкал, прятался от Тебя и отваживался пошевелиться лишь тогда, когда оказывался так далеко от Тебя, что Твое могущество не могло меня достичь, во всяком случае непосредственно. Но вот Ты снова стоял передо мною, и Тебе все опять казалось следствием Твоей силы и моей слабости.

Твоими самыми действенными, во всяком случае для меня, неотразимыми ораторскими средствами воспитания были: брань, угрозы, ирония, злой смех и — как ни странно — самооплакивание.

Я не помню, чтобы Ты ругал меня прямо и явно ругательными словами. Да в этом не было и надобности, у Тебя было столько других средств, к тому же

...моя комната дома и ос...
...в моем присутствии...
...личествах, что под...
...отсутствии мн и не им...
...сильнее к себе, так как...
...не хуже, чем мн...
...на свет Твоя зага...
...Ты ругался б...
...Ты подкреп...
...непосредственно...
...когда Ты кр...
...я и знал, что н...
...ребенком я...
...представлениям о...
...верла вера в то, ч...
...было и тогда, ко...
...чтобы схватить...
...собирался нико...
...и мать в ко...
...будь. И ребенк...
...ему сохран...
...дарком...
...последс...
...что-то, чт...
...еудачей, благо...
...толь велико, ч...
...была неизбежн...
...действиях...
...Чем стар...
...алось матери...
...казательств...
...я опять-таки...
...им только...
...мне залс...
...и, потому...
...велика и вс...
...Особен...
...и соот...

в разговорах дома и особенно в магазине ругательства в моем присутствии сыпались и на других в таких количествах, что подростком я бывал иногда почти оглушен ими и не имел никакого основания не относить их к себе, так как люди, которых Ты ругал, были, конечно, не хуже меня, и Ты, конечно, был ими не более недоволен, чем мною. И здесь тоже опять выступала на свет Твоя загадочная невинность и непогрешимость, Ты ругался без всякого стеснения, других же Ты порицал за ругань и запрещал ее.

Ругань Ты подкреплял угрозами, и они относились уже непосредственно ко мне. Мне было страшно, например, когда Ты кричал: «Я разорву тебя на части», хотя я и знал, что ничего ужасного после слов не последует (ребенком я, правда, не знал этого), но моим представлениям о Твоем могуществе почти соответствовала вера в то, что Ты в силах сделать и это. Страшно было и тогда, когда Ты с криком бегал вокруг стола, чтобы схватить кого-нибудь, было ясно, что Ты не собирался никого хватать, но притворялся, что хочешь, и мать в конце концов для виду спасала кого-нибудь. И ребенку казалось, что благодаря Твоей милости ему сохранена жизнь, и он считал ее незаслуженным подарком от Тебя. Сюда же относятся и предостережения последствий непослушания. Когда я начинал делать что-то, что Тебе не нравилось, и Ты грозил мне неудачей, благоговение перед Твоим мнением было столь велико, что неудача, пусть даже впоследствии, была неизбежной. Я терял уверенность в собственных действиях. Мною овладевали колебания, сомнения. Чем старше я становился, тем больше накапливалось материала, который Ты мог предъявить мне как доказательство моей ничтожности; постепенно Ты действительно оказывался в известном смысле правым. Я опять-таки остерегаюсь утверждать, что стал таким только из-за Тебя; Ты лишь усилил то, что было во мне заложено, но усилил в очень большой степени, потому что власть Твоя надо мною была очень велика и всю свою власть Ты пускал в ход.

Особенно Ты полагался на воспитание иронией, она и соответствовала больше всего Твоему превосход-

ству надо мною. Наставление носило у Тебя обычно такую форму: «Иначе ты, конечно, не можешь это сделать? Тебе это, конечно, не под силу? На это у тебя, конечно, нет времени?» — и тому подобное. Причем каждый такой вопрос сопровождался злой усмешкой на злом лице. В известной мере я чувствовал себя наказанным еще до того, как узнавал, что сделал что-то нехорошее. Задевали и выговоры, обращенные ко мне как к третьему лицу, когда я не устаивался даже злого обращения; например, по виду Ты говорил матери, но по сути — мне, сидящему тут же: «От господина сына этого, конечно, не дождешься», и тому подобное. (Это потом привело к своего рода контригре, заключавшейся в том, что я, например, не осмеливался, а потом уже по привычке и не пытался даже обращаться непосредственно к Тебе с каким-либо вопросом в присутствии матери. Гораздо безопаснее для ребенка было спросить о Тебе сидящую возле тебя мать; так, предохраняя себя от неожиданностей, я спрашивал мать: «Как себя чувствует отец?») Конечно, случалось, что я полностью разделял злейшую иронию, а именно когда она касалась кого-нибудь другого, например Элли, с которой я годами был в ссоре. Я торжествовал от злобы и злорадства, когда почти за каждой едой Ты говорил о ней: «Она обязательно должна сидеть за десять метров от стола, эта толстая девка» — и пытался вслед за этим зло, без малейшего следа дружелюбия или добродушия, а как ожесточенный враг подчеркнуто передразнивать ее, показывая, как отвратительно, на Твой взгляд, она сидит. Как часто Тебе приходилось повторять такие и похожие сцены, и как мало Ты достигал ими. Я думаю, причина в том, что гнев и злость уж очень не соответствовали поводу, их вызвавшему, не верилось, что такой гнев мог быть вызван таким пустяком, как неправильное сидение за столом, казалось, что весь этот гнев уже раньше накопился в Тебе и что лишь случайно именно этот повод вызвал вспышку. Поскольку все были уверены, что повод так или иначе найдется, то незачем особенно следить за собой, а постоянные угрозы притупляли восприимчивость; в том, что бить не будут, мы поч-

уже не сомневались.
нравственным, к бегству
Ты, страдали со ст
прав, впервые в
о аде, Ты горьк
с одним письмом
Когда Ты начинал в
что случалось
противоречие
детям. При
оставляли меня с
(став старш
вообще рассчиты
во всех отн
тем более по
сти, презирать, к
верил жалобам
осывается за ним
действительно очен
когда самооплаки
что бы еще выз
частво, готовност
казалось мне л
испитания и уни
очень сильным,
том, что ребен
ситься как раз
серьезно.
К счастью, з
тогда, когда
силой своей
захватывали
да, но зато эт
пример, когд
беда в мага
или когд
ний к нам
болезни

ти уже не сомневались. Вот так я становился угрюмым, невнимательным, непослушным ребенком, все время готовым к бегству, чаще всего внутреннему. Страдал Ты, страдали мы. По-своему Ты был совершенно прав, когда со стиснутыми зубами и прерывистым смехом, впервые вызвавшим у ребенка представление об аде, Ты горько говорил (как недавно в связи с одним письмом из Константинополя): «Хороша компания!»

Когда Ты начинал во всеуслышание жалеть самого себя — что случалось так часто! — это приходило в полное противоречие с Твоим отношением к собственным детям. Признаюсь, что ребенком Твои жалобы оставляли меня совершенно безучастным, и я не понимал (став старше, начал понимать), как можешь Ты вообще рассчитывать на сочувствие. Ты был таким гигантом во всех отношениях; зачем Тебе наше сочувствие, тем более помощь? Ее Ты должен был, в сущности, презирать, как часто презирал нас. Потому я не верил жалобам и гадал, какое тайное намерение скрывается за ними. Лишь позднее я понял, что Ты действительно очень страдал из-за детей, но в ту пору, когда самооплакивание при других обстоятельствах могло бы еще вызвать детское, открытое, доверчивое чувство, готовность прийти на помощь, оно неизбежно казалось мне лишь новым и очень явным средством воспитания и унижения, — само по себе оно не было очень сильным, но его побочное действие состояло в том, что ребенок привыкал не очень серьезно относиться как раз к тому, к чему должен был относиться серьезно.

К счастью, здесь бывали и исключения, чаще всего тогда, когда Ты страдал молча, и любовь и доброта силой своей преодолевали во мне все препятствия и захватывали все существо. Редко это случалось, правда, но зато это было чудесно. В прежние время, например, когда я заставлял Тебя жарким летом после обеда в магазине усталым, вздремнувшим у конторки; или когда Ты в воскресенье приезжал измотанный к нам на дачу; или когда Ты во время тяжелой болезни матери, сотрясаясь от рыданий, держался

за книжный шкаф; или когда Ты во время моей последней болезни зашел ко мне, остановился на пороге, вытянул шею, чтобы увидеть меня в кровати, и, не желая меня тревожить, только помахал мне рукой. В таких случаях я ложился и плакал от счастья, плачу и теперь, когда пишу об этом.

У Тебя особенно красивая, редкая улыбка — тихая, спокойная, доброжелательная, она может совершенно осчастливить того, к кому она относится. Я не помню, чтобы когда-нибудь в детстве она явственно была обращена ко мне, но, наверное, так бывало, ибо зачем бы Ты тогда стал отказывать мне в ней, я ведь казался Тебе еще невинным и был Твоей великой надеждой. Впрочем, такие приятные впечатления с течением времени тоже только усилили мое чувство вины и сделали мир еще более непонятным для меня.

Лучше уж держаться действительного и постоянного. Чтобы хоть сколько-нибудь самоутвердиться по отношению к Тебе, отчасти и из своего рода мести, я скоро начал следить за смешными мелочами в Тебе, собирать, преувеличивать их. Например, как легко Тебя ослеплял блеск имен большей частью лишь мнимо высокопоставленных особ, Ты мог все время рассказывать о них, скажем, о каком-то кайзеровском советнике или о ком-то в этом роде (с другой стороны, мне причиняло боль, что Тебе, моему отцу, кажется, будто Тебе нужны подобного рода ничтожные подтверждения Твоей значительности, и Ты хвастаешься ими). Или — я замечал Твое пристрастие к непристойностям, которые Ты произносил очень громко и по поводу которых смеялся так, словно сказал что-то удивительно меткое, в то время как на самом деле то была просто плоская, мелкая непристойность (правда, вместе с тем это было опять-таки посрамляющее меня выражение Твоей жизненной силы). Разумеется, различных наблюдений такого рода было множество; я радовался им, они давали мне повод для шушукания и шуток, иногда Ты замечал это, сердился, считал это злостью, непочтительностью, но, поверь мне, это было для меня не чем иным, как средством самосохранения, впрочем, непригодным, то были шут-

да мне позволяют себе... — шутки, не тол...
...почтительностью, ...

Между прочим, Ты т...
...в сходном пол...
...самообороне. Ты и...
...чрезмерно хорош...
...е, в сущности, относ...
...при сложившихся ...
...мне.

Верно, мать была б...
...для меня находи...
...ительно, ■ недоброй...
...жонщина на охоте.

...ненависть, вызва...
...сам-то невероятн...

...стать на собственны...
...и добротой, разум...

...она представлялас...
...и заступничество...

...твой круг, из ко...
...и Твоей и м...

...включалось наст...
...пайне от Тебя з...

...да что-то разре...
...ред Тобой прест...

...изнищиком, кото...
...стопными пут...

...имеет право. Ес...
...таким путем уж...

...и мнению, пр...
...ство вины.

Правда и то...
...и побил мен...

...кровью Твое...
...тяжки и веша...

...было для ме...
...того, кого...

...на повесят...
...дятся перо...

ки, какие позволяют себе по отношению к богам и ко-
ролям, — шутки, не только совместимые с глубочай-
шей почтительностью, но даже составляющие часть
ее.

Между прочим, Ты тоже, находясь по отношению
ко мне в сходном положении, прибегал к своего ро-
да самообороне. Ты имел обыкновение напоминать,
как чрезмерно хорошо мне жилось и как хорошо ко
мне, в сущности, относились. Это верно, но я не думаю,
что при сложившихся условиях это существенно помо-
гало мне.

Верно, мать была безгранично добра ко мне, но все
это для меня находилось в связи с Тобой — следо-
вательно, в недоброй связи. Мать невольно играла роль
загонщика на охоте. Если упрямство, неприязнь и да-
же ненависть, вызванные во мне Твоим воспитанием,
каким-то невероятным образом и могли бы помочь мне
стать на собственные ноги, то мать сглаживала все сно-
ва добротой, разумными речами (в сумятице детства
она представлялась мне воплощением разума), сво-
им заступничеством, и снова я оказывался загнанным
в Твой круг, из которого иначе, возможно, и вырвал-
ся бы, к Твоей и моей пользе. Бывало, что дело не за-
канчивалось настоящим примирением, мать просто
втайне от Тебя защищала меня, втайне что-то дава-
ла, что-то разрешала — тогда я снова оказывался пе-
ред Тобой преступником, сознающим свою вину, об-
манщиком, который по своему ничтожеству лишь
окольными путями может добиться и того, на что
имеет право. Естественно, потом я привык добиваться
таким путем уже и того, на что я, даже по собственно-
му мнению, права не имел. А это тоже усиливало чув-
ство вины.

Правда и то, что Ты вряд ли хоть раз по-настояще-
му побил меня. Но то, как Ты кричал, как наливалось
кровью Твое лицо, как торопливо Ты отстегивал под-
тяжки и вешал их наготове на спинку стула, — все это
было для меня даже хуже. Вероятно, такое чувство
у того, кого должны повесить. Если его действитель-
но повесят, он умрет, и все кончится. А если ему при-
дется пережить все приготовления к казни, и только

тогда, когда перед его лицом уже будет висеть петля, он узнает, что помилован, это может заставить его страдать всю жизнь. Кроме того, из множества случаев, когда я, по Твоему мнению, явно заслуживал порки, но по Твоей милости был пощажен, снова родилось чувство большой вины. В любом случае я оканчивался кругом виноват перед Тобой.

С давних пор Ты упрекал меня (причем с глаз на глаз или при посторонних — унижительность последнего обстоятельства Ты никогда не принимал во внимание, дела Твоих детей всегда обсуждались при всех), что благодаря Твоему труду я жил, не испытывая никаких лишений, в покое, тепле, изобилии. Я вспоминаю по этому поводу замечания, которые оставили в моем мозгу настоящие борозды: «А я семи лет от роду ходил с тележкой по деревням», «Мы все спали в одной комнате», «Мы были счастливы, когда имели картошку», «Из-за нехватки зимней одежды у меня годами были на ногах открытые раны», «Я был мальчиком, когда меня отдали в Пизек в лавку». «Из дома я ничего не получал, даже во время военной службы, я сам посылал деньги домой», «И все-таки, и все-таки отец для меня всегда был отцом. Кто теперь так относится к отцам? Что знают дети? Они же ничего не испытали! Разве теперешний ребенок это поймет?» При других условиях такие рассказы могли бы стать отличным средством воспитания, могли бы придать бодрости и сил, чтобы выдержать такие же лишения, которые перенес отец. Но Ты вовсе не хотел этого, благодаря Твоим усилиям положение семьи изменилось, возможности отличиться таким же образом, как Ты, отпали. Такую возможность можно было бы создать лишь насильственно, переворотом, но бы создать лишь насильственно, переворотом, нужно было бы вырваться из дома при условии, что нашлось бы достаточно решимости и силы для этого и мать, со своей стороны, не противодействовала бы своими средствами. Но этого Ты вовсе не хотел, не звал бы это неблагодарностью, сумасбродством, непослушанием, предательством, сумасшествием. В то время как, с одной стороны, Ты, приводя примеры, рассказывая, стыдя, побуждал к этому, Ты, с другой

строжайшим
бы ведь должна был
отвлекать. Она стремил
Она хотела ра
перенес, она не х
и трудов, хотела быт
Разве это так
Отплы в кон
едалеке от твоих
Она пыталась с
ее нелепо, сли
мере посчиталас
е том была искли
ны ли также и
Ты был так отч
была Тебе мене
и уговорить), че
Твоей власти был
себя) подбо
ей, а может,
бы эта затея об
После таких ур
слишком хоро
смысле не ш
ться, мы получи
внешнем мире
рой, разумеетс
жны были ве
скими силами
изались в безу
чии — мы б
и этом я, ко
и), — мы в не
и, что не мож
и не можем ун
и, что я дей
и, употребит
и, но эт
и, изловитьс

стороны, строжайшим образом это запрещал. Иначе Тебя ведь должна была бы восхитить затея Оттлы в Цюрау, если отвлечься от сопутствующих обстоятельств. Она стремилась в деревню, из которой Ты родом, она хотела работы и лишений — того же, что Ты перенес, она не хотела пользоваться плодами Твоих трудов, хотела быть, как и Ты, независимой от своего отца. Разве это такие уж страшные намерения? Такого отца. Разве это такие уж страшные намерения? Пусть далекие от твоих примеров и поучений? Пусть намерения Оттлы в конечном счете не увенчались успехом, она пыталась осуществить их, может быть, немножко нелепо, слишком шумно, она не в достаточной мере посчиталась со своими родителями. Но разве в том была исключительно ее только вина, не повинны ли также и обстоятельства, прежде всего то, что Ты был так отчужден от нее? Разве в магазине она была Тебе менее чуждой (как Ты потом сам хотел себя уговорить), чем позднее в Цюрау? И разве не в Твоей власти было (при условии, если б Ты мог побороть себя) подбодрить ее, дать совет, присмотреть за ней, а может, даже просто проявить терпение, чтобы эта затея обернулась благом?

После таких уроков Ты обычно горько шутил, что нам слишком хорошо живется. Но эта шутка в известном смысле не шутка. То, за что Ты должен был бороться, мы получили из Твоих рук, но борьбу за жизнь во внешнем мире, которая Тебе давалась легко и которой, разумеется, не миновали и мы, эту борьбу мы должны были вести позднее, в зрелом возрасте, но детскими силами. Я не утверждаю, что из-за этого мы оказались в безусловно более тяжелом, чем Ты, положении — мы были, вероятно, в равном положении (при этом я, конечно, не сравниваю исходные позиции), — мы в невыгодном положении лишь в том смысле, что не можем хвастаться своими бедами и никогда не можем унижить ими, как это делал Ты. Я не отрицаю, что я действительно мог бы по-настоящему воспользоваться плодами Твоих больших и успешных трудов, употребить их во благо и приумножить, к Твоей радости, но этому помешало наше отчуждение. Я мог пользоваться тем, что Ты давал, но лишь испытывая

чувство вины. Потому я могу благодарить Тебя за все только как нищий, но не делом.

Другой внешний результат такого воспитания — я стал избегать всего, что хотя бы отдаленно напоминало о Тебе. Прежде всего магазина. Сам по себе в особенности в детстве, до тех пор, пока это был просто магазин в переулке, он должен был бы меня очень радовать: ведь он был таким бойким местом, свистился по вечерам огнями, там можно было многое увидеть и услышать, в чем-то помочь, отличиться, но главное — восхищаться Тобою, Твоим великолепным коммерческим талантом, тем, как Ты торговал, обращался с людьми, шутил, был неутомим, тотчас же находил решение в сложных случаях, и так далее; и еще: то, как Ты упаковывал покупки или открывал ящик, было достопримечательным зрелищем и все вместе в целом — совсем неплохой школой для ребенка. Но так как Ты постепенно все больше и больше начинал пугать меня, а магазин и Ты для меня сливались воедино, то и в магазине мне становилось не по себе. Вещи, казавшиеся мне там сперва само собою разумеющимися, мучили, смущали меня, в особенности Твое обращение с персоналом. Не знаю, может быть, в большинстве мест оно было таким же (в Assicurazioni generali, например, мое время действительно было схожим, свой уход я объяснил директору — не совсем согласно с истиной, но и не совсем лживо, — тем, что не могу выносить ругань, которая, впрочем, непосредственно ко мне и не относилась; я был к таким вещам болезненно чувствителен еще с детства), но другие места во времена детства меня не заботили. В нашем же магазине я слышал и видел, что Ты кричишь, ругаешься и неистовствуешь, как, по тогдашним моим представлениям, никто больше в мире не делает. И дело не только в ругани, но и во всем тиранстве. Когда Ты, например, одним движением сбрасывал с прилавка товары, которые не следовало мешать с другими, — только безрассудство Твоего гнева немножко извиняло Тебя, — а приказчик должен был их поднимать. Или Твое постоянное выражение по адресу одного приказчика с больными

...Пусть он сд...
...служащих «оплаче...
...но еще до того, как...
...их платящим в...
...уроку того, что Ты...
...касалось одног...
...ини, ибо во мне...
...детскому р...
...вины, кото...
...слишком, но не слиш...
...люди, ко...
...это, оказывае...
...Тобой.
...верен, что Ты в...
...Если бы было...
...жить, но пос...
...превосходным...
...от них отска...
...гораздо...
...она делал...
...сильно на...
...говоря уж о Тв...
...Ты как ко...
...кто когда-либ...
...их работы н...
...так же и я...
...Поэтому я...
...знала, кста...
...понимал, как...
...робости же...
...возмущенный...
...с нашей се...
...опасности. Д...
...себя пр...
...смирн...
...и по возм...
...меня...
...стало...
...навер...
...в ко...
...звали с

легкими: «Пусть он сдохнет, этот хворый пес». Ты называл служащих «оплаченными врагами», они и были ими, но еще до того, как они ими стали, Ты уже казался мне их «платящим врагом». Там я получил и великий урок того, что Ты можешь быть неправым; если бы дело касалось одного меня, я бы не так скоро это заметил, ибо во мне слишком сильно было чувство собственной вины, которое оправдывало Тебя; но там, по моему детскому разумению — позднее, правда, несколько, но не слишком сильно подправленному, — были чужие люди, которые все-таки работали на нас и за это, оказывается, должны жить в постоянном страхе перед Тобой. Конечно, я преувеличивал, ибо был уверен, что Ты внушаешь им такой же ужас, как и мне. Если бы было так, они действительно не могли бы жить, но поскольку они были взрослыми людьми с превосходными, как правило, нервами, ругань легко от них отскакивала, и в конечном счете это причиняло гораздо больший вред Тебе, чем им. Для меня же она делала магазин невыносимым, так как слишком сильно напоминала мое отношение к Тебе: не говоря уж о Твоих хозяйских интересах и властолюбии, Ты как коммерсант настолько превосходил всех, кто когда-либо учился у Тебя, что никакие результаты их работы не могли Тебя удовлетворить, примерно так же и я должен был вызывать Твое недовольство. Поэтому я, естественно, принимал сторону персонала, кстати, еще и потому, что по своей робости я не понимал, как можно так ругать чужого человека, и по робости же я пытался как-то примирить страшно возмущенный, как мне казалось, персонал с Тобой, с нашей семьей, хотя бы ради моей собственной безопасности. Для этого мне было уже недостаточно вести себя просто вежливо, скромно — следовало быть смиренным, приветствовать не только первым, но и по возможности не допускать, чтобы приветствовали меня; даже если бы внизу я, лицо незначительное, стал лизать им ноги, это не искупило бы того, что наверху на них набрасывался Ты, хозяин. Отношения, в которые я здесь вступал с окружающими, оказывали свое воздействие за пределами магази-

на и в будущем (нечто подобное, но не столь опасное и глубокое, как у меня, заключено, например, в пристрастии Оттлы к общению с бедными, в раздражающих Тебя добрых отношениях с прислугой). В конце концов я начал почти бояться магазина, и во всяком случае, он давно уже перестал быть моим делом, еще до того, как я поступил в гимназию и тем самым еще больше отдалился от него. К тому же заниматься им казалось мне совершенно непосильным, раз уж он, как Ты говорил, истощил даже Твои силы. В моем отвращении к магазину, к Твоему делу — отвращении, причиняющем Тебе такую боль, — Ты все же пытаешься (теперь это трогает меня и вызывает чувство стыда) найти немножко улады для себя, утверждая, что я лишен коммерческих способностей, что у меня в голове более высокие идеи, и тому подобное. Мать, конечно, радовалась этому объяснению, которое Ты против воли выдавливал из себя, и я в своем тщеславии и безысходности тоже поддавался ему. Но если бы действительно или преимущественно «высокие идеи» отвлекали меня от магазина (который я теперь, только теперь, на самом деле и честно ненавижу), они должны были бы найти свое выражение в чем-то ином, а не в том, чтобы позволить мне спокойно и смиренно проплыть через гимназию и изучение права и прибиться в конце концов к чиновничьему письменному столу.

Бежать от Тебя — это значило бы бежать и от семьи, даже от матери. Правда, у нее всегда можно было найти защиту, но и на защите этой лежал Твой отпечаток. Слишком сильно она любила Тебя, слишком была предана Тебе, чтобы более или менее долго играть самостоятельную роль в борьбе ребенка. Кстати, это детское инстинктивное ощущение было верным, ибо с течением лет мать становилась все более тесно связанной с Тобой; деликатно и мягко, никогда не нанося Тебе серьезной обиды, она в том, что касалось ее самой, тщательно оберегала свою независимость, но вместе с тем с годами она все более полно, скорее чувством, нежели разумом, слепо перенимала Твои суждения и осуждения в отношении детей,

...в трудном
...всегда надо по
...изматывали ма
...в семье она пер
...страдания, кот
...Ты всегда отн
...но в этом отн
...как и мы. Беспо
...с Твоей стороны,
...отвлечением, н
...думали только о
...мы вели с То
...как Ты из-за
...злого умысл
...хорошим вклад
...как бы оправдыва
...справдания не и
...ей терпеть
...говоря уже
...что она бал
...быть может
...мольным протес
...мать не могла
...сила в ли
...этой любовью
...Сестры лишь с
...исего посчаст
...была ближе
...живалась к Те
...тоже, именн
...любнее,
...но може
...да не было ни
...требова
...от
...ременно
...особенно не
...Валл
...более д

в особенности в трудном, правда, случае с Оттлой. Конечно, всегда надо помнить, каким мучительным и крайне изнуряющим было положение матери в семье. Ее изматывали магазин, домашнее хозяйство, все хвори в семье она переносила вдвойне, но венцом всего были страдания, причиняемые ей тем промежуточным положением, которое она занимала между нами и Тобой. Ты всегда относился к ней любовно и внимательно, но в этом отношении Ты щадил ее столь же мало, как и мы. Беспощадно накидывались мы на нее, Ты — с Твоей стороны, мы — со своей. Это было своего рода отвлечением, никто ни о чем плохом не помышлял, думали только о борьбе, которую Ты вел с нами, которую мы вели с Тобой, а отыгрывались мы на матери. То, как Ты из-за нас мучил ее — разумеется, без всякого злого умысла с Твоей стороны, — вовсе не было хорошим вкладом в воспитание детей. Это даже как бы оправдывало наше к ней отношение, другого оправдания не имевшее. Чего только не приходилось ей терпеть от нас из-за Тебя и от Тебя из-за нас, не говоря уже о тех случаях, когда ты был прав, потому что она баловала нас, хотя даже и это «баловство», быть может, иной раз являлось лишь тихим, невольным протестом против Твоей системы. Конечно, мать не могла бы вынести всего этого, если бы не черпала силы в любви ко всем нам и в счастье, даруемом этой любовью.

Сестры лишь отчасти стояли на моей стороне. Больше всего посчастливилось в отношении с Тобой Валли. Она была ближе всех к матери и, подобно ей, приспособливалась к Тебе без особого труда и вреда. И сам Ты тоже, именно памятуя о матери, относился к ней дружелюбнее, хотя кафковской закваски в ней было мало. Но может быть, как раз это и устраивало Тебя; где не было ничего кафковского, там даже Ты не мог этого требовать; у Тебя не было чувства, будто здесь в отличие от нас теряется нечто такое, что следует непременно спасать. Впрочем, Ты, кажется, никогда особенно не любил кафковское в женщинах. Отношение Валли к Тебе, возможно, стало бы даже еще более дружелюбным, если бы мы, остальные, не пре-

пятствовали немножко этому.

Элли — единственный пример почти полного успеха попытки вырваться из круга Твоего влияния. В детстве я меньше всего мог ожидать этого. Ведь она была таким неуклюжим, вялым, боязливым, угрюмым, пришибленным сознанием своей вины, безропотным, злым, ленивым, охочим до лакомств, жадным ребенком — я не мог видеть ее, не то что говорить с ней, настолько она напоминала мне меня самого, настолько сильно она находилась под воздействием того же воспитания. Особенно отвратительной для меня была ее жадность, потому что сам я был, кажется, еще более жадным. Жадность — один из вернейших признаков того, что человек глубоко несчастен; я настолько был не уверен во всех вещах, что в действительности владел только тем, что держал в руках или во рту или что собирался отправить туда, и именно это она охотнее всего отбирала у меня — она, находившаяся в подобном же положении. Но все это изменилось, когда она совсем юной — и в этом главное — покинула дом, вышла замуж, родила детей, — она стала жизнерадостной, беззаботной, смелой, щедрой, бескорыстной, полной надежд. Почти невероятно, как Ты мог совершенно не заметить этого изменения и, во всяком случае, не оценить его по достоинству, — в такой степени Ты был ослеплен злобой, которую издавна питал к Элли и которая, по сути, осталась неизменной, с той лишь разницей, что злоба потеряла в значительной мере актуальность, так как Элли не живет больше у нас и, кроме того, Твоя любовь к Феликсу и симпатии к Карлу отодвинули эту злобу на задний план. Лишь Герти* должна еще иногда расплачиваться за нее.

Об Оттле я едва решаюсь писать; я знаю — этим самым я ставлю на карту все действие письма, на которое надвинулся. При обычных обстоятельствах, то есть когда она не находилась бы, скажем, в беде или опасности, Ты испытывал к ней только ненависть; Ты ведь сам признавался мне, что, по Твоему мнению, она непременно причиняет Тебе постоянно страдание и не-

* Пломянница Кафки, дочь Элли.

приятности и, когда Ты из-за нее страдаешь, она до-
вольна и весела. В общем, своего рода дьявол. Какое
же чудовищное отчуждение, еще большее, нежели
между Тобой и мной, должно было возникнуть меж-
ду Тобой и ею, чтобы стало возможным такое чудо-
вищное заблуждение. Она так далека от Тебя, что Ты
видишь уже не ее, а призрак, который ставишь на
то место, где предполагаешь ее присутствие. Я при-
знаю, что она доставляла Тебе особенно много забот.
Я не вполне понимаю, в чем тут дело, — случай труд-
ный, но тут, безусловно, разновидность Леви, оснащен-
ная лучшим кафковским оружием. Между мной и
Тобой не было настоящей борьбы: Ты быстро справил-
ся со мной, и мне оставались лишь бегство, горечь,
грусть, внутренняя борьба. Вы же оба всегда находи-
лись в боевой позиции, всегда свежие, полные сил.
Столь же внушительная, сколь и безотрадная картина.
Прежде всего вы, конечно, были очень близки друг
другу — ведь и сегодня из всех нас четверых Оттла —
пожалуй, самое полное воплощение союза между
Тобой и матерью и сочетавшихся в нем сил. Я не знаю,
что лишило вас счастья единения, которое должно су-
ществовать между отцом и ребенком, я могу только
думать, что дело развивалось здесь подобно тому, как
у меня. С Твоей стороны — деспотия, свойственная
Твоей натуре, с ее стороны — присущие Леви упрям-
ство, впечатлительность, чувство справедливости, воз-
будимость, и все это — опирающееся на сознание
кафковской силы. Возможно, и я оказывал на нее влия-
ние, но вряд ли сознательно, скорее самим фактом
своего существования. Впрочем, она последней во-
шла в круг уже сложившихся взаимоотношений и мог-
ла вынести им свой приговор на основании уже суще-
ствующего широкого материала. Я даже могу себе
представить, что по натуре своей она могла некото-
рое время колебаться, решая, броситься ли ей в объ-
ятия к Тебе или к противникам: очевидно, Ты тогда
упустил что-то и оттолкнул ее, но будь то возможно,
вы стали бы великолепной парой единомышленников.
Я, правда, при этом лишился бы союзника, но вид
вас обоих щедро вознаградил бы меня, к тому же,

найди Ты хоть в одном своем ребенке полное удовлетворение, Ты в беспредельном счастье своем очень изменился бы и мне на пользу. Сегодня все это, конечно, лишь мечта. У Оттлы нет никакой связи с отцом, она, как и я, должна искать свою дорогу в одиночестве, а из-за того избытка надежд, уверенности в своих силах, здоровья, решительности, которым она обладает по сравнению со мной, она кажется Тебе более злой, более способной на предательство. Я это понимаю; с Твоей точки зрения, она и не может быть другой. Да она и сама в состоянии смотреть на себя Твоими глазами, сочувствовать Твоим страданиям и при этом не отчаиваться (отчаяние — мой удел), а очень грустить. Это, казалось бы, не вяжется со всем остальным, но Ты часто видишь нас вместе, мы шепчемся, смеемся, порой Ты слышишь свое имя. У Тебя создается впечатление, будто перед Тобой дерзкие заговорщики. Станные заговорщики! Ты, конечно, с давних пор — главная тема наших разговоров, как и наших размышлений, но встречаемся мы вовсе не для того, чтобы плести заговор против Тебя, а для того, чтобы по-всякому — шутя, всерьез, с любовью, упрямо, гневно, с неприязнью, покорностью, сознанием вины, напрягая все силы ума и сердца, во всех подробностях, со всех сторон, по всякому поводу, с далекого и близкого расстояния — обсуждать ту страшную тяжбу, которая ведется между нами и Тобой, — тяжбу, в которой Ты упорно продолжаешь считать себя судьей, в то время как Ты, по крайней мере в большинстве случаев (здесь я оставляю открытым вопрос о всех ошибках, которые я, конечно, могу совершить), столь же слабая и ослепленная сторона, как и мы.

Поучительный пример Твоего воспитательного воздействия — Ирма*. С одной стороны, она все же чужая, поступила в Твой магазин уже взрослой, имела дело с Тобой главным образом как с шефом, то есть подверглась Твоему влиянию лишь частично и уже в том возрасте, когда сила сопротивления достаточно велика; с другой стороны, она, все же близкая родствен-

* Двоюродная сестра Кафки.

ница, почитала в Тебе брата своего отца, и Ты обладал властью над нею большей, нежели власть шефа. И тем не менее она — при всей своей физической слабости такая дельная, умная, прилежная, скромная, достойная доверия, бескорыстная, преданная, любящая Тебя как дядю и восхищающаяся Тобой как шефом, хорошо справлявшаяся и прежде и позже с другой работой — оказалась для Тебя недостаточно хорошей служащей. Она относилась к Тебе — понимает-ся, не без нашей помощи, — примерно так же, как Твои дети, и столь велика была над нею сокрушающая власть Твоей натуры, что в ней начали развиваться (правда, только по отношению к Тебе и, надо надеяться, не причиняя глубоких страданий этому ребенку) забывчивость, нерадивость, юмор висельника, может быть, даже некоторое упрямство, насколько она вообще была способна к этому; не говоря уже о ее болезненности, она и вообще-то была не очень счастлива, и безотрадная домашняя обстановка лежала на ней тяжким бременем. Свое порожденное разными взаимосвязями отношение к ней Ты выразил в одной фразе, ставшей для нас классической, почти богохульной, но очень показательной для того, сколь невинен Ты был в своем отношении к людям: «Хорошенькое свинство оставила мне в наследство наша святоша».

Я мог бы коснуться еще многих сфер Твоего влияния и борьбы против него, но здесь я чувствую себя уже менее уверенным и мне пришлось бы что-то додумывать, кроме того, чем больше Ты отдаляешься от магазина и семьи, тем дружелюбнее, мягче, предупредительней, внимательней, участливей (я имею в виду также и внешне) Ты становишься, так же как, например, самодержец, находившийся за пределами своей страны, не имеет возможности тиранствовать и потому напускает на себя добродушие в обращении даже с самыми ничтожными людьми. На групповых снимках на Франценсбаде Ты, например, в самом деле всегда стоишь среди маленьких угрюмых людей большой, приветливый, точно путешествующий король. Конечно, дети тоже могли бы извлечь из этого пользу, если бы только сумели — что было невоз-

века, имавшего какое-то значение для меня в детстве, которого Ты не уничтожал бы своей критикой) и которое странным образом не особенно тяготило. Тебя (у Тебя было достаточно сил, чтобы выносить такое недоверие, кроме того, оно было, возможно, всего лишь символом властителя), — это недоверие, которое в моих детских глазах ни в чем не получало подтверждения, так как вокруг я видел лишь недостижимо прекрасных людей, превращалось для меня в недоверие к самому себе и постоянный страх перед всеми остальными. Тут уж я наверняка не мог спастись от Тебя. Твои заблуждения в этом вопросе основаны, возможно, на том, что, в сущности, Ты ведь ничего и не знал о моих связях с людьми и недоверчиво и ревниво (разве я отрицаю, что Ты любил меня?) считал, что я где-то восполняю то, чего лишен дома, так как невозможно ведь и вне дома жить таким же образом. Впрочем, в этом отношении как раз в детстве именно недоверие к собственному мнению давало мне известное утешение; я говорил себе: «Ты, конечно, преувеличиваешь, раздуваешь мелочи, как всегда бывает в юности, принимая их за великие исключения». Но позже, с расширением кругозора, я почти утратил это утешение.

Не нашел я спасения от Тебя и в иудаизме. Здесь, собственно говоря, спасение было бы возможно, даже более того — в иудаизме мы оба могли бы найти себя или нашли бы в нем друг друга. Но что за иудаизм Ты внедрял в меня! С течением лет у меня трижды менялось отношение к нему.

Ребенком я, в согласии с Тобой, упрекал себя за то, что недостаточно часто ходил в храм, не постился и т. д. Я считал, что тем самым поступаю плохо по отношению не к себе, а к Тебе, и меня охватывало чувство вины, благо оно всегда подстерегало меня.

Позже, молодым человеком, я не понимал, как можешь Ты, отдавая иудаизму такую малость, упрекать меня за то, что я (хотя бы из одного только пиетета, как Ты выражался) не пытаюсь соблюдать такую же малость. Насколько я мог видеть, это действительно была лишь малость, развлечение, да и не развече-

ние даже. Ты посещал храм четыре раза в году, был там, безусловно, ближе к равнодушным, чем к тем, кто принимал это всерьез, терпеливо разделялся как с формальностью, с молитвами, приводил меня иной раз в изумление тем, что мог показать в молитвеннике место, которое как раз читалось, все остальное время Ты позволял мне, если уж я пришел в храм (это было главное), шататься где угодно. Долгие часы я зевал и дремал там (так скучно мне позже бывало, кажется, только на уроках танцев), силясь по возможности развлечься тем небольшим разнообразием, которое там можно было углядеть, к примеру, когда открывали Ковчег завета, что всегда напоминало мне тир, где тоже открывалась дверца ящика, когда попадали «в яблочко», но только там всегда появлялось что-нибудь интересное, а здесь все время лишь старые куклы без головы. Впрочем, я пережил там и немало страха не только из-за множества людей, с которыми приходилось соприкасаться — это само собой, — но и потому, что однажды Ты мимоходом упомянул, будто и меня могут вызвать читать тору. Годами я дрожал от страха при мысли об этом. В остальном же мою скуку почти ничто не нарушало, разве только конфирмация, но она требовала лишь нелепого заучивания наизусть, то есть сводилась лишь к нелепому экзамену и кроме того — это уже связано с Тобой, — маленькие незначительные происшествия, например, когда Тебя вызывали читать тору и Ты хорошо справлялся с этим исключительно мирским — в моем восприятии — делом или когда Ты во время поминовения усопших оставался в храме, а меня отсылали оттуда, что на протяжении долгих лет вызывало у меня едва осознанное чувство — вызванное, возможно, отсылкой и недостатком сколько-нибудь глубокого участия, — будто там происходит что-то непристойное. Так было в храме, дома же все это было, пожалуй, еще более убого и сводилось к первому пасхальному вечеру, который все больше превращался под влиянием подражающих детей в комедию, сопровождаемую судорожным смехом. (Почему Ты поддавался этому влиянию? Потому что Ты его вызывал.) Вот каков был материал,

который должен был питать... что простертая рука... Фукса», который... со своим отцом... сделать с этим мат... быстрее избавится... и казалось мне наи... спуская еще не... другими глазами... думать, что я и в эт... Тебя. Из маленьк... Ты действ... общины Ты тонк... иудаизма, его тонк... службе еще... впечатлений и во... глатало для неко... особенности если... в такого р... крепкого кор... они не слишком... общественными,... определя... том, что Ты вер... евреев, г... общества, и... Ты, таким об... себе. Здр... иудаизма, но для... мало, в г... текало и полн... передаваемые... вселяющая... реб... тро за всем... Ты с соот... выполня... высокий... маленькая... передать... имели сам... то лишь уго...

который должен был питать веру; к этому добавлялась разве что простертая рука, указующая на «сыновей миллионера Фукса», которые в дни больших праздников бывали со своим отцом в храме. Я не знал, что еще можно сделать с этим материалом, кроме как пытаться побыстрее избавиться от него; именно это избавление и казалось мне наиболее благочестивым актом.

Однако спустя еще некоторое время я увидел это снова, другими глазами и понял, почему Ты вправе был думать, что я и в этом отношении злонамеренно предал Тебя. Из маленькой, подобной гетто, деревенской общины Ты действительно вынес небольшой налет иудаизма, его тонкий слой в городе, а затем на военной службе еще больше истончился, но все-таки впечатлений и воспоминаний юности еще кое-как хватало для некоего подобия еврейской жизни, в особенности если учесть, что Ты не очень-то нуждался в такого рода подспорье, поскольку был очень крепкого корня и религиозные соображения, если они не слишком скрещивались с соображениями общественными, вряд ли могли повлиять на Тебя. Сущность определяющей Твою жизнь веры состояла в том, что Ты верил в безусловную правильность взглядов евреев, принадлежащих к определенному классу общества, и так как взгляды эти были сродни Тебе, Ты, таким образом, верил, собственно говоря, самому себе. Здесь тоже было еще достаточно иудаизма, но для дальнейшей передачи ребенку его было мало, в процессе передачи оно по капле вытекало и полностью иссякало. Отчасти это были непередаваемые юношеские впечатления, отчасти — Твоя вселяющая страх натура. Да и невозможно было втолковать ребенку, из чистого страха необычайно остро за всем наблюдающему, что те пустяки, которые Ты с соответствующим их пустячности равнодушием выполняешь во имя иудаизма, могут иметь более высокий смысл. Для Тебя они имели смысл как маленькая память о прежних временах, и Ты хотел передать ее мне, но поскольку и для Тебя они не имели самостоятельного значения, Ты мог делать это лишь уговорами или угрозами; с одной стороны,

таким путем нельзя было добиться успеха, с другой — моя кажущаяся черствость вызывала в Тебе ярость, поскольку Ты ведь не считал собственную позицию слабой.

Все это в целом отнюдь не единичное явление, примерно так же обстояло дело у большей части того переходного поколения евреев, которое переселилось из относительно еще набожных деревень в города; так получалось само собой, но только нашим отношениям, и без того достаточно острым, это придало еще одну весьма болезненную грань. Конечно, и в этом пункте Ты, как и я, можешь верить в свою невинность, но объяснить эту невинность Ты должен сущностью своей натуры и условиями времени, а не просто внешними обстоятельствами, то есть не говорить, к примеру, что у Тебя было слишком много других дел и забот, чтобы иметь возможность заниматься еще и такими вещами. Так Ты обычно оборачиваешь свою несомненную невинность в несправедливый упрек другим. Это очень легко опровергнуть вообще, а также и в данном случае. Ведь никто не говорил о каких-то, скажем, уроках, которые Тебе следовало давать своим детям, речь идет о достойной подражания жизни; будь Твой иудаизм сильнее, Твой пример был бы более обязывающим — само собой разумеется, это опять-таки вовсе не упрек, а только защита от Твоих упреков. Ты недавно читал юношеские воспоминания Франклина. Я и в самом деле нарочно дал их тебе прочесть, но не ради краткого рассуждения о вегетарианстве, как Ты иронически заметил, а ради того, как описаны в книге отношения между автором и его отцом, и ради того, что в этих написанных для сына воспоминаниях невольно проступают и отношения между автором и его сыном. Я не хочу здесь останавливаться на деталях.

То, что моя оценка Твоего иудаизма верна, мне, так сказать, задним числом подтвердило Твое поведение в последние годы, когда Тебе показалось, что я стал больше заниматься еврейскими вещами. Поскольку Ты всегда уже заранее отрицательно настроен против любых моих занятий, и особенно против того,

что вызывает у меня интерес, то же самое было и здесь. Хотя можно было бы ожидать, что здесь Ты допустишь маленькое исключение. То ведь давал о себе знать иудаизм, порожденный Твоим иудаизмом, а значит, возникала возможность установления новых отношений между нами. Я не отрицаю, что, прояви Ты интерес к этим вещам, они именно потому могли бы показаться мне подозрительными. Я не собираюсь утверждать, что в этом отношении я хоть сколько-нибудь лучше Тебя. Но до испытания дело и не дошло. Из-за меня иудаизм стал Тебе отвратителен, еврейские сочинения — нечитабельны, Тебя «тошнило от них». Это могло означать, что Ты настаиваешь на том, что только тот иудаизм, который Ты раскрыл мне в детстве, и есть единственно правильный, иного быть не может. Но вряд ли возможно, чтобы Ты настаивал на этом. В таком случае «тошнота» могла означать лишь (помимо того, что в первую очередь она относилась не к иудаизму, а к моей персоне), что Ты невольно признавал слабость Твоего иудаизма и моего еврейского воспитания, не хотел никаких напоминаний об этом и отвечал на все напоминания открытой ненавистью. Впрочем, в своем отрицательном отношении Ты очень преувеличивал мое увлечение иудаизмом; во-первых, он ведь носил в себе Твое проклятие, во-вторых, решающим фактором для его развития было отношение к ближним, то есть в моем случае этот фактор был убийственным.

Более прав Ты был в своей антипатии к моему сочинительству и ко всему, что — неведомо Тебе — было связано с ним. Здесь я действительно в чем-то стал самостоятельным и отдалился от Тебя, хотя это немного и напоминает червя, который, если наступить на него ногой и раздавить хвост, оторвется передней частью и уползет в сторону. Я обрел некоторую безопасность, получил передышку; антипатия, которая, естественно, сразу же возникла у Тебя к моему сочинительству, на сей раз в виде исключения была мне приятна. Правда, мое тщеславие, мое честолюбие страдали от Твоих ставших для нас знаменитыми слов, которыми Ты приветствовал мои книги: «Положи ее на

ночной столик!» (чаще всего, когда приносили книгу, Ты играл в карты), но в основном мне все-таки было хорошо при этом не только потому, что во мне поднималась протестующая злость, радость по поводу того, что мое восприятие наших отношений получило новое подтверждение, но и совершенно независимо, ибо слова те звучали для меня примерно так: «Теперь ты свободен!» Разумеется, это был самообман, я не был свободен или — в лучшем случае — еще не был свободен. В моих писаниях речь шла о Тебе, я изливал в них свои жалобы, которые не мог излить на Твоей груди. Это было намеренно оттягиваемое прощание с Тобой, которое хотя и было predetermined Тобой, но происходило так, как мне того хотелось. Но как ничтожно все это было! Вообще, это заслуживает упоминания лишь потому, что происходило в моей жизни, в другом месте это попросту не заметили бы и еще потому, что оно владело моей жизнью, в детстве — как предчувствие, позже — как надежда, еще позже — зачастую как отчаяние, и оно же — если угодно, опять-таки в Твоем образе — продиктовало мои немногие жалкие решения.

Например, выбор профессии. Конечно, Ты великодушно и в данном случае даже терпеливо предоставил мне здесь полную свободу. Правда, Ты тут следовал общепринятому среди еврейского среднего сословия — авторитетному также и для Тебя — принципу обращения с сыновьями или, по крайней мере, взглядам этого сословия. В конце концов здесь сказалось также и одно из Твоих заблуждений относительно меня. Отцовская гордость, незнание моей истинной жизни, выводы, основанные на моей болезненности, внушили Тебе издавна, что я отличаюсь особенным прилежанием. Ребенком я, по Твоему мнению, все время учился и позже все время учился и позже все время писал. Это абсолютно неверно. Гораздо меньшим преувеличением было бы сказать, что я мало учился и ничему не научился; не так уж странно, что после многих лет при средней памяти и не наихудших способностях в голове что-то осталось — во всяком случае, количество знаний

и особенно прочность этих знаний весьма ничтожны в сравнении с количеством затраченных денег и времени в условиях внешне беззаботной, спокойной жизни, особенно в сравнении почти со всеми людьми, которых я знаю. Это прискорбно, но мне понятно. С тех пор как я помню себя, у меня было столько глубочайших забот, чтобы утвердить свое духовное «я», что все остальное было мне безразлично. Еврейские гимназисты у нас вообще со странностями, даже самыми невероятными, но я больше никогда не встречал такого холодного, едва прикрытого, несокрушимого, по-детски беспомощного, доходящего до нелепости, по-звериному самодовольного безразличия, как у меня — совсем уж странного ребенка, — правда, оно было единственной защитой от разрушающих нервную систему страха и сознания вины. Меня занимали лишь заботы о себе, заботы самого разнообразного свойства. Скажем, беспокойство о собственном здоровье; возникало оно легко, то и дело рождались маленькие опасения в связи с пищеварением, выпадением волос, искривлением позвоночника и так далее, они имели бесчисленные градации и в конце концов завершались действительным заболеванием. Но так как я ни в чем не чувствовал уверенности, каждую минуту нуждался в новом подтверждении своего существования, ничто по-настоящему, бесспорно не принадлежало мне, одному только мне, чем распоряжаться мог бы только я сам — поистине сын, лишенный наследства, — то, разумеется, я стал не уверен также и в том, что было ближе всего, — в собственном теле; я вытягивался в длину, но не знал, что с этим поделать, тяжесть была слишком большой, я стал сутулиться; я едва решался двигаться, тем более заниматься гимнастикой, оставался слабым; всему, чем я еще обладал, я удивлялся как чуду, например хорошему пищеварению; и этого было достаточно, чтобы потерять его, открыв тем самым дорогу всякого рода ипохондрии, пока затем сверхчеловеческое напряжение в связи с намерением жениться (об этом еще будет речь) не привело к легочному кровотечению, в чем, наверное, немалую роль сыграла квартира в Шенборнском дворце, — она

мне нужна была только потому, что я думал, будто она нужна для моего писания, стало быть, и это можно включить в счет. Значит, все это следствие не чрезмерной работы, как Ты всегда представляешь себе. Бывали годы, когда я, совершенно здоровый, провалялся на диване больше времени, чем Ты за всю жизнь, включая все болезни. Если я с крайне занятым видом убегал от Тебя, то чаще всего для того, чтобы прилечь в своей комнате. Вся производительность моего труда как в канцелярии (где лень, правда, не очень бросается в глаза, и, кроме того, она сдерживалась моей боязливостью), так и дома была ничтожной; имей Ты об этом представление, Ты пришел бы в ужас. Вероятно, от природы я вовсе не предрасположен к лени, но мне нечего было делать. Там, где я жил, я был отвергнут, осужден, уничтожен, и хотя попытка бежать куда-нибудь мне стоила огромного напряжения, но это была не работа, ибо речь шла о невозможном, недостижимом — за малым исключением — для моих сил.

И вот в таком состоянии я получил свободу выбора профессии. Но был ли я вообще в силах воспользоваться такой свободой? Мог ли я еще ожидать от себя, что овладею настоящей профессией? Моя самооценка больше зависела от Тебя, чем от чего бы то ни было другого, например от внешнего успеха. Последний мог подбодрить меня на миг, не более. Ты же всегда перетягивал чашу весов. Никогда, казалось, мне не закончить первый класс народной школы, однако это удалось, я даже получил премию; но вступительные экзамены в гимназию мне, конечно, не выдержать, однако и это удалось; ну уж теперь я непременно провалюсь в первом классе гимназии — однако нет, я не провалился, и дальше все удавалось и удавалось. Но это не порождало уверенности, напротив, я всегда был убежден — и недовольное выражение Твоего лица служило мне прямым подтверждением, — что, чем больше мне удастся сейчас, тем хуже все кончится. Часто я мысленно видел страшное собрание учителей (гимназия лишь пример, но и все остальное, связанное со мной, было подобно ему), видел, как

они собираются —
лось со вторым к
бы расследовать
возможный к небес
у неспособному уче
жественному мен
сх, откуда мен
жесточее вниман
общему восторг
собщему этот кошм
точек представле
нам обстоятельст
их обстоит
меня хоть искру
лько уроки, н
эзисте — ин
еще находя
его разоблаче
мелкие текущие
жен выполнить
законим казало
до экзаменов
тально выдержи
же прекратило
раньше, несмо
только собой,
давно. Итак, н
для меня не
главным мне в
предметы ги
идет о том,
рзя с наибол
слишком уще
безразличие.
трудолюбия.
решению пор
как, например
годовое из
первоначаль
нию юрисп
нескольких
нарядное к

они собираются — во втором ли классе, если я справ-
люсь со вторым классом, и т. д., — собираются, что-
бы расследовать этот единственный в своем роде,
вопиющий к небесам случай, каким образом мне, само-
му неспособному и, во всяком случае, самому неве-
жественному ученику, удалось пробраться в этот
класс, откуда меня теперь, когда ко мне привлечено
всеобщее внимание, конечно, сразу же вышвырнут
к общему восторгу праведника, стряхнувшего с себя на-
конец этот кошмар. Ребенку нелегко жить с подоб-
ными представлениями. Какое дело мне было при та-
ких обстоятельствах до уроков? Кто смог бы выбить из
меня хоть искру заинтересованности? Уроки — и не
только уроки, но и все вокруг в этом решающем
возрасте — интересовали меня примерно так же,
как еще находящегося на службе и в страхе ожидаю-
щего разоблачения растратчика в банке интересуют
мелкие текущие банковские дела, которые он еще дол-
жен выполнить как служащий. Столь мелким, столь
далеким казалось все рядом с главным. Так все и шло
до экзаменов на аттестат зрелости, их я действи-
тельно выдержал, отчасти обманным путем, а потом
все прекратилось, теперь я был свободен. Если даже
раньше, несмотря на гнет гимназии, я интересовался
только собой, то теперь, когда я освободился, и по-
давно. Итак, настоящей свободы в выборе профессии
для меня не существовало, я знал: по сравнению с
главным мне все будет столь же безразлично, как все
предметы гимназического курса, речь, стало быть,
идет о том, чтобы найти такую профессию, кото-
рая с наибольшей легкостью позволила бы мне, не
слишком ущемляя тщеславие, проявлять подобное же
безразличие. Значит, самое подходящее — юрис-
пруденция. Маленькие, противодействующие этому
решению порывы тщеславия, бессмысленной надежды,
как, например, двухнедельное изучение химии, полу-
годичное изучение немецкого языка, лишь укрепляли
первоначальное убеждение. Итак, я приступил к изуче-
нию юриспруденции. Это означало, что в течение
нескольких предэкзаменационных месяцев, расходуя
изрядное количество нервной энергии, я духовно пи-

тался буквально древесной мукой, к тому же пережеванной до меня уже тысячами ртов. Но в известном смысле это и пришлось мне по вкусу, как в известном смысле была мне по вкусу прежде гимназия, а потом профессия чиновника, ибо все это полностью соответствовало моему положению. Во всяком случае, я проявил поразительное предвидение, уже малым ребенком я достаточно отчетливо предчувствовал, какими будут потом учеба и профессия. От них я не ждал спасения, в этом смысле я уж давно махнул на все рукой.

Я совсем не предвидел, возможен ли и что будет означать для меня брак; этот самый большой кошмар всей моей жизни обрушился на меня почти совсем неожиданно. Ребенок развивался так медленно, казалось, подобные вещи никак его не касались; порой он ощущал потребность подумать о них, но то, что тут ему предстоит долгое решающее и даже жесточайшее испытание, он не предполагал. На самом же деле попытки женитьбы превратились в грандиознейшую и самую обнадеживающую попытку спасения, соответственно грандиозными были и неудачи.

Поскольку в этой области мне ничто не удается, я боюсь, мне не удастся и объяснить Тебе мои попытки женитьбы. А ведь от этого зависит успех всего письма, ибо, с одной стороны, в этих попытках сосредоточилось все то положительное, чем я располагаю, с другой — здесь с какой-то яростью та же сосредоточилось все то дурное, что я считаю побочным следствием Твоего воспитания, — слабость, отсутствие уверенности в своих силах, чувство вины, они буквально воздвигли преграду между мною и женитьбой. Мне трудно объяснить это еще и потому, что в течение многих дней и ночей я снова и снова все продумывал и взвешивал, так что теперь я сам сбит с толку. Но Твое полное, как я думаю, непонимание дела облегчит мне объяснение: хотя бы немножко уменьшить это полное непонимание будет не так уж невозможно.

Прежде всего мои неудачные попытки жениться ты ставишь в ряд остальных моих неудач; я не стал

бы возражать против этого при условии, что Ты принимаешь мое прежнее объяснение неудач. Они действительно стоят в том же ряду, но Ты недооцениваешь их значение, и недооцениваешь настолько, что, говоря об этом друг с другом, мы, собственно, говорим о совершенно разном. Я осмелюсь утверждать, что во всей Твоей жизни не случилось ничего, что имело бы для Тебя такое же значение, какое имели для меня попытки жениться. Этим я не хочу сказать, будто Ты не пережил ничего само по себе значительного, напротив, Твоя жизнь была куда богаче, полнее заботами и трудностями, чем моя, но именно потому с Тобой и не случилось ничего подобного. Представь себе, что кому-то нужно взойти на пять низких ступеней, а другому всего на одну, но эта одна, по крайней мере, для него, так же высока, как все те пять ступеней вместе; первый одолеет не только эти пять, но и еще сотни и тысячи других, он проживет большую и очень напряженную жизнь, но ни одна из ступеней, на которые он всходил, не будет иметь для него такого значения, какое для другого та единственная, первая, высокая, для него неодолимая ступень, на которую ему не взобраться и через которую ему, конечно, и не переступить.

Жениться, создать семью, принять всех рождающихся детей, сохранить их в этом неустойчивом мире и даже повести вперед — это, по моему убеждению, самое большое благо, которое дано человеку. То, что, казалось бы, многим это удастся легко, не может служить возражением, ибо, во-первых, на самом деле удастся немногим, во-вторых, эти немногие большей частью не «добиваются», а просто это «случается» с ними; правда, оно не то «самое большее», но все же очень важное и очень почетное (в особенности потому, что здесь нельзя полностью отделить «добиваться» от «случаться»). И в конце концов речь идет совсем не о «самом большем», а лишь о некотором отдаленном, но достаточно пристойном приближении к нему; ведь необязательно взлететь на солнце, достаточно вскарабкаться на чистое местечко на земле, куда временами заглядывает

солнце и где можно немножко погреться.

Как же я был подготовлен к этому? Хуже некуда. Это ясно уже из предыдущего. Если и существует возможность непосредственно подготовить отдельную личность и непосредственно создать общие предпосылки, то внешне Ты в это не очень много вмешивался. Иначе и быть не могло, здесь все решают общепринятые обычаи сословия, народа, времени. Тем не менее Ты и тут вмешивался, не много, правда, ибо условием такого вмешательства может служить лишь полное взаимное доверие, а оно у нас отсутствовало уже задолго до решающего момента, — и вмешивался Ты не очень удачно, ибо наши потребности были совсем разными; то, что волнует меня, Тебя едва трогает, и наоборот; то, что Ты считаешь невиновностью, мне может показаться виной, и наоборот; то, что для Тебя не имеет последствий, меня может уложить в гроб.

Я помню, как однажды вечером, гуляя вместе с Тобой и матерью на площади Йозефа, поблизости от нынешнего Земельного банка, я начал глупо, хвастливо, высокомерно, гордо, хладнокровно (это было не искренне), холодно (это было искренне) и запинаясь, как почти всегда при разговоре с Тобой, говорить об «интересных» вещах, упрекая вас в том, что вы меня не просветили, что об этом пришлось позаботиться школьным товарищам, что мне угрожали большие опасности (тут я, по своему обыкновению, бесстыдно лгал, дабы показаться храбрым, ибо вследствие моей робости не имел ясного представления о «больших опасностях»), но в заключение дал понять, что теперь я, к счастью, все знаю, не нуждаюсь больше в совете и все уже в порядке. Я начал тот разговор главным образом потому, что мне доставляло удовольствие хотя бы поговорить об этом, потом и из любопытства и, в конце концов, еще и для того, чтобы как-то за что-то отомстить вам. Ты в соответствии со своей натурой отнесся к этому очень просто, сказал лишь, что можешь посоветовать, как, не подвергаясь опасности, заниматься этими делами. Возможно, я хотел вытянуть из Тебя именно такой ответ, именно его и жаждала похоть ребенка, перекормленного мя-

сом и всякими вкусными вещами, физически бездеятельного, вечно занятого самим собой, но моя внешняя стыдливость была настолько задета — или я считал, что она должна быть задета, — что вопреки собственной воле я не мог больше говорить с Тобой об этом и с дерзким высокомерием оборвал разговор.

Твой тогдашний ответ оценить нелегко; с одной стороны, в нем есть что-то убийственно откровенное, а какой-то степени первозданное, с другой же стороны, в том, что касается самой сути урока, он очень по-современному беззаботен. Не помню, сколько лет мне было тогда, во всяком случае, немногим более шестнадцати. Для такого юноши это был очень странный ответ, и дистанция между нами проявилась и в том, что, в сущности, это был первый прямой жизненный урок, полученный мною от Тебя. Однако истинный смысл его, который тогда еще не полностью был для меня понятен и по-настоящему дошел до сознания лишь много позже, заключался в следующем: то, что Ты посоветовал мне, было ведь, по Твоему и тем более по моему тогдашнему мнению, самым грязным, что только могло быть. Твоя забота о том, чтобы я не принес домой телесной грязи, была чем-то второстепенным, Ты охранял лишь себя, свой дом. Главное же — Ты сам оставался вне своего совета, супругом, чистым человеком, стоящим выше таких вещей; тогда это еще больше усилилось для меня тем, что и брак казался мне тогда бесстыдством, и потому я не мог перенести на родителей то, что вообще слышал о браке. Тем самым Ты становился еще чище, еще возвышеннее. Мысль, что до женитьбы Ты мог прислушаться к подобному совету, казалась мне совершенно недопустимой. Таким образом, на Тебе не было почти ни малейшего следа земной грязи. И именно Ты несколькими откровенными словами столкнул меня в грязь, словно я был предназначен для этого. Если бы мир состоял только из Тебя и меня — а такое представление мне было очень близко, — тогда чистота мира закончилась бы на Тебе, а с меня по Твоему совету началась бы грязь. Само по себе непонятно, почему Ты обрек меня на такое, лишь старая вина

и глубочайшее презрение с Твоей стороны могли слу-
жить объяснением. Тем самым я опять был задет до
самых глубин моего существа, и задет очень жестоко.
Здесь, возможно, отчетливее всего проявилась
взаимная невинность. А далее...

Здесь, возможно, отчетливее всего проявилась и наша взаимная невинность. А дает Б откровенный, соответствующий его взглядам, не очень красивый, но в городе теперь вполне принятый, может быть претворяющий заболевания, совет. Совет этот в моральном смысле для Б не очень благотворен, но с течением времени он ведь сумеет избавиться от причиненного вреда, к тому же он не обязан воспользоваться советом, и во всяком случае, в самом совете не содержится повода к тому, чтобы весь его будущий мир рухнул. И все-таки нечто подобное происходит, но происходит именно потому, что А — это Ты, а Б — это я.

Эта обоюдная невинность мне особенно ясна еще и потому, что подобное столкновение снова произошло между нами при совершенно других обстоятельствах лет двадцать спустя, — столкновение ужасное, но само по себе более безвредное, ибо что уж мне, тридцатилетнему, могло еще причинить вред. Я имею в виду небольшое объяснение, произошедшее между нами в один из беспокойных дней после заявления о моем последнем намерении жениться. Ты сказал мне примерно так: «Она, наверное, надела какую-нибудь модную кофточку, как это умеют пражские еврейки, и ты, конечно, сразу же решил на ней жениться. И жениться как можно скорее, через неделю, завтра, сегодня. Я тебя не понимаю, ты живешь в городе и не знаешь другого выхода, кроме как немедленно жениться на первой встречной. Разве нет других возможностей? Если ты боишься, я сам пойду туда с тобою». Ты говорил обстоятельно и яснее, но подробностей я не помню, кажется, у меня поплыл туман перед глазами, меня даже больше интересовала мать, которая, хотя и полностью была согласна с тобой, взяла все же что-то со стола и вышла из комнаты.

Вряд ли Ты когда-нибудь глубже унижал меня словами, и никогда столь отчетливо Ты не показывал

мне своего презрения. Когда Ты двадцать лет тому назад говорил со мною подобным образом, в этом можно было, став на Твою точку зрения, усмотреть даже некоторое уважение к рано созревшему городскому юнцу, которого, по Твоему мнению, уже можно без всяких околичностей прямо ввести в жизнь. Сегодня подобное отношение лишь увеличивает презрение, ибо юноша, который тогда брал разбег, на том и застрял, и он кажется Тебе теперь не более обогащенным опытом, а лишь на двадцать лет более жалким. Мое решение, связанное с определенной девушкой, для Тебя ничего не значит. Мою решительность Ты всегда (бессознательно) низко ставил и теперь (бессознательно) считаешь, будто знаешь, чего она стоит. Ты ничего не знал о попытках спасения, которые я предпринимал в других направлениях, поэтому не можешь ничего знать о ходе мыслей, приведших меня к этой попытке жениться. Тебе приходится разгадывать его, и Ты разгадываешь — соответственно своему общему мнению обо мне — на самый отвратительный, самый грубый, самый нелепый лад. И без малейших колебаний таким же манером высказываешь мне это. Позор, который Ты тем самым навлекаешь на меня, для Тебя ничто в сравнении с позором, который я, по Твоему мнению, навлеку на Твое имя своей женитьбой.

По поводу моих намерений жениться Тебе есть что возразить мне, что Ты и сделал: Ты-де не можешь питать теперь большое уважение к моему решению, поскольку я дважды расторгал помолвку с Ф. и дважды снова заключал ее, понапрасну тащил Тебя и мать в Берлин на помолвку и тому подобное. Все это правда, но как дошло до этого?

Основной замысел обеих попыток жениться был совершенно правильным — создать домашний очаг, стать самостоятельным. Замысел, симпатичный и Тебе, но в действительности он уподобился детской игре, когда один держит руку другого и даже крепко сжимает ее, а сам кричит: «Уходи, да уходи же, почему не уходишь?» В нашем случае это усложнялось тем, что Ты с давних пор честно говорил свое «уходи же», но с тех же давних пор, сам того не ведая, Ты

удерживал, вернее, подавлял меня уже самой своей натурой. Обе девушки были выбраны — правда, случайно — исключительно удачно. Еще одно свидетельство Твоего полного непонимания: как можешь Ты думать, что я — робкий, нерешительный, мнительный — мигом решусь на женитьбу, очарованный, скажем, кофточкой. Оба брака были бы скорее браками по расчету, если понимать под этим, что все мои мысли днем и ночью — в первый раз несколько лет, во второй несколько месяцев — были заняты этими планами.

Ни одна из девушек не разочаровала меня — разочаровал обеих только я. Сейчас я сужу о них так же, как и тогда, когда хотел жениться на них.

И при второй попытке жениться я не пренебрег опытом первой, не был легкомысленным, как может показаться. Оба случая совершенно разные, во втором случае, который вообще сулил гораздо больше, именно прежний опыт мог меня обнадежить.

Так почему же я все-таки не женился? Конечно, я встретился с некоторыми препятствиями, как и во всем, ведь жизнь и состоит из преодоления таких препятствий. Однако главное препятствие, к сожалению, не зависящее от частного случая, заключается в моей очевидной духовной неспособности к женитьбе. Это выражается в том, что с момента, когда я решаю жениться, я перестаю спать, голова пылает днем и ночью, жизнь становится невыносимой, я мечусь в отчаянии. Вызвано это, в сущности, не заботами, хотя мои нерешительность и педантизм соответственно порождают бесчисленные заботы, но не в них главное, они лишь, как черви на трупе, довершают дело, — убивает меня другое. А именно — гнет постоянного страха, слабости, презрения к самому себе.

Хочу попробовать объяснить подробнее: когда я предпринимаю попытку жениться, две противоположности в моем отношении к Тебе проявляются столь сильно, как никогда прежде. Женитьба, несомненно, залог решительного самоосвобождения и независимости. У меня появилась бы семья, то есть, по моему представлению, самое большее, чего только можно

достигнуть, значит, и самое большее из того, чего достиг Ты, я стал бы Тебе равен, весь мой прежний и вечно новый позор, вся Твоя тирания ушли бы просто в прошлое. Это было бы волшебное, но потому-то и сомнительно. Слишком уж это много — так много достигнуть нельзя. Вообразим, что человек попал в тюрьму и решил бежать, что само по себе, вероятно, осуществимо, но он намеревается одновременно перестроить тюрьму в увеселительный замок. Однако, сбежав, он не сможет перестраивать, а перестраивая, не сможет бежать. Если при существующих между нами злосчастных отношениях я хочу стать самостоятельным, то должен сделать что-то, по возможности не имеющее никакой связи с Тобой; женитьба хотя и есть самое большое в этом смысле и дает почетнейшую самостоятельность, вместе с тем теснейшим образом связана с Тобой. Поэтому желание найти здесь выход смахивает на безумие, и всякая попытка почти безумием же и наказывается.

Но отчасти именно этой тесной связью и привлекает меня женитьба. Я представляю себе равенство, которое после того установилось бы между нами и которое Ты мог бы принять как никакое другое, именно потому столь прекрасным, что я смог бы тогда стать свободным, благодарным, избавленным от чувства вины, прямодушным сыном, а Ты — ничем не омрачаемым, недеспотичным, полным сочувствия отцом. Но чтобы достигнуть этой цели, надо сделать все случившееся неслучившимся, то есть вычеркнуть нас обоих.

Но раз мы такие, какие есть, женитьба закрыта для меня как раз потому, что эта область целиком принадлежит Тебе. Иногда я представляю себе разостланную карту мира и Тебя, распростертого поперек нее. И тогда мне кажется, будто для меня речь может идти только о тех областях, которые либо не покоятся под Тобой, либо лежат за пределами Твоей досягаемости. А их — в соответствии с моим представлением о Твоей величине — совсем немного, и области эти не очень отрадны, и брак отнюдь не принадлежит к их числу.

Само это сравнение показывает, что я вовсе не

хочу сказать, будто Ты своим примером изгнал меня из области брака, словно из магазина. Напротив, несмотря на все отдаленное сходство, Ваш брак в моих глазах — брак во многом образцовый, образцовый тем, как вы верны и помогаете друг другу, и тем, сколько у вас детей, и даже тогда, когда дети выросли и все больше нарушали мир в семье, брак, как таковой, остался незатронутым. Именно на этом представлении о браке; то, что мое стремление к браку ни к чему не привело, объясняется другими причинами. Они заключаются в Твоем отношении к детям, которому посвящено все письмо.

Существует мнение, будто страх перед браком иной раз происходит от боязни, как бы дети потом не отплатили нам за то, в чем мы сами согрешили перед собственными родителями. Я думаю, в моем случае это не имеет слишком большого значения, ибо мое чувство вины, собственно говоря, порождено Тобой и оно к тому же слишком проникнуто сознанием своей исключительности, более того, это сознание исключительности — неотъемлемая часть всего мучительной сущности, повторение невыносимо. И все же я должен сказать, что для меня был бы невыносим такой безмолвный, глухой, черствый, слабосильный сын, я, пожалуй, бежал бы от него, не будь иной возможности, уехал бы, как Ты хотел это сделать лишь в связи с моей женитьбой. И это тоже, возможно, повлияло на мою неспособность к женитьбе.

Но гораздо важнее при этом страх за себя самого. Это следует понимать таким образом: я уже упоминал, что сочинительство и все с ним связанное — это мои маленькие попытки стать самостоятельным, попытки бегства, они предпринимались с ничтожнейшим успехом и вряд ли приведут к большему, многое подтверждает это. Тем не менее мой долг или, вернее, весь смысл моей жизни состоит в том, чтобы охранять их, сделать все, что только в моих силах, чтобы предотвратить всякую угрожающую им опасность, даже возможность такой опасности. Брак таит в себе возможность такой опасности, правда, он

не может стать и во
мне достаточно то
но я стану делать,
ожанностью! Как см
той опасности, ош
мым, но тем не
кой перспективой
значный исход пр
Поговорка о ж
мень мало подхо
ебе же все, и тем
так решают услови
образом я вынуж
Но самое главн
и неистребимом у
и тем более для
ему я научился у
и плохое, органи
сила и презрени
неумеренность, д
ность в себе и н
ство превосходст
дозерие к боль
безо всяких не
терпение, прису
нию с Тобой я
лишь в мало
отражаться на б
браке приход
ни детей — д
разумеется, не
четко, иначе п
или бы мне
слада (незач
отличающего
живившихся и
по себе уже
шенно достат
ним с самого
и; в отноши

же может стать и величайшим вдохновителем, но для меня достаточно того, что он таит такую опасность. Что я стану делать, если он действительно окажется опасностью! Как смогу я жить в браке с ощущением этой опасности, ощущением, может быть, и необъяснимым, но тем не менее неопровержимым! Перед такой перспективой я, правда, могу колебаться, но конечный исход предопределен, я должен отказаться. Поговорка о журавле в небе и синице в руках очень мало подходит здесь. В руках у меня пусто, в небе же все, и тем не менее я выбираю эту пустоту — так решают условия борьбы и бремя жизни. Подобным образом я вынужден был выбирать и профессию.

Но самое главное препятствие к женитьбе состоит в неистребимом убеждении, что для сохранения семьи, а тем более для руководства ею необходимо все, чему я научился у Тебя, а именно все вместе, хорошее и плохое, органически соединенное в Тебе, то есть сила и презрение к другим, здоровье и известная неумеренность, дар речи и заторможенность, уверенность в себе и недовольство всеми остальными, чувство превосходства и деспотизм, знание людей и недоверие к большинству из них, затем достоинства безо всяких недостатков, как, например, усердие, терпение, присутствие духа, бесстрашие. По сравнению с Тобой я почти лишен всего этого или обладаю им лишь в малой степени — хотел ли я тем не менее отважиться на брак? — я ведь видел, что даже Тебе в браке приходится вести тяжкую борьбу, а в отношении детей — даже терпеть поражения. Этот вопрос я, разумеется, не задаю себе четко и не отвечаю на него четко, иначе потянулись бы обычные мысли и напомнили бы мне о других мужчинах, много, нежели Ты, склада (незачем далеко ходить — укажу на очень отличающегося от Тебя дядю Рихарда) и тем не менее женившихся и, во всяком случае, не погибших, что само по себе уже очень много, а для меня было бы совершенно достаточным. Я не ставлю этот вопрос, я живу с ним с самого детства. Я ведь проверял себя не только в отношении брака, но и в отношении любой мелочи; в отношении любой мелочи Ты Твоим примером

и Твоей системой воспитания, как я пытался описать, убеждал меня в моей неспособности, и то, что оказывалось правильным и подтверждало Твою правоту в отношении любой мелочи, должно было, разумеется, быть правильным и в отношении самого большого, то есть брака. До того времени, как я предпринял попытку женитьбы, я рос примерно как коммерсант, который живет изо дня в день, правда, с заботами и дурными предчувствиями, но без точного бухгалтерского учета. Несколько раз он получал небольшие прибыли, с которыми из-за их редкости он мысленно все время носится и которые преувеличивает, в основном же у него ежедневные убытки. Все заносится в книги, однако баланс никогда не подводится. Но вот наступает необходимость подведения итога, то есть попытка женитьбы. При больших суммах, с которыми здесь приходится считаться, получается так, будто никогда не было и малейшей прибыли, все сплошная задолженность. Попробуй тут женись, не сойдя с ума!

Так заканчивается моя прежняя жизнь с Тобой, и такие перспективы на будущее она несет.

Окинув взглядом обоснования моего страха перед Тобой, Ты можешь ответить: «Ты утверждаешь, что я облегчаю себе жизнь, объясняя свое отношение к тебе просто твоей виной, я же считаю, что ты, несмотря на все свои усилия, не только снимаешь с себя тяжесть, но и хочешь представить все в более выгодном для тебя свете. Сперва ты тоже отрицаешь всякую свою вину и ответственность — в этом смысле наше поведение одинаково. Но если я откровенно приписываю всю вину одному Тебе, Ты хочешь быть одновременно «сверхрассудительным» и «сверхчутким» и тоже снимаешь с меня всякую вину. Разумеется, последнее удаётся тебе лишь по видимости (а большего ты и не хочешь), и между строк, несмотря на «красивые слова» о сущности и характере и антагонизме и беспомощности, проступает обвинение, будто нападающей стороной был я, в то время как все, что ты делал, было лишь самозащитой. Так ты самой своей неискренностью мог бы уже достаточно достичь, ты доказал три вещи: во-первых, что ты не виноват, во-вторых,

что виноват я и, в-третьих, что ты из чистого велико-
душия не только готов простить меня, но и — ни мало
ни много — доказать и самому захотеть поверить,
будто я, вопреки истине, тоже не виноват. Это могло
бы быть достаточным, но тебе и этого недостаточно.
Дело в том, что ты вбил себе в голову желание жить
только за мой счет. Я признаю, что мы с тобой воюем,
но война бывает двух родов. Бывает война рыцар-
ская, когда силами меряются два равных противника,
каждый действует сам по себе, проигрывает за себя,
выигрывает для себя. И есть война паразита, который
не только жалит, но тут же и высасывает кровь для
сохранения собственной жизни. Таков настоящий про-
фессиональный солдат, таков и ты. Ты нежизнеспосо-
бен; но чтобы жить удобно, без забот и упреков само-
му себе, ты доказываешь, что всю твою жизне-
способность отнял у тебя и упрятал в свой карман
я. Теперь тебя не касается, что ты нежизнеспосо-
бен, — ведь ответственность за это несу я, а ты спо-
койно ложишься и предоставляешь мне тащить тебя —
физически и духовно — через жизнь. Пример, когда
ты недавно захотел жениться, ты в то же время хотел,
как признаешься в этом письме, и не жениться,
но при этом не хотел сам затрачивать усилия, а хотел,
чтобы я помог тебе не жениться, запретив женитьбу
из-за «позора», который навлечет на меня этот союз.
Но я и не подумал сделать это. Во-первых, я не хотел
в этом случае, как и всегда, «быть помехой твоему
счастью», во-вторых, я не хочу услышать когда-нибудь
подобного рода упрек от моего ребенка. Но разве
мне помогло то, что я, преодолев самого себя, пре-
доставил тебе свободу решения относительно брака?
Ни в малейшей мере. Ты не отказался бы от женитьбы
из-за моего отрицательного отношения к ней, напро-
тив, оно бы тебя лишь подстегнуло жениться на этой
девушке, ибо таким путем «попытка бегства», говоря
твоими словами, получила бы наиболее полное выраже-
ние. А мое разрешение на женитьбу не сняло бы упре-
ков, ведь ты все равно доказываешь, что я в любом
случае виноват в том, что ты не женился. Но, в сущ-
ности, ты и здесь, и во всем остальном доказал мне

только то, что все мои упреки были справедливы-
ми и что среди них отсутствовал еще один, особенно
справедливый упрек, а именно упрек в неискренности,
в угодливости, в паразитизме. Если я не ошибаюсь,
ты паразитируешь на мне и самым этим письмом.

На это я отвечу, что прежде всего это возраже-
ние, которое отчасти можно повернуть и против Тебя,
исходит не от Тебя, а именно от меня. Ведь даже
Твое недоверие к другим меньше, чем мое недове-
рие к самому себе, которое Ты воспитал во мне.
Я не отрицаю известной справедливости возраже-
ния, которое само по себе вносит нечто новое в ха-
рактеристику наших взаимоотношений. Разумеется, в
действительности вещи не могут так последовательно
вытекать одна из другой, как доказательства в моем
письме, жизнь сложнее пасьянса; но с теми поправками,
которые вытекают из этого возражения — поправками,
которые я не могу и не хочу вносить каждую в от-
дельности, — в этом письме все же, по моему мне-
нию, достигнуто нечто столь близкое к истине, что оно
в состоянии немного успокоить нас обоих и облегчить
нам жизнь и смерть.

Франц

Ноябрь 1919

Несколько слов на прощанье

После этого Письма говорить трудно. И все же ска-
жу, потому что последние его две странички не дают
мне покоя. На исповедь сына — отповедь отца, пред-
полагаемый, ожидаемый от отца ответ, чудовищный
своей несправедливостью и... невозможностью его
опровергнуть. Сын знает это и все же надеется, на-
деется, НАДЕЕТСЯ, что письмо «в состоянии немного
успокоить нас обоих и облегчить нам жизнь и смерть».

Он сделал для отца все, что мог.

Я возвращаюсь к своим записям, к своим мыслям,
к своей жизни и с грустью, но и с надеждой соз-
наю, что мне еще предстоит выложиться до конца, но
для этого надо не ошибиться в выборе. Времени ос-
талось мало.

со временем у
образной инфор
ах, что в соврем
скообразностей,
жных процессов
и даже к ят
зательством) з
иостоящем об
занию порядк
Пришлось соп
и обращения
идущих к проти
таблица, ко
занию с нов
тики:

Принятый порядок
всех противосто
всехней)

В первой
ищения с

Приложение 2

Глава из книги Б. П. Никитина
«Первые уроки естественного
воспитания,
или Детство
без болезней»
**ПЕРВЫЙ ЧАС
И ПЕРВАЯ НЕДЕЛЯ
ЖИЗНИ**

(резервы здоровья матери
и ребенка,
мало используемые
в педиатрии)

Мать и ребенок — единое целое,
единая система, вырабатывающая
счастье для всех.

Пенелопа Лич

Со временем у нас собралось довольно много разнообразной информации о родовспоможении. Оказалось, что в современной практике накопилось немало несообразностей, которые ведут к нарушению естественных процессов, ослаблению матерей и младенцев и даже к ятрогенным (вызванным врачебным вмешательством) заболеваниям. Однако и в прошлом и в настоящем обнаружались явные тенденции к возвращению порядка, близкого к природе.

Пришлось сопоставить эти два альтернативных способа обращения с роженицей и новорожденным, приводящих к противоположным результатам. Так появилась таблица, которую я назвал «Рекомендации по обращению с новорожденным». Она содержала три колонки:

Принятый порядок (во многом противостественный)	Последствия его	Желательный порядок (близкий к естественному)

В первой перечислялись современные правила обращения с ребенком в родильном доме и указания

специалистов в научных и научно-популярных изданиях для родителей; во второй — болезни и страдания детей и матерей, вызываемые этими действиями и практиками, в третьей — найденные нами выходы: как можно, оказывается, предупредить все эти болезни и страдания или значительно их уменьшить.

В течение семи лет эта таблица дополнялась, изменялась, уточнялась. Мы, доверяя только практике, проверяли результаты на собственных детях, внуках, в семьях друзей, знакомых, многочисленных последователей, в клубах молодых семей. Открытия и находки попадались всюду: жизнь ставит такое количество никуда не планируемых экспериментов, что ни один исследовательский институт с ней не сравнится, — только умей увидеть их и будь честен. А сколько ценнейших сведений дала народная медицина как прошлого, так и настоящего! И все они, с какой стороны к ним ни подходи, опираются на законы природы, и рано или поздно все увидят их великую правду.

В книге «Мы, наши дети и внуки» ту же краткую информацию мы дали в двух колонках, чтобы читателю легче было сопоставить результаты разных способов обращения с новорожденным. Здесь я хочу дополнить и пояснить некоторые из положений.

Обезболивание родов

Местную анестезию делают даже «здоровым роженицам при правильном течении родов!» Женщины, не соглашайтесь на это! Скажите доктору, что, по мнению европейских ученых (последние данные ВОЗ), 990 родов из каждой тысячи могут проходить без лекарств, шприца и скальпеля. Поэтому, если что-то потребуется, пусть доктор обязательно советуется с вами и решение принимайте вместе.

В Канаде в виде эксперимента обезболили роды оленях. Она отелилась и... вопреки обычаям всех оленей, коров и лосей не стала ни облизывать, ни кормить олененка, а ушла от него. Подумали: это какое-то отклонение, может быть, олениха больная. Но вторая олениха после укола тоже бросила малыша.

Пятнадцать
Так в них был уб
инстинкт.
по-видим
ни врач не
производит
идет, в
на подкорков
(анестезии)
относительно б
ребят та
чем
не
упомина
рождение родо
от страха ро
от страха го
Не меньше, че
родовозбужде
что соверш
341-й день!
19 про
В рез
несозр
«Для лучшей
время пред
и ПЕРЕВЯЗ
плода)»².
Сердечко но
еще бере
на пупоч
сестра н
имы. Попр
Ведь
понику пови
года после

См.: По
ред. Н.
усов
181.

И третья... Пятнадцать оленей подряд оставили своих детей. Так в них был убит или временно заблокирован материнский инстинкт.

Подобное, по-видимому, происходит и у людей. И ни мать, ни врач не подозревают, какое страшное действие производит легкое и простое обезболивание. Процесс идет, видимо, на уровне бессознательного — на подкорковом уровне. Воздействие же лекарства (анестезии) на младенца тоже не изучено.

А относительно более при родах я слышал от матери троих ребят такую фразу: «Лучше десять ребятшек родить, чем один раз с зубом помучиться».

Мне кажется, необходимо перевести на русский язык уже упоминавшуюся книгу Мишеля Одена «Возрождение родов». Прочитав ее, женщины избавятся от страха рожать, как мы в наше время избавляемся от страха говорить то, что думаем.

Не меньше, чем анестезии, опасайтесь и уколов для родовозбуждения, то есть стимуляции. Надо учитывать, что совершенно нормальные роды бывают даже на 341-й день¹. Опасение перенашивания — довольно частая (19 процентов) и непростительная ошибка акушеров. В результате на свет появляются физиологически незрелые дети.

«Для лучшей адаптации новорожденных в последнее время предложено осуществлять раннее пережатие и ПЕРЕВЯЗКУ ПУПОВИНЫ (сразу после рождения плода)»².

Сердечко новорожденного еще гонит кровь в плаценту, еще берет там кислород, питательные вещества, пульс на пупочном канатике так легко прощупывается, а сестра не обращает на это внимания и ставит зажимы. Попросите ее, мама, подождать всего пять минут. Ведь у многих племен папуа к пупочному канатику повитуха даже прикоснуться боится, ожидая выхода последа. А он появляется не сразу, через

¹ См.: Пособие по акушерству для практических врачей / Под. ред. Н. М. Старовойтова. — Минск, 1964. — С. 145.

² Усов И. Н. Здоровый ребенок. — Минск, 1984. —

15—20 минут после родов, а иногда и позже. Как только у ребеночка очистили ротик и носик, то можно прикладывать его к соску. Некоторые новорожденные, видимо более зрелые, сразу принимают сосать, и тогда послед отделяется и быстрее и лучше.

Все это так просто сделать. Но знают ли об этом акушерки и сестры? Понимают ли, что сосание груди в эти минуты — сильнейший и удивительно благотворный сигнал ребенка материнскому организму: «Я жив, я здоров. Все в порядке! Мне надо молочка!»

А если сразу на пуповину наложим зажимы, то у новорожденного могут посинеть ручки и ножки, — это признаки гипоксии. Уже осложнение, а его можно было легко избежать!

Первое кормление

«После родов (в первые 6—10 часов) мать нуждается в полном отдыхе, да и молока у нее еще нет (??)... Поэтому первый раз прикладывают к груди всех здоровых детей через 6—12 часов. Более раннее прикладывание нецелесообразно»².

Практически же в роддомах матерям дают кормить на второй-третий день...

Трудно придумать, что может нанести больший вред новорожденному, чем позднее прикладывание к груди, то есть лишение его молозивного, переходного к молоку питания. Как могло случиться, что педиатры называли его незрелым молоком, тогда как у мамы оно является зрелым каждый час, каждый день и без него ребенку плохо? Как не заметили, что «золотушных» детей было мало (6—7 процентов) до той злосчастной поры, пока не появилась инструкция «прикладывать не ранее (?) 12 часов после рождения»? Инструкция вот уже несколько лет как отменена, но привычка действовать по ней осталась.

Теперь «золотушными» детей не называют, но диатезных детей — от 80 до 94 процентов. Разве

¹ Студеникин М. Я. Книга о здоровье детей. — С. 73.

это не сигнал тревоги? Среди потока писем к нам не менее 60 процентов содержат трогательную просьбу: «Напишите, пожалуйста, рецепт, чем излечили вы своего внука от диатеза». Диатез сейчас мучит миллионы детей, все ищут рецепта, но никто и никогда не задал вопрос: «Как предупредить диатез?» Почему? А ведь предупреждение — это пустяк по сравнению с лечением, и двадцать лет как не секрет.

«Сосание ребенком груди... вызывает волны маточных схваток, которые помогают предохранить вас от кровотечения; по этой причине очень важно часто кормить грудью в первые несколько дней после родов — и особенно в первые послеродовые часы»¹, — пишут Г. Брюер и Д. Пресса.

Не забудьте этого, мамы, когда увидите, что новорожденного хотят унести от вас. Вспомните, ведь ни одна львица не позволит взять у нее детеныша, кто бы ни попытался это сделать. А женщины, даже зная, какие несчастья ожидают ребенка, отдают его без сопротивления. Почему? Выходит, звери более смелы, сознательны, обладают чувством собственного достоинства и несут ответственность за судьбу детеныша? И потом: почему защита Отечества почетна, а защита своего ребенка нет?

Ну, шутки в сторону, берите и кормите ребенка, а акушерке дайте эту книгу и скажите, на каких страницах и сколько раз написано о раннем прикладывании к груди. А вдруг она почитает, пока вы будете кормить малыша, улыбнется, глядя на вас, счастливых, и потом сама станет предлагать мамам: «На, милая, приложи-ка своего крикуна. Сейчас в самый раз, святое это дело! И для здоровья и для любви полезно! Я уж знаю».

И действительно, рано или поздно все согласятся, что так надо. Так давайте вернемся к этому пораньше, и пусть пострадавших будет меньше. Это важный шаг к здоровью ребенка на всю будущую жизнь. И ведь как просто его сделать!

¹ Брюер Г., Пресса Д. Грудное вскармливание. — Нью-Йорк, 1983. — С. 20.

Участие отца

Участие отца нужно и матери, и ребенку. Как это ни удивительно, но первые минуты жизни новорожденного почему-то оказывают сильное действие не только на мать, но и на отца.

В родильном доме, где одно время кесарево сечение делали почти 11 процентам женщин (США), стали приглашать к моменту операции отцов. И если отец приходил вовремя, то просили его минут 5—7 подержать в руках голенького новорожденного, пока тому готовили стерильный кювез (куда его помещали после операции). Если отец приходил поздно, ему предлагали посмотреть на сынишку или дочь через стеклышко кювеза и тоже оставляли там ровно на 7 минут. А через 4 месяца, когда забылось происходившее в родильном доме, посетили все эти семьи вечером, когда родители были дома.

38 отцов, смотревших на своих детишек через стеклышко кювеза, ничем особым не отличались от обычных среднестатистических, а вот 17 подержавших своих детишек в руках целых 7 первых минут, когда работал контакт «КОЖА К КОЖЕ», были необычны. Они с удовольствием возились дома с детьми, пеленали их, подмывали, делали им гимнастику, а когда малыш пищал, то раньше мамы бросались к нему. Не все, конечно, поступали одинаково, но наблюдатели в заключение сделали вывод: «Мы увидели отцов, не отличавшихся от матерей по заботливости и привязанности к своим детям».

Вот ведь каким простым способом можно благотворно повлиять на все племя отцов. А пока... «пока лишь в одном-единственном на всю страну роддоме отец может увидеть (а почему не подержать, не поныть?) ребенка с первых секунд его жизни. Это роддом № 1 Риги¹, а теперь к нему прибавился роддом № 15 Москвы.

Муж не должен оставлять жену одну в эти трудные для нее часы. Не заставляем ли мы всех отцов

¹ См.: Комсомольская правда. — 1989. — 5 февраля.

совершать предательство, уходить от тех, кто вверил им на всю жизнь свою судьбу и судьбу своих детей? Не преступны ли наши инструкции в морально-этическом плане? Когда же мы начнем понимать происходящее и подниматься к человечности?

Я предлагаю для начала давать отцу в дни рождения сына или дочери трехдневный **ОТПУСК** и называть его «отцовские дни». Тогда он сможет не только проводить жену в роддом, но и побыть с ней рядом, поддержать ее, помочь в эти ответственные часы.

И мать, торжественно вручая новорожденного отцу, могла бы сказать: «Я принесла его в жизнь, ты теперь выведи в люди!» — или что-то иное, трогательное и подходящее к торжественности происходящего.

В жизнь вошел Человек! А если в эти минуты будут рядом с женщиной-матерью не только доктор и акушерка, но и те родные и близкие, от которых зависит жизнь семьи, насколько лучше бы сложились отношения между участниками этого События. Как благотворно могли бы они сказаться на дальнейшем отношении окружающих к новорожденному и матери, к их здоровью и благополучию.

К сожалению, врачи не подозревают, насколько жизненно важно все происходящее в эти первые часы, а бедные отцы не знают, какой доли любви к сыну или дочери они лишаются, расхаживая под окнами недоступного пока родильного дома. О бабушках и дедушках я уж и не говорю. Они вовсе исключены из этого процесса, а сколько от них будет зависеть позже...

Обработка глаз и прививки

Они далеко не всегда необходимы и безвредны, как уже говорилось. Введение раствора ляписа или сульфацила натрия в глаза ребенку необходимо в том случае, если мать когда-то перенесла одну из венерических болезней. Только ее дети нуждаются в профилактике. Но эта профилактика может и повредить. Раствор ляписа дает до 80 процентов конъюнктивитов.

питов. О влиянии сульфацила натрия пока данных нет. Зачем же заставлять страдать почти всех детей?

Мнения компетентных специалистов по поводу противотуберкулезной прививки (БЦЖ) я нашел в «Иммунизации», специальном выпуске журнала «Материнство», изданном в США в 1984 году. В нем приведены, в частности, выдержки из книги доктора Ричарда Московича «Факты против иммунизации». Он считает, что все вакцины, подобно медикаментам, токсичны. Уровень защиты имеет тенденцию понижаться после иммунизации, так как она разрушает естественный иммунитет, присущий здоровому человеку. С его точки зрения, даже сам термин «иммунизация» неточен, потому что вакцины не укрепляют иммунитета. В этом же сборнике член американского Общества натуральной гигиены Грейс Гердузйн приводит коэффициент общей смертности от скарлатины, дифтерии, коклюша и кори среди детей до 15 лет и делает вывод о том, что примерно 90 процентов общего спада смертности между 1960 и 1965 годами произошло до введения антибиотиков и широко распространенной иммунизации. Характерно, что и изобретатель мертвой вакцины доктор Джонэс Солк заявляет, что две трети случаев полиомиелита за последнее десятилетие вызваны самой вакциной.

Как же решается проблема освобождения детей от прививок в США?

Для этого достаточно письменного возражения родителей, несогласных с тем, чтобы их детям делали прививки.

Рост отказов родителей вакцинировать своих детей, мне кажется, будет тем более обоснован, чем ближе мы подходим к пониманию того факта, что и здоровье, и болезнь создаются нашими собственными привычками жизни, питания и деятельности. Изменяя эти привычки в сторону экологического здоровья, мы можем укреплять свой природный иммунитет — и страх перед микробами начнет исчезать.

И если туберкулез у нас действительно уже редкость (Минздрав должен хотя бы раз в год публиковать данные о состоянии здоровья населения и хотя бы

...зачастую и ш...
...обоснован
...пеленать и одо...
...название того, ...
...как одежде...
...как комф...
...иначе...
...за...
...Тер...
...комф...
...а гиги...
...наскол...
...в этих усл...
...во многих о...
...нам «Кн...
...то там он н...
...требующ...
...ухода. Все у нег...
...Даже в к...
...а считая кле...
...в одеяло. И в...
...держат...
...терморегуляци...
...А когда мы с...
...физическое восс...
...нашли там диа...
...Ребенок мог...
...радусном моро...
...витуха вела р...
...парила там...
...или ткани ра...
...у некоторых

детей дошкольного и школьного возраста), то отказ от вакцинации обоснован.

Как следует пеленать и одевать ребенка

Точное название того, что рекомендуется во многих изданиях как одежда новорожденного, должно быть определено как комфортный термостат повышенной влажности. Как иначе назвать сверток, в котором находится младенец, завернутый согласно медицинским предписаниям? Термометр, помещенный внутри свертка, покажет комфортную температуру (плюс 32—34 градуса), а гигрометр — влажность свыше 90 процентов.

Посмотрим, насколько физиологично пребывание ребенка в этих условиях. Новорожденный — удивительное во многих отношениях создание. Если взять уже знакомую нам «Книгу о здоровье детей» М. Я. Студеникина, то там он называется слабым, нежным, беспомощным, требующим неустанной заботы и тщательного ухода. Все у него еще «не развито, слабо, несовершенно»¹. Даже в комнате его требуется одевать в шесть, а считая клеенку — в семь одежек, заворачивать в одеяло. И везде подчеркивается, что его надо постоянно держать завернутым, потому что «механизмы терморегуляции еще несовершенны»².

А когда мы открыли книгу Е. А. Покровского «Физическое воспитание детей у разных народов»³, то нашли там диаметрально противоположные сведения. Ребенок мог родиться у якутки зимой при сорокаградусном морозе по дороге на стойбище. У финнов повитуха вела роженицу в жарко натопленную баню и парила там хорошенько, потому что считалось: если ткани распарены, мягки, роды пойдут легко. У некоторых народов новорожденного обмазывали

¹ Студеникин М. Я. Книга о здоровье детей. — С. 44.

² Там же.

³ Покровский Е. А. Физическое воспитание детей у разных народов. — М., 1884.

глиной, у других — маслом у третьих обмывали обязательно в холодной родниковой воде или крестили в проруби. И все ребенок выдерживал, и каждый народ считал, что у него самое правильное обращение с ним.

Науке известны десятки случаев, когда младенцы попадали к диким животным — волкам, обезьянам, антилопам, то есть в совсем нечеловеческие условия... и все равно дети выживали. Чем объяснить этот феномен? Только особенностями самого новорожденного и закономерностями его развития.

Ребенок, как видно, «спроектирован» природой не для изнеживающего комфорта современных городских квартир, не для семи одежек и одеяла в теплой комнате, а для суровых условий существования на планете Земля с ее жарой и морозами, дождем и ветром. Причем «спроектирован» он с большим запасом прочности.

Кибернетики назвали основу такой надежности принципом функциональной избыточности. Чтобы человек не умер от кровотечения, в его крови в 70 раз больше тромбина, чем надо для свертывания крови; его аорта выдерживает давление в 60 раз большее, чем может создать сердце; он может дышать воздухом с таким малым количеством кислорода, что все двигатели внутреннего сгорания остановились бы (наблюдали это в подводных лодках в прошлую войну); он выдерживает в обнаженном виде (прижатый к телу матери) и сорокаградусный мороз, и лишь к телу матери) и сорокаградусный мороз, и шестидесятиградусную жару бани, и так далее.

В организме человека идет **НЕПРЕРЫВНЫЙ ПРОЦЕСС АДАПТАЦИИ** (перестройки, приспособления) к условиям существования.

Эта перестройка может идти в зависимости от условий в двух противоположных направлениях: развертывания и совершенствования функций и органов (в пределах адаптивных возможностей) и в направлении свертывания функций за ненадобностью.

Скорость этой перестройки зависит от силы действующих факторов и... возраста. «В период новорожденности скорость адаптивных процессов наи-

и с возрастом. А глубина фактора, вот теперь, чтобы понять,

Это существование прочностных приспособлений, мучительно выживало, выжило, закутанное. Но как это после рождения — вот что механизм, возникшие в жизни свои функции все 24 часа, где находится, эти сами с таким и теперь не

Закливание

Но если свои функции начинает ваниями — и прочим. когда это закалять е приступают, рехмесяч, обтирани, димо по, плюс 32, тираме, пенно.

...ретьих обмывали
...воде или крести-
...держивал, и наждай
...правильное обращение
...аев, когда младенцы
...волкам, обезьянам,
...ловеческие условия...
...Чем объяснить этот
...самого новорожден-
...вития.
...ован» природой не
...временных город-
...и одеяла в теплой
...существования на
...орозами, дождем
...он с большим за-
...такой надежности
...точности. Чтобы
...в его крови в 70
...свертывания кро-
...е в 60 раз боль-
...может дышать
...вом кислорода,
...ия остановились
...ках в прошлую
...виде (прижатый
...сний мороз, и
...к далее.
...РЫВНЫЙ ПРО-
...способления) к

...вша и с возрастом замедляется» (И. А. Аршав-
...ский). А глубина перестройки зависит от времени
...действия фактора, от его длительности.

Вот теперь, после этих общих рассуждений, по-
...пробуем понять, что же происходит с новорожден-
...ным.

Это существо, созданное с феноменальным за-
...пасом прочности и невероятной способностью при-
...способления, может выжить и среди диких живот-
...ных, выживало и в суровых условиях Древней
...Спарты, выживает и в постоянном тепловом ком-
...форте, закутанный согласно «Книге о здоровье
...детей». Но каким он при этом становится через не-
...делю после рождения, как он успевает перестроить-
...ся — вот что важно. Одной недели достаточно, что-
...бы механизмы физической терморегуляции, подго-
...товленные в день рождения к началу работы, сверну-
...ли свои функции за ненадобностью, потому что ребе-
...нок все 24 часа в сутки находится в тепловом ком-
...форте, где никакие регуляторы не нужны. И тогда
...становится справедливым все, что пишут педиатры.
...Они сами сделали его таким, хотя утверждают, что
...он таким и был от рождения, и ничего доказать
...им теперь невозможно. Как говорится, поезд ушел.

Закаливание водой

Но если механизмы терморегуляции свернули
...свои функции и еле-еле живы, то ребенок часто
...начинает болеть, и именно простудными заболе-
...ваниями — ОРЗ, ОРВИ, бронхитами, пневмониями
...и прочим. Значит, он уже изнежен. И только теперь,
...когда это всем стало видно, педиатры советуют
...закалять его. Посмотрите как: «К закаливанию водой
...приступают постепенно и осторожно. С трех-четы-
...рехмесячного возраста можно применять влажные
...обтирания. Прежде чем приступить к ним, необхо-
...димо посоветоваться с врачом... температура воды...
...плюс 32—33 градуса Цельсия... Все тело, кроме об-
...тираемой части, должно быть под одеялом... посте-
...пенно, с интервалом в 5—7 дней, температуру сни-

жают на 1 градус, доводя до 30 градусов»¹.

Авторы этих способов закаливания делают сразу как минимум три непростительные ошибки (да еще и переписывают их друг у друга, повторяя в каждой книге):

1. Опаздывают на 3—4 месяца и упускают высшую скорость адаптации.

2. Сила действующего фактора у них равна нулю или около нуля, так как нет перепада температур (под одеялом плюс 32—34 градуса, и вода нагрета до 32—33 градусов), только через неделю температуру воды снижают... на 1 градус.

3. Время на закаливание — 5—6 минут, а на изнеживание... остальные 1434 минуты каждые сутки.

Эффекта от такого «пододеяльно-комфортного закаливания», естественно, никто никогда не мог наблюдать, даже «добавив на 1 стакан воды 1 чайную ложку поваренной соли или столовую ложку одеколона»². Однако ученые продолжают рекомендовать этот рецепт вот уже третье десятилетие в разных вариантах. Видно, извлекают пользу из него для... самих себя.

Отдельно ли от матери!

Укладывание младенца на ночь отдельно от матери считается завоеванием культуры. Даже в семейной обстановке, когда родильный дом с его жесткими правилами остается позади, врачи категорически требуют укладывать младенца отдельно. Довод педиатров, что мать должна отдохнуть от ребенка, говорит о полном непонимании ими общей закономерности живой природы. А опасение, что мать может его «заспать», то есть задавить или задушить во сне, существует, но трудно понять, чем оно вызвано, потому что вероятность такого события ничтожно мала:

¹ Студеникин М. Я. Книга о здоровье детей. — С. 110—111.

² Там же.

только пьяная или смертельно уставшая мать не почувствует своего ребенка. Врачи не рекомендуют класть ребенка рядом с матерью из гигиенических соображений. Да и вообще это неэтично, незстетично, неприлично. Ну а с точки зрения младенца? Не должен ли он после рождения продолжать подпитываться энергией матери? А это возможно, когда он находится с ней в тесном физическом контакте. Если ребенок лишается такого «питания», он грустнеет, потом слабеет, заболевает и может умереть. Это подтверждено многими фактами.

До революции в воспитательных домах, куда матери отдавали детей сразу после рождения, смертность доходила до 80—90 процентов, хотя питание детей и уход за ними были хорошими. Народ окрестил эти дома «домами ангелов». Спасались только те малыши, которых сердобольные няньки привязывали к себе за спину и носили с собой целый день.

О том, как влияет физическая близость матери на ребенка, говорят и такие факты. В африканских деревнях, где матери носят младенцев за спиной и не расстаются с ними круглые сутки, дети до двух лет опережают в умственном и физическом развитии своих европейских сверстников и только после трех лет начинают отставать — сказывается уже уровень культуры окружения. Видимо, и в Японии, где заболеваемость дошкольников очень низка, не последнюю роль играет обычай носить грудничков за спиной.

Строгий режим дня?

Наши педиатры до сих пор убеждают родителей в его универсальности и важности для малыша. Считается, что он «одинаково способствует и укреплению здоровья ребенка, и правильному его воспитанию»¹. При этом забывают (или не знают?), что режим отключает работу естественных регуляторов организма — голода, сытости, сна, бодрствования и других. Хочет ребенок есть или не хочет — кормить

¹ Студеникин М. Я. Книга о здоровье детей. — С. 6.

по режиму надо.

А «...вскармливаемый грудью ребенок может требовать кормления каждый час как по физическим (пустой желудок), так и по эмоциональным причинам (хочет вашего общества). Обе причины законны. Грудное молоко так полно усваивается и с такой легкостью, что ребенок готов для следующего кормления очень скоро. Заставлять его ждать еще час или два только из-за заранее составленного расписания — значит не считаться по-настоящему с действительными нуждами ребенка»¹, — находим мы в книге Г. Брюер и Д. Пресса, посвященной только грудному вскармливанию.

К счастью, доктор Б. Спок уже в 1970 году (первое издание книги на русском) рассказал, как американцы ушли от строгого режима и увидели, что «нерегулярность в питании не приводит к желудочным расстройствам или к несварению, ни даже к избалованности, как многие опасались»². А доктор П. МакЛендон и Фрэнсис Симсарьян с ее ребенком провели блестящий эксперимент, чтобы увидеть, «какой режим устанавливает сам ребенок, находящийся на грудном вскармливании, если его кормить, как только покажется, что он голоден»³. В первые дни жизни он просыпался не так часто и только по мере прибывания у мамы молока стал приниматься за еду до 10 раз в день. Это увлечение длилось недолго, и когда ему исполнилось 2 недели, он перешел на шести-семиразовое питание, как и полагается, но... с нерегулярными интервалами. К 10-недельному возрасту ему требовалось уже только четырехразовое питание, и оно его вполне устраивало. Видимо, оно близко к тому идеальному варианту, который ищут и врачи, и родители. Даже у древних перуанцев в Америке нашли записи, что грудного ребенка вредно кормить более

¹ Брюер Г., Пресса Д. Грудное вскармливание. — С. 17.

² Спок Б. Ребенок и уход за ним. — Кемерово, 1986. — С. 44.

³ Там же.

трех раз в сутки, иначе «он будет рыхлым, а потом ненасытным».

Совет, который дает доктор Б. Спок, мне кажется поэтому самым приемлемым: «Раз нет необходимости соблюдать строгий режим, вы сможете сначала подчиниться требованиям ребенка, а затем постепенно установить режим, удобный и для вас, и для него»!

Не следует строго выдерживать и ночной перерыв в кормлении ребенка (с 24 до 6 часов). Для новорожденного этот перерыв труден и, видимо, противоестествен. Ему сначала надо подрасти. А вот на втором-третьем месяце жизни о перерыве уже можно подумать. Конечно, не надо будить ребенка для ночного кормления, пусть просыпается сам, если захочет. А вы сдвиньте вечернее кормление поближе к 24 часам, тогда в 3—4 месяца он перестанет просить есть ночью. Можно оказать и давление на него, не спешить покормить, дать немножко поплакать или поить его водичкой. Иногда бывает достаточно две-три ночи, чтобы малыш отвык от ночных трапез, как пишет доктор Б. Спок.

Кроме того, ночной перерыв в кормлении новорожденного протиповоказан и для мамы, если она хочет, чтобы у нее было много молока: в перерыве грудь переполняется молоком и лактация уменьшается. А в три-четыре месяца, когда малыш переходит на пяти- и даже четырехразовое питание, такой перерыв всем окажется на пользу.

Без бутылки с соской!

Раннее применение бутылки с соской для кормления никого уже не удивляет и не пугает. Напрасно! Надо знать какая в ней заключена опасность: тихо и незаметно бутылка ведет к... экологической катастрофе — переходу ребенка к искусственному вскармливанию.

Происходит это потому, что мы не придаем значения ПЕРВЫМ МИНУТАМ и ЧАСАМ жизни ребенка,

оказывающим на него глубокое, а иногда непреодолимое воздействие. В это время ребенок обладает не только наивысшей способностью приспособления к новым для него условиям жизни (адаптацией), но и с удивительной быстротой и прочностью сохраняет в памяти все первые встречи в новом для него мире (явление импринтинга). И если в ротик первым попадает сосок материнской груди, то он примет его за норму этой новой жизни, а если попадает соска, нормой станет она. Младенец начнет отказываться от груди и требовать соску, а когда ощутит, что из груди сосать еще и труднее (там не одно большое, а несколько крохотных отверстий), то может совсем «забастовать». Справиться с ним матери будет очень трудно, потому что он все меньше и меньше будет высасывать молока, а плохое опорожнение груди приведет к тому, что молоко совсем начнет пропадать. И результат: поспешное диагностирование гипогалактии (нехватки молока) и ранние докормы, рекомендуемые врачом.

Опасность ранних докормов

Совершенно непонятно, почему те, кто хорошо должен знать эту опасность, меньше всех осведомлены о ней и могут без страха разрешить ребенку чуть не с первых дней и раствор глюкозы, и донорское молоко из бутылки с соской, и даже искусственные смеси.

Начало этого пагубного процесса закладывается обычно в детской консультации, куда мама приходит на контрольное кормление. Взвешивают ребенка до кормления грудью и после и сравнивают количество высосанного молока с «нормой». А так как «нормы» рассчитаны на акселерата, то детей нормальных и не-крупных рекомендуют докармливать смесями. Тут же вычисляют даже, сколько граммов смеси надо готовить.

Врач, как правило, считает, что дети в каждое кормление высасывают одинаковое количество молока; даже составлены таблицы, сколько надо молока детям разного возраста.

Но ведь дети тоже не механизмы. Пятимесячный ребенок может высосать один раз 80 граммов, а другой

— 360 граммов
современное
что у ребен
сколько надо ему
научно
без действительно
хорошо
если моло
грудь по
мало,
просить
в груд
корольчиха м
пятерых, а
хотят?

Зная эту законо
можно ска
неправильной
затрудняю
смеси, мат
не будет опор
Значит, до
уменьшить лакта
кармливание.
К сожалению,
матери может
не быть. И
почему
Опять вино
Мы не зна
грудь
сигнал
молодой, ро
у дикого
разов — в
от голод

См.: П
детей у раз

...а иногда непреодо-
...ребенок обладает
...приспособления
... (адаптацией), но ч
...точностью сохраняет в
...ротик для него мира
...он примет попа-
...отпадает соска, нор-
...отказываться от гру-
...что из груди со-
...овсем «забастовать»,
...трудно, потому
...высасывать моло-
...приведет к тому, что
...результат: поспеш-
... (нехватки молока)
...а врачом.

...кто хорошо дол-
...х осведомлены о
...ребенку чуть не с
...онорское молоко
...енные смеси.
...закладывается
...мама приходит
...ют ребенка до
...ают количество
...как «нормы»
...мальных и не-
...месями. Тут же
...надо готовить.
...каждое корм-
...о молока; да-
...молока детям
...пятимесячный
...ов, а другой

...раз — 280 граммов. Что тут принимать за норму?
Контрольное кормление и быстрые выводы из него —
просто современное научное заблуждение медиков,
считающих, что у ребенка нет регуляторов, определяю-
щих, сколько надо ему есть, и что природа не может
обходиться без научного руководства.

А в действительности мать и дитя — это, как уже
говорилось, хорошо отлаженная саморегулирующая
система, и если молока пришло много, то ребенок не
опорожняет грудь полностью, и тогда к следующему
кормлению молока приходит уже меньше. Если моло-
ка, наоборот, мало, то ребенок будет высасывать все
полностью, просить есть станет чаще, и молоко будет
прибавляться в груди с каждым кормлением. Иначе
как бы крольчиха могла выкармливать в одном при-
плоде пятерых, а во втором десять или пятнадцать
крольчат?

Зная эту закономерность системы «мать — дитя»,
теперь можно сказать, что контрольное кормление
при неправильной трактовке его — просто вредная
мера, затрудняющая саморегулирование системы.
Давая смеси, мать каждый раз кормит досыта, а сы-
тый не будет опорожнять грудь, как это сделает голод-
ный. Значит, докормы смесями — верный способ
уменьшить лактацию и перейти на искусственное
вскармливание.

К сожалению, педиатры приучили всех к мысли, что
у матери может быть мало молока или даже совсем
его не быть. И никому не приходит в голову простая
мысль, почему в животном мире мы этого не встреча-
ем. Опять виновато наше «цивилизованное» невежест-
во. Мы не знаем великой закономерности природы:
сосание груди — это настолько сильный физиологи-
ческий сигнал организму женщины, что он заставляет
молоко появиться в груди любой женщины: старой и
молодой, рожавшей и не рожавшей вообще.

У дикого племени американских индейцев — иро-
кезов — в случае смерти кормящей матери младе-
нец от голода никогда не погибает¹. Его берет к себе

¹ См.: Покровский, Е. А. Физическое воспитание
детей у разных народов. — С. 16.

Бабушка и прикладывает к своей пустой груди. Голодный жадно сосет часами и засыпает только от усталости. Проснувшегося младенца бабушка напоит водичкой и приложит ко второй груди и опять носит с собой целый день, так как положить его нельзя — он будет плакать от голода. Ночью он тоже с ней рядом и, конечно же, продолжает сосать, как только просыпается. Это непрерывное сосание даже у самой старой бабушки через двое — двое с половиной суток вызывает появление первых капелек молока. Обрадованный младенец начинает сосать с новой силой и через сутки другие наедается досыта.

Но разве можно заставлять ребенка голодать целых два дня? Не повредит ли это его здоровью? Ведь врачи утверждают, что перекорм и недокорм одинаково вредны. Не пугайтесь! Ужасное землетрясение в Мексике в 1985 году, когда засыпало обломками целую палату родильного дома, доказало, что врачи не правы. Железобетонная коробка палаты сохранилась, младенцы могли в ней дышать, и когда на шестые (!) сутки их откопали, то все 58 новорожденных оказались живы, и здоровье их не вызывало сомнений. Вот вам еще одно доказательство феноменальной прочности новорожденного и недостатка информации о ней у педиатров, не подозревающих, что 5 дней даже сухого голодания (без воды) безопасно для их жизни.

«У бечуанов в Южной Америке Левингстон видел, что во многих случаях выкармливала своего внука бабушка, не имевшая перед этим детей лет 15; иногда же дети пользовались грудью матери и бабушки совместно¹. У армавирских армян (на Кавказе) было даже обычным, когда мать и бабушка кормили малыша вдвоем — первая утром, уходя на работу в поле, и вечером, возвратившись домой, а вторая весь день.

Значит, таково нормальное свойство женской груди — давать молоко всегда, если малышу нужно.

¹ См.: Покровский Е. А. Физическое воспитание детей у разных народов. — С. 259.

педиатры рекомендуют: «Оставлять ребенка у груди больше 20 минут не следует»¹.

Нам теперь предстоит убедить всех матерей в том, что природа вместе с рождением ребенка дает им и возможность кормить его молоком, как это было всю историю человечества, как это есть у всех млекопитающих на земле и сейчас.

Нельзя соглашаться матери и на ранние, с 1—1,5 месяцев, **КОРРЕКЦИИ** питания.

«С 1—1,5-месячного возраста ребенок нуждается в дополнительном поступлении витаминов и минеральных солей»², — пишут педиатры. Это утверждение, на наш взгляд, также необоснованно. Если новорожденный обеспечен первоначальным молозивом, а позже материнским молоком, то он получает все, что приготовила для него природа, что ему необходимо. А когда ему маминого молока становится недостаточно, природа дает сигнал — посылает ему зуб, чтобы ребенок мог грызть, кусать, тем самым прибавляя к молоку витамины и соли, которых ему теперь не хватает. Зубы режутся в возрасте 5—8 месяцев, а до этого времени желудочек ребенка не готов к любым видам пищи, кроме материнского молока. Попытки давать соки и пюре раньше этого времени ведут к расстройствам желудка, поносам, к тому, что называют «пучит животик», появлению сыпей или покраснению кожицы на щеках. Зная это, педиатры предупреждают: «...начинайте с 3—4 капель, постепенно прибавляя... При появлении рвоты, срыгиваний... прекратить давать соки и рыбий жир»³.

Зачем же рекомендовать то, что может вызывать такие неприятности?

Еще одно доказательство вреда от раннего включения фруктовых и овощных соков сообщил мне врач из Ленинграда, который при осмотре детей в доме малютки с помощью гастроэнтероскопа сделал такое наблюдение: у ребятишек на искусственном вскармливании

¹ Студеникин М. Я. Книга о здоровье детей. — С. 74.

² Там же. — С. 76.

³ Там же. — С. 76—78.

вании, которым рано начали давать соки, часто наблюдается покраснение слизистой желудка, подобное тому, какое бывает у страдающих гастритом.

К докормам смесями из коровьего молока («Малютка», «Малыш», «Симилак» и другие) надо подходить с большой осторожностью. Рекламные надписи на коробках со смесями вводят родителей в заблуждение. В них перечисляются достоинства смесей и не упоминаются их недостатки. Но приближение состава смесей к составу женского молока не делает еще их пригодными для ребенка. Забыли, что коровье молоко предназначено природой для теленка, растущего в пять раз быстрее ребенка. И не случайно мы видим «искусственников», в два года имеющих вес 23 килограмма, то есть вес семилетнего! Количество ожиревших детей с каждым годом увеличивается примерно на 1 процент, и главной причиной, видимо, являются употребление смесей и безудержный рост их производства.

Не считаются люди и с тем фактором, что смеси угнетают микрофлору в кишечнике ребенка и ведут к расстройству желудочно-кишечного тракта (пучит животик, стул приобретает зеленоватый цвет вместо желтого и неприятный запах вместо кисленького). Смеси очень заметно снижают общую сопротивляемость болезням и вызывают существенную задержку развития мозговой ткани¹.

Мамам надо хорошо знать, что смеси тем опаснее, чем меньше малыш, и только после прорезывания первого зуба (5—8 месяцев) уже безвредны. Поэтому если не хотите сами повредить здоровью своего ребенка, то выдержите хотя бы 6 месяцев и тогда начинайте кормить смесями, соками, пюре из овощей и прочими блюдами детского питания.

Вызывает удивление, с какой легкостью педиатры ставят рядом грудное (естественное), смешанное и искусственное вскармливание и могут даже сказать: «...если ребенок получает около 30 процентов грудного молока, то все питательные вещества (особенно

¹ См.: Справочник по детской диететике. — С. 24.

и малыш не
вскармливание
в год случаев (г
зудного молока ил
работы ил
не может об
грудью».
тагы, не верьте э
ребенка на иску
это не только сп
и расстройств, не
возрасте.
Здоровье м
организацией здравоо
1979 года докто
жительные данные
в свою статью «Пр
ление». В сборн
и при всей сде
е прочтете: «Расп
е вскармливания
ей цивилизации»
и попытка вскарм
биологического в
ческой катастроф
имой, чем меньше
но количество не
искусственников, непр
ти половина дете
та, уже не пол
ень плохой». — п

1 Студеник
83. Там же.
2 Там же.
3 Справочник
4 Там же.
5 Ваган
83. —

ки, часто наблю-
ка, подобное то-
итом.

о молока («Ма-
е) надо подхо-
амные надписи
лей в заблужде-
смесей и не упо-
жение состава
делает еще их
коровье молоко
а, растущего в
айно мы видим
их вес 23 кило-
чество ожирев-
ется примерно
димо, являются
рост их произ-

ом, что смеси
енка и ведут к
тракта (пучит
й цвет вместо
кисленького).
сопротивляе-
ную задержку

и тем опаснее,
прорезывания
едны. Поэто-
ровью своего
ев и тогда на-
е из овощей и

тью педиатры
смешанное и
даже сказать:
ентов грудно-
ва (особенно

белок) искусственных смесей хорошо усваиваются
организмом, и малыш нормально развивается»¹. Пе-
реход этот изображается ими как неизбежный шаг:
«На смешанное вскармливание приходится (?) перево-
дить ребенка в том случае, если у матери пониженная
секреция грудного молока (гипогалактия)» или «когда
по условиям работы или каким-либо другим об-
стоятельствам не может обеспечить нужного числа
кормлений грудью»².

Мама и папа, не верьте этим рекомендациям! Ведь
перевести ребенка на искусственное или смешанное
питание — это не только спровоцировать у него массу
болезней и расстройств, но и заложить их основы в
старшем возрасте.

В журнале «Здоровье мира», издаваемом Всемир-
ной организацией здравоохранения (ВОЗ), за август —
сентябрь 1979 года доктор Мануэль Карбалло приво-
дит убедительные данные для врачей и матерей и на-
зывает свою статью «Природа голосует за грудное
вскармливание». В сборнике «Справочник по детской
диететике» при всей сдержанности серьезных ученых
вы уже прочтете: «Распространение раннего искусст-
венного вскармливания... можно считать вариантом
болезней цивилизации»³. И далее вывод: «Поэтому
всякая попытка вскармливания ребенка молоком дру-
гого биологического вида является, по существу, эко-
логической катастрофой для ребенка, и тем более
значимой, чем меньше его возраст»⁴.

Но количество несчастных детей, называемых ис-
кусственниками, непрерывно растет. «У нас в Карелии
почти половина детей, не достигших 4-месячного воз-
раста, уже не получает материнского молока. Это
очень плохо», — пишет врач Н. Н. Ваганов⁵.

¹ Студеникин М. Я. Книга о здоровье детей. —
С. 83.

² Там же. — С. 82.

³ Справочник по детской диететике. — С. 29.

⁴ Там же. С. 25.

⁵ Ваганов Н. Н. Первый год жизни. — Петрозаводск,
1983. — С. 23.

Неужели так много женщин, у которых совсем нет или мало молока, и они вынуждены отказываться от кормления?

В действительности недостаток молока встречается в жизни гораздо реже, чем это предполагают не только матери, но и врачи. К истине ближе данные Штрауса, который, исходя из своих наблюдений над родильницами Мюнхенской клиники, приходит к заключению, что только 5 процентов всех женщин надо считать неспособными к кормлению, равно как и данные Длюски, которая показала, что из 100 женщин 99 способны кормить, а среди своих выводов сформулировала положение, что «случаи безмлечия чрезвычайно редки: абсолютного безмлечия не существует»¹.

Почему же тогда человечество продолжает ускорять свой бег к экологической катастрофе? Когда же 50 процентов женщин Карелии перевели своих детей на смешанное кормление, если, не достигнув 4-месячного возраста, они стали «искусственниками»? Смешанное кормление по своей неполноценности и вредности для ребенка настолько близко к искусственному, что можно написать формулу: СМЕШАННОЕ=ИСКУССТВЕННОМУ=КАТАСТРОФЕ!

Кто-нибудь скажет: какая катастрофа, ведь дети не умирают?! Что не умирают, это верно, но кто может сейчас точно сказать, как это сказывается на здоровье? Не закладываем ли новому поколению уже с детства фундамент инвалидности? Конечно, закладываем, но не хотим этого признавать, если не вводим в научный обиход даже понятие «крепость здоровья» и, таким образом, скрываем от людей реальную угрозу. И матери все меньше кормят детей грудью, надеясь на детское питание.

¹ Жук В. Н. Мать и дитя. — С. 741.

Хотя проблема
возвращаться в
она захват
родителей. П
рутинное мерс
ложную и бол
рами, скажем
медицинской ку
ется и индивид
и неактивн
шей медицинск
и в отечестве
вреде прививс
вадами и непр
сведению имм
вернуться к с
Начнем «от
(прививки),
своей зада
ойчивость и
жпространен
ней, особе
ой отрицате
ают реальну
ультативност
я стократны
гезом, дифте
роко распро
ными инфек
иммунная п

ПРИЛОЖЕНИЕ 3

МЕДИКО- ЭКОЛОГИЧЕСКИЙ ПОСТ

Ведет доктор медицинских наук,
профессор Л. Н. Хахалин

Прививки (иммунизация детей)

Хотя проблема стара, к ее обсуждению приходится возвращаться вновь и вновь, потому что в нашей стране она захватывает каждое новое поколение молодых родителей. Причины возводить это, как говорится, рутинное мероприятие системы здравоохранения в сложную и болезненную проблему имеют своими корнями, скажем прямо, низкие уровни социальной и медицинской культуры нашего населения. Тут сказывается и индивидуальный эгоизм отдельных родителей, и неактивная позиция медиков, и отсталость нашей медицинской промышленности. Время от времени в отечественной прессе появляются публикации о вреде прививок, и тогда тысячи родителей всеми правдами и неправдами стараются воспрепятствовать проведению иммунизации их детей. Поэтому мы решили вернуться к обсуждению вопроса.

Начнем «от печки»: профилактическая иммунизация (прививки), принятая во всех странах мира, ставит своей задачей гарантированно создать у детей устойчивость или невосприимчивость к ряду наиболее распространенных острых заразных инфекционных болезней, особенно тех, которые, помимо своей большой отрицательной социальной значимости, представляют реальную угрозу здоровью и даже жизни. Результативность иммунизации наглядно демонстрируется стократным снижением заболеваемости туберкулезом, дифтерией, корью, столбняком и другими широко распространенными среди людей острозаразными инфекционными болезнями. Но как только «иммунная прослойка» детей снижается, немедленно

начинается рост числа этих заболеваний. Самый свежий пример такого рода взаимосвязи — вспышки групповых заболеваний дифтерией и туберкулезом (!) в некоторых крупных городах страны. Так что каждый родитель, исхитрившийся отвести своего ребенка от профилактической иммунизации, роет яму не только другим детям, но в первую очередь и своему, родному дитяте.

Печально признавать, но среди родителей появились довольно агрессивно настроенные принципиальные отказники от профилактических прививок детям. На первый взгляд их аргументация совершенно справедлива: «Пусть лучше ребенок перенесет нормальную болезнь, чем будет привит искусственной плохой вакциной. Медицина достаточно сильна, чтобы справиться с обычной болезнью! В этих словах есть одна, самая большая неправда: ведь большинство наших детей уже с трехлетнего возраста (время зачисления ребенка в детский сад) перестает вести нормальный естественный для биологии человека образ жизни — вступает в контакт с сотнями других детей. И этот контакт происходит не на открытых пространствах, а в душных, перегретых, плохо проветриваемых помещениях детских садов и школ.

Стоит напомнить друг другу, что, по современным данным, вся известная на сегодняшний день история человечества как биологического вида исчерпывается всего лишь восемьюстами (900!) поколениями (если принять среднюю продолжительность жизни каждого отдельного поколения за 64 года). Вся биология человека, в том числе и его способность противостоять инфекциям (иммунитет), была приспособлена под другие, не столь социально организованные условия жизни и развития. Ведь только в течение 800-го жизни и нынешнего 801-го поколения людей дети стали «организованными», и стали так резко, естественно тесно контактировать друг с другом, что и приводит к вспышкам массовых заболеваний и их распространению. Именно эти обстоятельства заставили человечество искать путь коллективной защиты детей.

В то же время сама жизнь показывает, что и сейчас дети, растущие в изолированных условиях (хутора, маленькие поселки, «домашние» дети), не обязательно нуждаются в прививках. Хотя все равно на всю жизнь остаются группой риска по острозаразным инфекционным болезням, характерным для детей. Чаще всего именно такие дети, став взрослыми, тяжело и нередко с осложнениями переносят детские болезни...

Надо честно сказать, что присутствие в детских коллективах непривитых детей ставит их в заведомо худшие условия в случае попадания в эти коллективы разносчика инфекции. Мало того, что непривитый ребенок имеет значительно больший риск заполучить тяжелое острое заболевание (с этим можно было бы в конце концов примириться), хуже другое — такой ребенок скорее всего получит самый тяжелый вариант инфекции и, к сожалению, как правило, осложнения. (Дело в том, что возбудители инфекций — тоже живые и изменяющиеся объекты, приспособляющиеся к окружающей среде. И когда большинство людей приобретают устойчивость к размножению всевозможных микроорганизмов, то вирусы, кокки, бациллы и другие возбудители инфекции начинают изменять свои агрессивные свойства в сторону их усиления. Со временем создаются очень опасные сорта возбудителей полиомиелита, вирусов ветряной оспы, паротита, коклюша, гепатита и др.)

Лечить острое инфекционное заболевание, вызванное необычным видом возбудителя, гораздо труднее, и врачам нередко приходится включать в свой арсенал самые мощные лекарства. И хотя они, конечно, приносят всегда больше пользы, чем вреда, применение сильных препаратов редко остается без всяких последствий для развития организма ребенка. Каждый родитель, ребенок которого хоть раз тяжело болел и активно лечился, знает о долгих последствиях даже самой спасительной терапии...

Несовершенство используемых вакцин не может быть основанием для отказа от профилактической иммунизации. Я знаю, что эта фраза вызовет поток

возмущенных писем и протестов. Но, дорогие родители, посудите сами: вероятность реакции на вакцину из-за ее качества, по самым суровым оценкам, составляет от 0,001 до 0,000001 процента. Все остальные случаи — результат неправильного (не в нужное время, не в нужной дозе, не по показаниям и т. п.) применения вакцины. Конечно, необходимо повышение квалификации медиков, их ответственности, строгие наказания за ошибки. А во избежание осложнений, вызываемых самими вакцинами, в настоящее время создана и продолжает расширяться в ассортименте большая группа ослабленных вакцин, которые без всякого риска могут быть использованы у детей с относительными противопоказаниями.

В настоящее время в СССР принята следующая принципиальная схема иммунизации:

на первом году жизни ребенку проводят иммунизацию вакциной ВСС (против туберкулеза), трижды вводят вакцину против полиомиелита (через рот), трижды — комплексный препарат АКДС, вызывающий формирование иммунитета против коклюша, дифтерии, столбняка, и противокоревую вакцину. (Для детей, которые имеют какие-либо противопоказания или ограничения в стандартном календаре прививок, разработаны специальные препараты с уменьшенным количеством вакцинных материалов — АДС-М или с уменьшенным числом вакцин — АДС.)

Повторная вакцинация детей, иммунизированных АКДС, проводится на третьем году жизни, а затем в 9 и 16 лет. Дети, получавшие нестандартные вакцины, ревакцинируются специальным препаратом через определенные сроки после первичной вакцинации.

На втором году жизни детей, посещающих дошкольные учреждения, вакцинируют против эпидемического паротита (свинки).

Перед школой детей ревакцинируют против туберкулеза, кори и полиомиелита.

Вот и вся столь устрашающая некоторых родителей программа защиты ребенка от самых распространенных и опасных для детей острозаразных заболеваний. Время от времени меняются сроки проведения

вакцинация иммунизация
проводятся новые
вакцины, но пр
своей «социа
от самых
вакцинных болезн

теперь тест-вопр

Предположим,
вакцина
вакцина обязатель
надо обязатель
вакцина. Согласит
Тем, кто ответ
вакцинироваться и
вакцином, столбняко
вакцина пока в тысяч
«века».

домашняя эколо

Может показ
вакцины, ответ
вакцины (за каждо
вакцина — одн
1. В вашей
вакцина или пала
2. Влажную
вакцина неделю?
3. В вашем
4. Вы выти
вакцина неделю?
5. В вашей
вакцина?
6. Вы дер
7. У вас е
8. Стен
вакцина боями?
9. В квар
10. Окна
на прое
автотрансп

отдельных иммунизаций, сдвигается весь график, в схему вводятся новые вакцины и изымаются ставшие ненужными, но принцип остается прежним: к моменту своей «социализации» ребенок должен быть защищен от самых опасных видов острозаразных инфекционных болезней.

А теперь тест-вопрос для родителей:

Предположим, что появилась первая, не очень совершенная вакцина против вирусов СПИДа, но прививку надо обязательно сделать на втором году жизни ребенка. Согласитесь Вы иммунизировать своих детей?

Тем, кто ответил «нет!», напомним, что вероятность инфицироваться и заболеть туберкулезом, полиомиелитом, столбняком, коклюшем и дифтерией, скарлатиной пока в тысячи раз выше, чем этой новой «чумой XX века».

Домашняя экология

Может показаться, что эта тема надумана, но, пожалуйста, ответьте на наши вопросы, подсчитывая баллы (за каждое «да» прибавляйте себе по два очка, за «нет» — одно очко):

1. В вашей квартире в каждой комнате есть ковер или палас?
2. Влажную уборку в квартире вы делаете один раз в неделю?
3. В вашем доме имеется сто книг?
4. Вы вытираете пыль в жилых комнатах один раз в неделю?
5. В вашей квартире живет любимая кошка или собака?
6. Вы держите аквариумных рыб?
7. У вас есть домашняя птичка?
8. Стены вашей кухни оклеены моющимися обоями?
9. В квартире есть сырые углы?
10. Окна вашей квартиры выходят на проезжую часть улицы с большим движением автотранспорта;

в тихий двор?

11. В вашем квартале есть промышленные предприятия с высокими трубами?

12. Кто-то из членов вашей семьи курит?

Самый худший вариант, если вы набрали от 24 до 15 баллов, потому что это значит, что вы живете в экологически напряженной ситуации, вас очень плотно обступают все наиболее распространенные вредоносные факторы окружающей среды: домашняя пыль, промышленные и транспортные аэрозоли.

С медицинской точки зрения наибольшую опасность в экологическом отношении в жилищах горожанина представляет бытовая пыль, потому что она содержит в своем составе немалое количество бытовых аллергенов (частишки шерсти домашних животных, их клещей и паразитов, бумажная пыль, корм для рыб и птиц и прочие не безразличные для человека элементы).

Всем известно, что напольные покрытия и мягкая обивка мебели очень эффективно собирают пыль. Значит, увлекаясь комфортом, вы повышаете для себя риск заполучить либо аллергическое, либо хроническое воспалительное заболевание органов дыхания (ринит или трахеобронхит).

Кухонный чад содержит в себе множество небезразличных для организма веществ. А в тех семьях, где регулярно на кухне кипятят белье с синтетическими стиральными средствами, опасность отравления возрастает.

Если в форточки вашей квартиры изо дня в день вливается поток воздуха, содержащего выхлопные газы автомашин или выбросы промышленных предприятий, то для вас существенно повышается риск, приобрести какое-либо хроническое воспалительное или злокачественное заболевание.

Исследования специалистов показали, что эффективных методов снижения концентраций вредных веществ в воздухе, поступающем в жилища, нет: даже кондиционеры не задерживают две трети токсических аэрозолей. Медицинского решения этой проблемы по-

...вероятно, не
...организованная бо
...проживания мо
...временный эс
...из зоны от
...везд (это среднее
...веществ
...распада)
...касается пол
...почти полност
...свой дом гла
...привычках и и
...уточните «розу
...роветривайте его

...не гоняйте пыл
...определите за
...снх.

...закройте стекл

...держите плотн

...синтетически

...храните носи

...организуйте

...могли в тече

...антибактериальн

...к ним относ

...антисептическ

...История анти

...алась в 1929

...триумфальная.

...покорили пр

...риальных и гри

...неспособными

...антибиотикам

...продолжит

...и матери

...Для всех н

ка нет и, вероятно, не будет найдено. Поэтому только организованная борьба за экологическую чистоту зоны проживания может изменить ситуацию. Частичный и временный эффект оздоровления организма дает выезд из зоны отравления на срок не менее трех недель (это среднее время ликвидации в организме токсических веществ под воздействием естественного процесса их распада).

Что касается положения внутри вашего жилища, то оно почти полностью подконтрольно вам. Посмотрите на свой дом глазами врага, найдите слабинку в своих привычках и измените их:

- уточните «розу ветров» вокруг вашего жилища и проветривайте его только в самые благоприятные дни.

- не гоняйте пыль, наскоро прибираясь в квартире.
- определите запретные зоны для домашних животных.

- закройте стеклом или пластиком все книги и газеты.

- держите плотно закупоренными корма для рыб и птиц, синтетические продукты бытовой химии.

- храните носильные вещи в пластиковых чехлах.

- организуйте свой отпуск таким образом, чтобы вы могли в течение трех недель хорошо продышаться.

Антибактериальные средства

К ним относятся антибиотики, сульфаниламидные и антисептические препараты.

История антибиотиков пока еще короткая (она началась в 1929 году с открытия А. Флеминга), но триумфальная. С внедрением пенициллина антибактериальных и грибковых инфекций, но оказались пока неспособными противостоять вирусной флоре. Это антибиотикам принадлежит главная заслуга в повышении продолжительности жизни людей, снижении детской и материнской смертности.

Для всех нас привычно, что врач, установив диаг-

ноз какого-либо инфекционного заболевания, назначает заболевшему курс антибиотиков. Но, как это ни парадоксально, безопасность течения ранее очень опасных заболеваний (воспаления легких, нагноительных процессов и т. п.) мало-помалу трансформировала общественное мнение, и в последнее десятилетие среди людей появилось сопротивление столь широкому использованию в медицине антибиотиков. При этом ссылаются на вредность частого применения многих препаратов, на то, что раньше и без антибиотиков хорошо лечили, на нежелание отравлять организм химией. Особенно часто слышатся возражения молодых мам. Но они не правы.

В настоящее время известно более шести тысяч естественных и десятки тысяч полусинтетических препаратов с антибиотическими свойствами, но в медицинской практике получили распространение только около пятидесяти самых мощных и безопасных лекарственных. Одни антибиотики предназначены для определенных способов введения, другие — для лечения только отдельных видов заболеваний (туберкулеза, грибковых, онкологических и пр.), третьи — только для взрослых и так далее; в настоящее время антибиотиками занимается целая отрасль фармакологии. Современные антибиотики — хорошо очищенные от примесей, точно нацеленные на мишень, высокоэффективные препараты. Без них медики оказались бы беспомощными, а пациенты — беззащитными против весьма агрессивных микроорганизмов окружающей нас среды.

Но по справедливости нельзя не сказать и об отрицательных, побочных эффектах антибиотикотерапии. Они есть и связаны либо со свойствами самих препаратов, либо с чувствительностью отдельных органов или систем конкретного человека. Самым распространенным побочным эффектом антибиотиков является **АЛЛЕРГИЯ** на них у отдельных людей. Кроме того, некоторые люди испытывают токсическое воздействие на свой организм от продуктов распада антибиотиков в их организме.

Но ни одно из этих отрицательных свойств ан-

тибиотиков не
любой антиб
и значит, все
гельности вра
дующую замен
Сульфанил
анию — части
осуществляете
(незначительн
можность при
конкретных о
антибактериал
Все сульф

Поэтому никак
мии, ратующи
зиламидами:

пришли к пони
и те и другие

Наконец, е
ружного приме
ным противом
и местным.

Как же над
паратам?

* Не как к г
важных, а в
средств лечени

Как же по
антибактериал

* Применят
дая дозировку
тогда не буде
побочных эфф

* Не занима
что нынешняя
леченную каки

антибиотиков не является непреодолимым, потому что любой антибиотик имеет свой аналог-заменитель, и значит, все дело только в квалификации и внимательности врача, который всегда сможет найти подходящую замену.

Сульфаниламидные препараты по своему назначению — частичная замена антибиотиков. Такая замена осуществляется врачом, если какие-то обстоятельства (незначительная тяжесть течения заболевания, невозможность применения антибиотика и пр.) позволяют в конкретных обстоятельствах применить более слабое антибактериальное средство.

Все сульфаниламиды — синтетические вещества. Поэтому никак нельзя согласиться с борцами против химии, ратующими за подмену антибиотиков сульфаниламидами: человечество и медицинская наука пришли к пониманию необходимости иметь в резерве и те и другие виды препаратов.

Наконец, есть масса антисептических средств наружного применения. Все они тоже обладают выраженным противомикробным действием, но более коротким и местным.

Как же надо относиться к антибактериальным препаратам?

* Не как к панацее и не как к яду, а как к одному из важных, а в ряде случаев жизненно необходимых средств лечения воспалительных заболеваний.

Как же поступать в случае назначения больному антибактериальных препаратов?

* Применять их точно по назначению врача, соблюдая дозировку, режим и продолжительность приема, тогда не будет осложнений болезни и проявлений побочных эффектов препаратов.

* Не заниматься самолечением на основании того, что нынешняя болезнь похожа на ранее успешно вылеченную каким-либо антибактериальным препаратом.

СОДЕРЖАНИЕ

- I. Мысли вразброс, или Моя красная тетрадь 5
- II. Шаги себе навстречу или Я и «Я» 78
- III. Письмо каждому взрослому 105

Научно-популярное издание

Никитина Лена Алексеевна

ИСПОВЕДЬ

Редактор О. Г. Свердлова
Мл. редактор С. В. Осинкина
Художник В. А. Провалов
Техн. редактор О. А. Найденова
Корректор С. П. Ткаченко
ИБ № 11611

Сдано в набор 28.01.91. Подписано к печати 10.04.91. Формат бумаги 84×108¹/₃₂. Бумага офсетная № 2. Гарнитура журнально-рубленая. Печать офсетная. Усл. печ. л. 7,80. Усл. кр.-отт. 15,92. Уч.-изд. л. 9,29. Тираж 133 913 экз. Заказ 1994. Цена 55 коп. Издательство «Знание». 101835, ГСП, Москва, Центр, проезд Серова, д. 4. Индекс заказа 912403.

Ордена Трудового Красного Знамени Тверской полиграфический комбинат
Государственного комитета СССР по печати. 170024, г. Тверь, пр. Ленина, 5.

